

**ИМПЕРИАЛИЗМ:
хроника
преступлений**

Э. А. Чепоров

ОЛЬСТЕР: время остановилось?



**Издательство
политической
литературы**



**ИМПЕРИАЛИЗМ:
хроника
преступлений**

Э.А.Чепоров

ОЛЬСТЕР:

**время
остановилось?**



Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Чепоров Э. А.

Ч-44 Ольстер: время остановилось? — М.: Политиздат, 1985.— 176 с., ил.— (Империализм: хроника преступлений).

...Взрыв. Летят на мостовую оконные рамы, сыпятся кирпичи, поднимается к небу столб пламени... И новые человеческие жертвы. Это эпизод, давно ставший обычным для жизни Ольстера (Северной Ирландии). Очевидец многих событий ольстерской драмы политический обозреватель АПН Э. А. Чепоров рассказывает в своих документально-художественных очерках об ее истоках и причинах, о терроре экстремистских группировок, пытках в полицейских застенках, о том, как британская армия на практике осуществляет «умиротворение» Ольстера. В книге приводятся многочисленные факты и свидетельства, опровергающие попытки «большой» лондонской прессы извратить события в Северной Ирландии.

Книга адресована массовому читателю.

Ч $\frac{0804000000-126}{079(02)-85}$ КБ—33—10—84

66.3(4Вл)
321П

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

Я стоял в центре Белфаста. Часы на здании страховой компании показывали ровно шесть. Взглянул на те, что над входом в отель, на них было половина четвертого, на тех же, что возле универмага, — около пяти. Все часы стояли. Давно, после первых взрывов, их еще пробовали чинить. Скоро очередная бомба останавливала стрелки. Эти мертвые часы — не символ ли остановившегося здесь времени? Есть искушение ответить на такой вопрос утвердительно. Да и оснований для этого, казалось бы, немало. Но Ольстерская драма в однозначные ответы не укладывается. Лондон действительно делал и делает все, чтобы остановить время в Северной Ирландии. Но Ольстер невозможно вернуть в прошлое — кризис с жестокой отчетливостью обнажил смысл десятилетиями раздиравших провинцию политических и социальных противоречий. Вернуться к прошлому? Нет, слишком много жертв выпало на долю тех, кто начал и продолжает борьбу за гражданские права, жертв, которые нельзя ни забыть, ни списать...

Самыми острыми были для меня первые Ольстерские впечатления — еще два дня назад я был в Москве, вчера ходил по Лондону, и вот разбитый Белфаст, кричат заголовки газет: «Убиты трое, ранены четверо...» Многое здесь казалось абсурдом, фантасмагорией. Солдат лежит на тротуаре, и пешеходы, проходя мимо, чуть ли не переступают через его взятый на изготовку карабин. Привыкли? Люди сидят в баре, спорят о футболе, вглядываются в экран телевизора, отхлебывают пиво. Ночью же, а может, через несколько часов кого-то из них убьют солдаты, а кто-то будет стрелять друг в друга. Вопреки всему, что уже знал о кризисе, об ирландской истории, я не мог отделаться от вопроса: «Как же так? Неужто эта чередá убийств и взрывов будет длиться и завтра, и на следующей неделе?»

Они длятся с тех пор уже много лет.

За годы корреспондентской работы в Великобритании я не раз бывал в Северной Ирландии. В начале кризиса еще можно было подъехать на автомобиле к подъезду отеля «Ройял-авеню» в центре Белфаста. Потом центр огородили стальной решеткой, и машину приходилось оставлять за несколько кварталов. «Ройял-авеню» взорвали. Впрочем, не было ни одного отеля в Белфасте, где мне приходилось останавливаться, который бы рано или поздно не взрывали. Белфаст менялся на глазах. Исчезали снесенные бульдозерами сгоревшие кварталы, перестали вставлять выбитые бомбами зеркальные стекла в витринах магазинов, в ход пошла фанера. Когда-то, открываясь после взрыва или пожара, магазины или конторы вывешивали от руки написанные объявления: «Бизнес как обычно», теперь табличку с тем же текстом можно было купить в киосках — нота стабильности в атмосфере всеобщей неопределенности... И все больше и больше военных появлялось на улицах.

В историю современности Ольстер вошел болевой, «горячей» точкой планеты. В Африке, в небольшом суданском городке, узнав, что я только что прилетел сюда из Англии, меня спросили: «Почему там, в Северной Ирландии, до сих пор воюют?» У Африки по горло своих забот. И все же здесь заговорили об Ольстере. Почему? Потому что с годами для всего мира он превратился в символ насилия, потому что вобрал в себя многие и многие из тех бед, что переживает Запад,— от хронической безработицы до пыток в полицейских застенках.

В конце 60-х годов в Северной Ирландии стремительно накапливался горючий материал — усиливалась хроническая депрессия в индустрии, разорялось фермерство. Скачок в уровне безработицы, снижение жизненного уровня особенно чувствительно били по католикам — угнетенному меньшинству Северной Ирландии. Хозяева Ольстера — юнионистская буржуазия — в союзе с Лондоном отказывались идти на какие-либо серьезные перемены, хотели править Ольстером так, как правили им полвека после того, как эта провинция была отторгнута Британией от Ирландии. Именно в этой ситуации в 1967 году в Северной Ирландии была создана Ассоциация борьбы за гражданские права, организация общедемократическая,

выступающая за радикализацию политической жизни, равноправие всех граждан независимо от их политических взглядов и религиозной принадлежности.

Хронология кризиса ведет свой отсчет с демонстрации в Дерри в 1968 году. Это был первый марш в защиту гражданских прав. Люди требовали работы, жилья, демократических реформ. Марш был разгромлен полицией. Но борьба за гражданские права продолжала набирать силу. Стремясь подавить ее, ольстерские власти подстрекали банды ультраправых к расправам, вместе с погромщиками действовали полиция и специальные военизированные формирования протестантов — силы «Б». Горели кварталы католических гетто, появились первые жертвы.

Тогда «для поддержания закона и порядка» в Ольстер вступила британская армия. Официально было объявлено, что она пришла защитить католиков от протестантских экстремистов. Солдаты же принялись забивать католиками тюрьмы и концлагеря, проводить повальные обыски и облавы. Насилие армии спровоцировало и подхлестывает террор экстремистских группировок, взрывы звучат теперь не только на улицах Белфаста, но и Лондона. Весь ход кризиса доказал, что британская «демократия» не хочет искать действительно демократических решений больных проблем. А это значит, что борьба за гражданские права в Северной Ирландии будет продолжаться — люди не смирятся ни с насилием, ни с унижением.

Белфастский уик-энд

Пахнет псиной, машинным маслом, бензиновой гарью. На грузовой палубе морского парома «Ольстерский принц» рядом с моим автомобилем стоят клетки с служебными собаками. Солдаты крутят в руках поводки. Скоро Белфаст. Съезжаю на берег и, повинаясь здешним дорожным знакам, запрещающим почти все, держу путь в знакомый отель «Ройял-авеню». Он уже близок, вон за тем взорванным домом торчит его козырек над подъездом. Но дорога перекрыта бетонными надолбами. Предстоит объезд по еще пустым утренним улицам — лабиринту из железных ворот, протянутых через дорогу цепей, армейских контрольных постов. Солдаты и полицейские лезут в багажник, поднимают капот, похлопывают тебя по бокам. Все как прежде. И по-прежнему оконный карниз в гостиничном номере усыпан битым стеклом — след взрыва.

День начался. В первых выпусках газет погромыхивает эхо и вчерашних, и прошлогодних смертей. Судебная хроника о процессе над Теренсом Расселом и Мартином Нисоном. Обоим по семнадцать, обвиняются в убийстве. Шон Маккани отправлен в тюрьму за хранение бомб. Семья Дойлов из Тирола получила две с половиной тысячи фунтов стерлингов — компенсацию за убитого солдатами сына Юджина. Взрывы в Белфасте, Арма, Дерри. В пивной за пятнадцать фунтов был куплен пистолет с несколькими обоймами. Одна из газет подсчитывает — в следующие двенадцать месяцев в Северной Ирландии двести пятьдесят человек погибнут, а три тысячи будут изувечены. Владелец ресторана Виктор Фиорентини публикует объявление, где «приносит извинения клиентам за неприятности, причиненные взрывом бомбы». И ловишь себя на том, что даже в тех репортажах и объявлениях, где о взрывах и убийствах ни строчки, вдруг видишь зловещую двусмысленность. Какой-то эксперт убеждает в пользу вегетарианства: «Вегетарианцы предпочитают молоко, сыр, масло, яйца — все, что не связано с убийством...» Кардинал Хи-

нэл выступает против абортів: «Ни один человек не вправе уничтожить свою или чужую жизнь». Сколько вегетарианцев и любителей говядины, сколько единомышленников и противников кардинала Хинэна погибло сегодня? «Белфаст телеграф» из номера в номер печатает обращение: «Совершенно конфиденциально. Звоните по телефону 65-22-155, если располагаете какой-либо информацией об убийствах и взрывах».

За окном уже слышно подвывание полицейских сирен, как пулемет трещит турпикет, впускающий людей из соседнего переулка. Стальная, длиной в две мили решетка, ограждающая центр Белфаста, такая же, как в зоопарке, но в этом вольере — люди, а если появляется автомобиль, то полицейский. В очереди на обыск у входа в железные ворота всякое увидишь и всякого наслушаешься. Впереди меня стоит парень с толстой книгой под мышкой. Солдат, обыскивая его, заставил книгу открыть и даже перелп-стать. Я усмехнулся: зачем? Парень сказал мне: «Ищут оружие». Через несколько дней я увидел фотографию — толстый том, а в середине вырезано углубление для бомбы.

Но вот все звуки заглушает лязг духового оркестра. Что-то бравурное, победное, игривое, вроде «По улице, пыль поднимая, проходил полк гусар-усачей». Солдаты в клетчатых шотландских юбочках, в высоких медвежьих шапках, в беретах с помпонами маршируют взад-вперед посреди мостовой, дуя в трубы, стуча в барабаны, гремя медными тарелками. Дождь. Холодные струи стекают по меди, намокли ритуальные леопардовые шкуры на спинах барабанщиков. Зрителей нет. На тротуаре мокнет патруль, дождь сечет вороненую сталь карабинов.

— Праздник? — спрашиваю я солдата.

— Нет, сэр, — отвечает он. — Просто для поднятия настроения местных жителей...

Жизнь в городе идет своим чередом. Люди работают или ищут работу, женятся, празднуют юбилеи, умирают не от пули, а от гриппа. Может показаться, что нормальная жизнь идет вроде бы параллельно стрельбе и взрывам. Но параллели не пересекаются лишь в элементарной математике... Огни реклам, витрины магазинов, иероглифы китайского ресторана, крики газетчиков, люди пьют пиво у дверей бара. И вдруг — выстрелы из проезжающего мимо автомобиля. Кружки катятся по мостовой, падают люди. Человек в маске вбегает в контору, спрашивает, кто тут такой-то, и — на голос — всаживает в него очередь из автомата. Через несколько часов здесь снова зашелестят бу-

магами. И никаких гарантий, что завтра не случится то же самое. И никакой уверенности в том, что кризис не коснется тебя, именно тебя.

Однажды я провел вечер у профессора-слависта Маркуса Уиллера. Он живет в «тихом» районе, о чем не забыл предупредить, приглашая меня к себе. Действительно, за окнами коттеджа было по-деревенски мирно, казалось, что стреляют и взрывают где-то далеко, в другой стране. Но, возвратясь в Лондон, я нашел письмо от Уиллера: «Уважаемый т. Чепоров! — писал по-русски белфастский славист. — Надеюсь, Вы вернулись в Лондон «целыми и невредимыми». Может быть, Вам интересно узнать, что на другой день после Вашего визита окно той комнаты нашего дома, в которой мы с Вами преспокойно побеседовали, было выбито взрывом! К счастью, в данный момент нас с детьми не было у себя дома».

Вроде бы нет войны, обычной войны, но нет и мира. А люди гибнут и гибнут. Даже похороны, бывает, превращаются здесь в баталии. В зимний сумеречный полдень хоронили шестерых убитых английскими солдатами католиков. Когда процессия подошла к Конвей-стрит, где католическая Фоллс-роуд граничит с протестантскими кварталами, ее встретили автоматные очереди. Шесть гробов перегородили дорогу, винтовки легли на них, как на брустверы. Строчили автоматы протестантов из организации «Ассоциация обороны Ольстера» (АОО), отвечали им боевики «временной» Ирландской республиканской армии (ИРА). Кричали раненые, летела от гробов лакированная щепка. И уже через несколько минут в перестрелку влились очереди автоматических винтовок английских солдат.

Бомбой и пулей экстремисты обеих общин сводят счеты друг с другом, британская армия же подстегивает, провоцирует схватки, в которых первыми гибнут мирные жители. «Ассоциация обороны Ольстера» — организация легальная, и ее отношения с армией за редкими исключениями вполне лояльны. АОО не раз брала на себя «ответственность» за взрывы и резню в католических гетто, но власти и не пытались ее запрещать — протестантские штурмовики отстаивают «протестантские привилегии». Иное дело ИРА, ее «временное крыло». Это организация подпольная, за саму принадлежность к ней бросают в концлагеря и тюрьмы.

Кризис вызвал массовую миграцию населения Белфаста и других городов. Процесс исчезновения «смешанных» районов сейчас почти завершился, их границы прочерчи-

ваются кварталами пустых, взорванных, сгоревших домов. Бегут и католики, и протестанты, пули экстремистов свистят над «ничейной землей». Джим Кемпбелл, репортер «Санди ньюс», только что вернулся с места события — убийство на улице Виктория Гарден, северный Белфаст.

— Видел лужу крови, — рассказывает он мне, — вытекла из-под двери. Вначале убили — четырнадцать ударов по голове — 63-летнюю Кэтрин О'Коннор. Не проснулась, не успела закричать. Потом поднялись наверх, где спали ее дочь с мужем. Дочь, увидев людей в масках, забилась под кровать... Мужа, Томаса Нолана, прикончили выстрелом в голову... Семья католическая. Двое малолетних детей остались плакать в кроватках. Полиция считает, что преступление совершили протестантские ультра.

Через несколько лет люди в масках вот так же ворвались в дом самого Джима Кемпбелла. Его изрешетили пулями, он долго валялся по госпиталям, едва выкарабкался. В газетах писали, что у Кемпбелла, «журналиста левых убеждений, всегда было много врагов среди экстремистов, чьи действия он критиковал и разоблачал».

А в тот день я отправился на Виктория Гарден. У дома О'Конноров стоял полицейский с автоматом, прохожие, однако, шаг не замедляли — ничего сверхъестественного, очередное нападение, очередные жертвы. Улица — ряд одинаковых краснокирпичных, викторианского стиля домов. Вскоре после начала кризиса здесь было зарегистрировано первое нападение на католическую семью. С тех пор атаки не прекращались. В окна летели бутылки с бензином, на дверях появлялись лозунги: «Католики, убирайтесь к католикам!» Начался исход католических семей. По строптивым, по тем, кто не желал бросать дома, стреляли. По вечерам, ближе к ночи, раздавался стук в дверь, а вслед за этим звучал выстрел. Перестали открывать незнакомым, завели двойные и тройные засовы, надели на окна решетки. Не помогло. Из недавней хронки: представив лестницу к окнам второго этажа, террористы стреляли по спящим.

А вот другой район, другие люди...

С разбойничьей нптонацией посвист — это ветер бьет в пулевые пробопны стекол. Несколько часов назад кто-то стрелял по школе, по окнам спортивного зала, где у телевизора сидели беженцы. Люди распластались на полу, а когда пальба прекратилась, лежать осталась 14-летняя Эдвина Корбетт — ранена. Эдвину увезли в госпиталь, телевизор передвинули в другой угол. Иду мимо матрасов,

детских игрушек, кроватей. Серьезные дети слоняются по залу, женщины отрешенно перебирают скарб, двое мужчин открывают на кухне консервы — время обеда. Входит некто, на ходу отхлебывает чай из толстой кружки. «Шеф, — представляют мне его. — Уполномочен делать заявления». Это был один из лидеров «Ассоциации обороны Ольстера» Билли Бриггс.

Беженцы — тринадцать протестантских семей. Сигналом к их исходу был обстрел клуба «Британский легион». «Ответственность» за нападение взяла «временная» Ирландская республиканская армия. Протестанты бросили дома, разбив и испортив в них все, что можно было разбить и испортить, и переселились сюда, в Саффолк, к единоверцам. Но есть и другая версия этого события. Говорят, что «Ассоциация обороны» приказала своим, протестантам: переселяйтесь, нужно для «общего дела», будем демонстрировать единство и протест...

— Идет война, — говорит Бриггс. — Убить могут каждый день.

И стал рассказывать мне, как несколько недель подряд получал письма с угрозами.

— Помните текст?

Бриггс усмехнулся — такое не забудешь. Я подвинул блокнот, он начертил столбиком: «Берегись. Мы вернемся, вернемся, вернемся. Провос». Так подписывается «временная» ИРА.

— Недавно кто-то позвонил у двери. Я хотел открыть, но в тот день у меня был в гостях двоюродный брат. Он опередил меня. Убили его. Пуля предназначалась мне.

Бриггс выдернул из мятой пачки сигарету, сказал:

— На каждый удар мы отвечаем ударом...

— Кто же мишень ваших акций? Как знать, где «провос», а где «просто» католик?

Бриггс опять усмехнулся.

— Нет среди них невиновных. Все они одинаковы...

Индульгенция на отстрел. Но за взрывом в католическом квартале следует взрыв в протестантском. И гремят выстрелы, идет, как ее здесь называют, «сектантская» война — убивают за саму принадлежность к другой общине. Есть у этой войны и статистика — католиков гибнет вдвое больше, чем протестантов. Статистика соответствует лозунгу протестантских ультра: «За каждого убитого протестанта должно умереть два католика».

Ждем взрыва

Шерон, четырехлетняя дочь Патрика Картни, видела, как двое в масках стреляли в ее отца, как он упал, как потекла по асфальту кровь. Мэри Шеферд, владелица небольшого таксопарка, была убита, когда по селектору переговаривалась с таксистами; те слышали выстрелы, потом пытались вызывать ее: «Мэри, Мэри! Кто там стрелял?» Неккий безымянный директор школы «попал под пули, когда играл во дворе в настольный теннис». Заголовок, набранный в газете мелким шрифтом: «Убийцы пошли выпить после того, как застрелили человека». Другой: «Убита девушка с заправочной автостанции в католическом районе». А через день такое же сообщение о девушке с заправочной станции в районе протестантском.

Офис социал-демократической лейбористской партии, куда я шел на встречу с Пэдди Дэвлином, рабочим, бывшим депутатом ныне распущенного североирландского парламента — Стормонта, в окружении обуглившихся домов. В подъезде, глядя на мой портфель, меня встречают полупроническим вопросом: «Вы не с бомбой?» В Ольстере родилась новая профессия — человек, который обыскивает у входа. Любая уважающая себя контора, магазин, отель, ресторан держат в штате этот гибрид любезного швейцара и сурового охранника. Его задача смотреть, чтобы посетители не пронесли оружие. Не сразу привыкнув к этой процедуре, я, бывало, не останавливаясь, проходил мимо. Догадывали: «Что там у вас?»

Дэвлин начал рассказывать о здешней жизни. Посреди разговора раздался звонок, Дэвлину назначали встречу. Он отпер ящик стола, вынул пистолет, переложил в карман.

— В меня уже дважды стреляли. Взгляните на автомобиль — пять дырок. Пока везет...

Снова выхожу на улицу и скоро натыкаюсь на толпу. Напряженная, чего-то ожидающая толпа. Через минуту подкатили пожарная машина, полицейский автомобиль, армейский броневик. Полицейский с автоматом перекрыл вход в переулок, солдаты оцепили район, пожарные наставили брандспойты на угловой дом. Сейчас, а может быть, через час, должен раздаться взрыв. Седая женщина в фартуке, только что из-за прилавка, рассказывает, что бомба заложена в ее магазине, на углу Кинг-стрит.

— Мэри, сколько можно? — говорит кто-то рядом. — Тебя уже в пятый раз подрывают.

— В седьмой,— поправляет Мэри.

Ждем взрыва. И вот летят на мостовую окопные рамы, сыпятся кирпичи, поднимается к небу черное пламя — то был магазин красок. Пожарные берутся за брампспойты, у седой женщины в фартуке подгибаются ноги, она начинает падать, ее подхватывают, уводят. Через несколько часов, оказавшись недалеко от Кинг-стрит, я завернул на пожарище. Пахло гарью, хрустели под ногами осколки толстого витринного стекла. Седая Мэри Райс со свечой в руках стояла у входа в бывший магазин. Расположенная по соседству пивная, однако, была полна народу, оттуда доносилось нестройное пение. Через несколько дней, уже в Лондоне, я узнал — и пивную взорвали...

— Свежее разрушение,— рассказывал мне Джон Стайлз, страховой агент, специализирующийся на взрывах,— ужасное зрелище... Но еще ужасней вид людей. Практически я всегда вынужден иметь дело с людьми, чей душевный баланс нарушен. Вернее, с людьми в шоке. Я вижу их в такой момент, когда у них нет сил скрывать в себе ни хорошее, ни плохое. Прежде чем встретиться с вами, я заходил тут к одному человеку — владельцу магазина. У меня сейчас лежит пять или шесть его исков по поводу разрушений. Не успеешь уладить один, а его уже опять взорвали. Я снимаю шляпу перед такими людьми, перед их мужеством и упорством, с каким они возвращаются к своему делу и продолжают его в такой обстановке. Представьте, я прихожу к этим людям после взрыва, а они начинают рыться в развалинах, чтобы откопать чашку и блюдо — угостить меня чаем!

А день все катится по годам наезженной колее. Вечер, тревожность багрового заката делают силуэты церквей еще строже, колокольный перезвон плывет со всех концов города. Где-то за несколько кварталов хлопок взрыва и вслед за ним вой полицейских сирен, лязг броневика, рев моторов. Сработай бомба чуть раньше или позже, и не было бы этой ольстерской симфонии. Медный, тяжелый гул колоколов переплелся, перемешался с суетными звуками сирен, дребезгом металла об асфальт.

Первый вечерний выпуск «Белфаст телеграф» вышел с шапкой «Погибло четверо». В тот самый момент, когда оркестр поднимал настроение жителей, в офисе, недалеко от центра города, были убиты трое и один ранен. Все католики. Часом позже застрелили Рональда Зинтерса, владельца бара в протестантском районе. Бар Зинтерса был пзве-

стен тем, что там собирались протестантские ультра. Через час телевидение сообщило о пятой жертве. А впереди была ночь, и все знали, что «это то самое время, когда убивают». Утром следующего дня стало известно: за двадцать часов было убито двенадцать человек и сорок ранено. Бомбы бросали в пивные, конторы, машины, гаражи, частные дома. Купив газету с этими подсчетами, я отправился к Сити-холлу — местному муниципалитету. Уже издали в сквере возле здания было видно что-то блестящее и яркое. Это строился в шеренги все тот же музыкальный взвод. Светило солнце. Зайчики слетали с труб и медных тарелок. Грянул марш. Привалясь к железной ограде, стояли солдаты с автоматическими винтовками.

Сегодня воскресенье, улицы вымерли. Иду вдоль бесконечной ленты стоящих вплоты друг к другу одинаковых кирпичных одноэтажных домов. В окнах каждой гостиной — огонь камина и голубое свечение телевизора, кто-то в кресле, кто-то на диване у стены. И все это повторяется и повторяется за каждым окном. И телевизор, и кресло против него расположены одинаково чуть ли не в каждом доме. Опасное сходство. Есть особая статистика убийств, когда стреляли по сидевшим у телевизора.

Я хожу по городу пешком. Автобусов в Белфасте почти нет — слишком крупные мишени. По ним стреляли, их подрывали, их жгли, из них строили баррикады. Во всем городе лишь две стоянки такси, с одной можно добраться только до католических кварталов, с другой — лишь до протестантских.

В двух шагах от центральной Ройял-авеню начинаются кварталы низкорослых, разномастных домов. Романтические заморские названия улиц — «Венеция», «Неаполь», «Пиза», «Одесса». Улицы с названиями профессий их прежних обитателей — «Ткачей», «Лудильщиков», улицы, получившие имена в эпоху промышленной революции, — «Электрическая», «Магнитная».

В протестантских районах у тротуаров кое-где припаркованы автомобили, в соседних, католических, машину почти не встретишь, зато не минуешь трупов. Из окна взорванного дома свешивается матрас. Веселенькие цветочки на обгорелой материи, веселенькие цветочки на обгорелых обоях, мусор на мостовых. В окнах домов — фанера, а то и специальное, наклеенное на пластик, стекло, спасающее прохожих от осколков. Появились объявления о продаже пуленепробиваемых стекол для окон и витрин: «Выдержи-

вают попадание пули паходящейся на вооружении НАТО 7,62-миллиметровой винтовки при выстреле с расстояния в 10 ярдов».

Надписи, сотни надписей на стенах и католических и протестантских кварталов. Метровыми буквами начертано: «Помни 1690 год!», «Ни на дюйм!», «Мы никогда не променяем голубые небеса Свободы на серые тучи Ирландской Республики», «Ольстер стоит твердо!», «Ирландия — это место, где богослужение ведет дьявол», «До тех пор, пока мы не станем свободны, — мы все в тюрьме». Белфастская художественная галерея устроила выставку таких надписей, лозунгов, призывов. Для отзывов о выставке посетителям предлагалось три сорта бумаги: оранжевая — протестантам, зеленая — католикам, белая — «нейтралам». Настенные письма стирают, замазывают, но они появляются вновь. Одна из газет предлагает: «Чтобы раз и навсегда решить эту проблему, необходимо на лицевой стороне каждого дома иметь особый участок поверхности, который легко бы отмывался». Уже запатентовано и специальное моющее средство...

Железная клешня

На Доннегал-стрит встречаю патруль. Вперед — сержант с железным крючком вместо кисти руки. Возбужденно блестит голубыми глазами, отдает команды, цепляет вороненой клешней ремень винтовки. Видно, за какие-то особенные заслуги, за великий энтузиазм этот увечный воин оставлен в армии, да не где-нибудь в каютке, а на передовую брошен. Я вспомнил пародию на рекламные объявления: «Вступай в армию. Будешь путешествовать по экзотическим местам, встречать необычных, интересных людей и убивать их». В Белфасте солдаты на каждом шагу. Вот этот стоит за выступом магазинной витрины. Не просто стоит — прячется, ждет пули. Но стрельбы нет, толпа течет мимо. Солдат выбегает из укрытия, ищет новое. Нашел — арка въезда во двор. Снова выбегает на тротуар, но пятится, выставив перед собой винтовку, садится на корточки посреди тротуара, привалившись боком к фонарному столбу — в уставе все эти передвижения расписаны по параграфам. Солдат озирается на окна верхних этажей. И что-то говорит, говорит в радиопередатчик, висящий на груди. Галдеж многотысячной, рассеянной по городу армии...

Портяночный, застойный запах казармы, полдень, по всюду слепящий электрический свет. Окна на фасаде бывшей гостиницы «Гранд отель», где расквартирован полк королевской конной артиллерии, замурованы кирпичом — рядом был взорван начиненный динамитом грузовик, и окна заложили в ожидании новых бомб. Мне рассказывали, что комнаты превращенного в казарму отеля сплошь увешаны фотографиями «подозреваемых», чтобы солдаты запомнили лица врагов. Подписи к снимкам: «Подрывник», «Специализируется на похищениях», «Убийца пяти человек», «Отвратительный ублюдок». Меня прямоком провели к майору Эвансу. Я застал его у аквариума с золотыми рыбками.

— Ветераны,— говорил он, подсыпая корм.— Выдержали несколько взрывов. Уже их третий аквариум.

— Мы в Ольстере,— сказал Эванс,— для поддержания закона и порядка. Трудный, знаете, народ...

Я спросил его, что он думает о «Кровавом воскресенье», тогда еще событии недавнем — расстреле солдатами мирной демонстрации.

— Ничего не думаю,— ответил майор и пустил пузырьки кислорода в аквариум.— Я там не был.

Исповеди от Эванса я, понятно, не ждал. Те, кто соглашался дать интервью, вернее, кому разрешали дать, иначе и не изъяснялись. Майору под сорок, он высок, улыбчив, деловит и почему-то в синем штатском костюме, из кармана пиджака кокетливо торчит белый угол платка. Эванс, узнаю я, только что из ресторана.

— Обсуждал с местными деятелями, как передать детскому клубу в дар от армии сто десять фунтов стерлингов. Дети, сами понимаете... И двести пар тапочек из сгоревшего магазина.

— Мистер Эванс, кого защищают здесь ваши солдаты?

— Себя и свой взвод.

— Но почему именно здесь, в Ольстере? Себя можно защищать и в Лондоне.

— Мы защищаем закон и порядок. Законы пишутся для большинства. Оно их и принимает. А меньшинство мы заставим уважать закон.

Входит солдат, докладывает, что тапочки из сгоревшего магазина залиты водой пожарными.

— Так просушить! Ведь для детей же,— командует Эванс.— Да-а, дети. Нелегко их заставить хорошо относиться к нам. Для этого с ними надо играть в футбол, да-

рить им игрушки. Вообще же, скажу я вам, ирландцы приятные люди. Некоторые наши парни даже женятся на ирландках.

— Я видел,— продолжал я,— как смотрят, как, вернее, не хотят смотреть на солдат в католических районах.

— Если через несколько месяцев люди начинают отвечать на наши приветствия, это уже достижение,— говорит майор.— Мы пришли, чтобы нормализовать ситуацию, чтобы помочь местным жителям, а они этого не понимают, доставляют нам неприятности.

В районе Андерсонстаун в местной газете я в те дни прочел: «Солдаты говорят, что защищают наши дома. Еще немного, и они начнут утверждать, что защищают людей! Но слишком много невинных было избито пьяными лоботрясами в военной форме, чтобы поверить в это. Слишком многих они склоняли поставлять им «информацию». Она патрулирует наши улицы, иностранная армия в полном боевом снаряжении, и еще ждет, что мы будем смотреть на них, как на добрых соседей-британцев! Да они с ума посходили. Они никогда не понимали тех стран, куда вторгались. Они всегда и всюду насаждали «английский образ жизни» — в Индии, Бирме, Африке, Северной Ирландии. Они знают, что могут заставить девушку раздеваться перед своим фотографом. Они знают, что могут выйти в патруль пьяными и избить кого угодно. Да чего им беспокоиться о последствиях? Им не грозит правосудие. Мы знаем, что они лицемеры. И они знают о себе, что они лицемеры. Так зачем же притворяться?»

Уильяму Гаргену — девятнадцать, но язык не повернется назвать его юношей. У него взрослый изучающий взгляд, он немногословен и сосредоточен, его правая рука — на перевязи.

— Две недели,— отвечает он на мой взгляд,— как вышел из Каслри.

Каслри — известный пытками полицейский «центр дознаний». Мы сидим с Уильямом в квартире муниципального, на барак похожего дома в Беллиморфи, католическом районе Белфаста. Голый стол, пластиковые стулья, допотопный телевизор, продавленный диван. И отец и мать Уильяма без работы.

— Нет у нас в районе,— говорит он,— семьи, где не было бы безработных. Я три года хожу на биржу труда. И трижды за это время меня пытали в полицейских участках.

— Чего они добивались?

— Чтобы признал себя «террористом». Им нужно это для того, чтобы можно было утверждать — какого католика ни арестуй, он окажется террористом. Ну а если все католики таковы, значит, их можно скопом объявлять «подозрительными», стрелять по ним без предупреждения. И стреляют. Когда меня взяли в первый раз, то, не задавая ни одного вопроса, стали бить головой о стену. «Ведь ты подкладывал, подкладывал, подкладывал бомбы!» — кричали мне. «Нет, не подкладывал», — отвечал я. «Хочешь, чтобы жену твою пытали? — продолжали они. — Смотри, ты убедился, нам это просто. Сознаешься — получишь всего четыре года».

Мне не в чем было сознаваться. Через несколько дней меня отпустили. А вскоре взяли снова. Допрашивали трое. Заломили руки. Били ногами в живот. Устали. Пришла другая тройка «следователей». Один был с палкой. Он сказал: «Ну, парень, теперь ты здесь и останешься». Начал бить. Все норовил попасть по затылку. Меня стало рвать. Принесли тазик. Когда он наполнился, мою голову прижали ко дну. Я стал захлебываться, потерял сознание. «Кто тебе ужин готовит? — услышал я. — Мать, говоришь. А если мать сюда? Ну как?» Снова я потерял сознание. Дали какую-то таблетку. Очнулся я в подъезде своего дома. Месяц провел в больнице. Вышел, и на другой день опять потащили меня в Каслри. Сломали руку, а в конце концов выпустили «за недостатком улик».

— Как начался для тебя ольстерский кризис? — спросил я Уильяма.

— Мне было одиннадцать, и я не знал тогда таких выражений, как «ольстерский кризис», но я никогда не забуду, как специальные полицейские части «Б», отряды протестантских ультра пошли на католические районы как на приступ.

— Ну а британская армия? Ведь считалось, что она пришла защитить католиков от погромов.

— Да, мы встречали солдат, вынося им на улицу чашки с чаем. Но очень скоро в гетто начались обыски, облавы, аресты.

Резиновое лицемерие

Когда резиновые пули бьют в мокрую траву, кажется, что чавкают свиньи.

Стреляют из бронетранспортера. В ответ летят камни. На одной стороне дети, на другой солдаты. Одни защища-

ются портфелями, другие — броней. После очередного залпа упал на траву мальчишка. Пуля угодила в живот. Его оттащили за угол. Я подбежал к нему. Он корчился на земле. Потом, когда бледность стекла с его лица, я спросил, почему он бросал камни в солдат.

— Они убили моего брата, — ответил он.

11-летний Стивен Маккономи погиб от смертельного ранения пластиковой пулей. В Стивена в упор стреляли солдаты из проезжавшего по улице броневика. Сколько в Ольстере таких жертв? Никто этого не знает и знать не должен. Статистика погибших от резиновых, а затем от пластиковых пуль держится властями в тайне. Но вдруг появляется частное исследование, и мы узнаем, что с апреля 1981 по апрель 1982 года в Белфасте были убиты такими пулями восемь человек, причем четверо из них — дети. Цифры эти обнародовал в медицинском журнале «Ланцет» главный хирург белфастского госпиталя «Ройял Виктория» Л. Роки. А сколько убито такими пулями в Дерри? Сколько убито до апреля 1981 года? Напрасно было бы искать на эти вопросы официальные ответы, но доподлинно известно — пластиковые пули продолжают множить число жертв.

Мне доводилось бывать в том самом госпитале, где Л. Роки вел свои подсчеты. Я пришел туда на другой день после того, как солдатами был убит тринадцатилетний Брайан Стюарт.

— В Брайана стреляли с близкого расстояния, — рассказывали врачи. — Пролом черепной коробки, обширное повреждение мозга...

— Брайан вышел на улицу, — говорила мне его мать, Кэтлин Стюарт. — А через несколько минут прибежали соседи: «Твой сын ранен». Я бросилась к нему. Все лицо его было в крови. Брайан умер, не приходя в сознание. Хорошили в день его рождения. Ему исполнилось бы тринадцать лет.

— Был ли, — спросил я, — наказан солдат, убивший Брайана? Расследовано ли это дело армией и полицией?

— Нет. Зато с тех пор солдаты не раз арестовывали других моих детей, угрожали им: «Смотрите, будет, как с братом...»

В госпитале «Ройял Виктория» мне показали людей, ослепших от попадания пластиковой пули, тех, кто на всю жизнь останутся калеками. Именно здесь родилась новая отрасль медицины — «хирургия резиновых и пластиковых пуль».

LONDONER KINGS BANK



Прародительницей же резиновой пули была деревянная, какой пользовалась английская колониальная полиция в Гонконге. Отказаться от дерева в пользу резины, объяснял журнал «Нью сајентист», решено было потому, что резина «выделась политически более приемлемой» — в телевизионных передачах о разгонах демонстраций она должна была выглядеть «безвредной». Ну а армия с помощью прессы рекламировала ее как нечто... забавное. Симон Винчестер из «Гардиан», описывая пресс-конференцию, во время которой «очаровательный пресс-офицер» демонстрировал корреспондентам это оружие, приводит слова своего коллеги из «Обсервер»: «Я просто не представляю себе, как они собираются стрелять пулями, сделанными из резины. Скоро они станут начинать снаряды конфетти, а ружья будут палить лепестками роз. В серьезность всего этого просто невозможно поверить».

Резиновой пулей инструкция разрешала стрелять не ближе чем с тридцати ярдов, да к тому же целиться в землю в расчете на рикошет. Но солдаты палили в упор, да к тому же метили в лицо. В Дерри я видел объявления, призывающие вносить пожертвования на лечение 10-летнего Патрика Кеннеди: ослеп, резиновая пуля ударила в голову. Тогда я впервые держал в руке этот литой, из черной резины цилиндр с заостренным концом. Вес — около ста пятидесяти граммов, длина — почти пятнадцать сантиметров. Патрик так и остался слепым.

Треть всех раненых резиновыми пулями, свидетельствуют врачи «Ройял Виктория», поражена с расстояния в пять ярдов! У большинства из них тяжелые мозговые травмы, повреждения внутренних органов, переломы рук и ног. Бывший капитан британских войск в Ольстере Антони Кларк, с записками которого мы еще познакомимся подробнее, пишет: «Солдаты добавляют побольше пороха в резиновые пули, чтобы лучше били. Одни втыкают в них иголки и сломанные бритвенные лезвия, другие переделывают их так, чтобы поражали человека, словно пули «дум-дум». Ну и шалуны... Большинство офицеров знает о таких вещах. Если бы не знали, им не следовало бы заниматься своим делом».

Через несколько лет на смену резине пришел пластик. «Пластиковая пуля, — объяснялось официально, — не причиняет такого вреда, как резиновая, но все же сохраняет свою эффективность». Пулей этой уже разрешалось стрелять без рикошета, она была жестче резиновой и летела быстрее. Число жертв сразу же увеличилось. И сразу же

начались протесты. Многочисленные случаи гибели от пластиковых пуль были изучены международным комитетом, в который входили американские адвокаты Деннис Диллон и Питер Кинг, французы — врач Антуан Лазарус и адвокат Антуан Конт, английский психолог Тимоти Шэллис.

«Мы были поражены,— говорится в заявлении комитета,— узнав о масштабах и бесконтрольности применения при попустительстве властей пластиковых пуль. По телевизионным передачам может создаться впечатление, что беззащитные силы безопасности отбиваются с их помощью от града камней и бутылок с горючей смесью. Но мы заслушали показания по многим делам, и у нас сложилось совершенно иное представление. Солдаты и полицейские, находясь в бронетранспортерах и джипах, стреляли в людей, которые отнюдь не устраивали беспорядков, причем стреляли с такого близкого расстояния, что не возникало сомнений относительно преднамеренности их действий». Эмили Гроувс, мать десятирех детей, была ранена такой пулей, когда смотрела на улицу через окно своей квартиры. Медицинское заключение: перебиты двадцать две лицевые кости, полная потеря зрения. В тот день многие католики слышали по своим транзисторам радиопереговоры английских солдат: «Надеюсь, эту гадину мы прикончили...»

На расследование международного комитета Лондон никак не отреагировал. Пластиковая пуля по-прежнему на вооружении британских войск. За всю историю применения резиновых и пластиковых пуль в Северной Ирландии не был осужден ни один солдат или полицейский. Что ж, логично — ведь никто не был наказан и за убийства пулями свинцовыми. Джеймс Прайор, британский министр по делам Северной Ирландии, говорил, что, «если будет обнаружен общий недостаток в конструкции пули, из-за которого значительно увеличится риск использования этих средств, будут приняты меры к его ликвидации». Речь, заметьте, идет не о запрете на саму пулю, а о ликвидации «недостатка» в ее конструкции... Такой «недостаток», однако, до сих пор не обнаружен. А пластиковые пули продолжают убивать. В августе 1984 года «силы безопасности» разгоняли этими пулями мирную демонстрацию в Белфасте. Десятки человек были ранены, двадцатидвухлетний Шон Даунс — убит.

Госпиталь «Ройял Виктория»

По сравнению с Чикаго Белфаст обладает по крайней мере одним преимуществом — у раненого в уличной перестрелке здесь больше шансов выжить. Подсчитано, что в Чикаго пострадавших от гангстерской пули доставляют под нож хирурга в среднем через два часа, в Белфасте же — через 30 минут. А все дело в том, что на границе между католическим и протестантским районами расположен госпиталь «Ройял Виктория».

Нет сейчас в Британии больницы более известной, более знаменитой. Одно из изобретений ее врачей — портативный прибор для восстановления сердечной деятельности. Нечто подобное возят в самолетах и автомобилях за президентом Соединенных Штатов. В «Ройял Виктория», однако, прибор более совершенный.

Госпиталь этот — сколок с ольстерской драмы. Он на границе между католическим и протестантским районами, на «пичейной», простреливаемой земле. Сюда попадают раненные солдатами и полицией, для действующих в Белфасте подпольных «армий» это полевой лазарет.

Иду по «Ройял Виктория» мимо перебинтованных людей на каталках и мирных табличек: «Ухо — горло — нос», «Рентген», «Терапия». Ищу ставшего знаменитым, как сам госпиталь, профессора-травматолога. Говоря со мной, этот высокий, розовый, спокойный англичанин не скрывал, что происходящее в Ольстере его не касается, что он доволен обильной практикой, тем, что стал наконец заведующим отделением.

— Разбитый кусок кости мы заменяем металлической пластинкой, — рассказывал он мне об операциях на черепе. — Прежде никто такого не делал.

Но меня интересовало другое: как жизнь с ежедневной перспективой быть убитым отразилась на психике людей. Я предполагал, что профессор ответит мне чем-нибудь вроде: «Разве это жизнь, это сумасшедший дом...» Но, предупредив, что имени его в прессе упоминать не надо, он сказал:

— В каждом человеке сидит зверь. И если этот зверь не находит выхода своим агрессивным склонностям, не в состоянии их выплеснуть, то человек чувствует себя, как в клетке. Здесь же, в Северной Ирландии, можно освободить эмоции, можно перепрыгнуть привычные барьеры. В итоге — первая разрядка, душевное равновесие достиг-

путо. К тому же — ирландский характер. Ирландец живет по другим законам. Если у нас в Англии, где-нибудь в Лондоне или в Манчестере, кто-то едет на красный свет, то это наверняка ирландец.

Уходя из «Ройял Виктория», я узнал, что в тот день в госпиталь привезли семерых. Никто из них на красный свет не ехал — двое были полузадавлены армейским бронетранспортером, а пятеро не успели выскочить из пивной, когда там взорвалась бомба.

В те же дни меня познакомили с исследованием доктора Роны Филдс, профессора социологии и социальной психологии. «Девять из десяти граждан Белфаста и Дерри постоянно пользуются различными успокоительными пилюлями, чтобы заглушить естественные реакции на все возрастающее в течение многих лет насилие», — пишет она. Доктор Филдс называет эти пилюли «убийцами, разрушающими нервную систему». Избавить людей от страха и ненависти могут не пилюли, заключает она, а изменение всего того образа жизни, какой сложился сейчас в Ольстере. Как падают в обморок от воя сирены, это я видел, множество раз мне приходилось встречаться с равнодушно-затравленными глазами людей, ожидающих взрыва. Да, убивают не только пули и бомбы. Убивает страх. Когда за стойкой собственного кафе был застрелен Джеймс Фуско, то выстрел этот был слышен в соседнем магазине и там кто-то, как было сказано в газетной хронике, «умер от страха — разрыв сердца».

Мойра Самерс, психиатр из клиники в католическом районе, рассказывала мне об Аните Керри, которая шесть раз меняла занавески в гостиной — каждый раз их решетки пули. «Анита живет на таблетках. Люди не выходят из состояния стресса. Слышишь взрывы, видишь убитых и перестаешь реагировать на все это так остро, как в первый раз. Но привыкнуть к этому нельзя. У каждого свой «порог», за которым начинается срыв, шок».

Беременная женщина проходила мимо пивной, когда там взорвалась бомба, пишет Адам Робертс, социолог из лондонской «Скул оф экономик». «Почти час, — рассказывала она потом, — ребенок не подавал признаков жизни, потом снова стал двигаться, ожил». «Есть предел, — говорит Робертс, — человеческой возможности научиться жить на этой войне, к ее смертям нельзя привыкнуть, как привыкают не реагировать на смерти в дорожных катастрофах».

Демография по-ольстерски

В Белфасте, в Дублине, в Лондоне я не раз видел листовку — к географическим контурам Великобритании пририсована вооруженная мечом рука. Это Англия замахивается на соседнюю Ирландию, это ее меч искорежил ирландскую историю. Этим мечом был отрублен от Ирландии Ольстер.

За последние 110 лет население Великобритании увеличилось вдвое, численность же населения Северной Ирландии не изменилась.

Ольстерская демография всегда была и остается продолжением, следствием политики. «Со времени основания Северной Ирландии как обособленного государства, — пишет дублинский историк Лиам де Пеа, — проблема более высокой рождаемости среди католиков постоянно использовалась юнионистами (сторонниками сохранения государственной связи с Великобританией. — Э. Ч.) как повод для угроз, адресованных протестантскому населению. Протестантов никогда не покидал страх, как бы католики с их плодовитыми семьями не превзошли их по численности, и юнионисты сумели настроить протестантов — как предпринимателей, так и рабочих — на то, чтобы оказывать экономическое давление на католиков, вытесняя их из Северной Ирландии. Эта цель, без сомнения, была одной из главных, которую преследовали вспыхивавшие время от времени религиозные бунты и погромы в Белфасте; они непременно сопровождались изгнанием католиков, если где-нибудь начинала сказываться их численность»¹.

Рождаемость среди католиков значительно выше, чем у протестантов, однако никаких демографических перемен в Ольстере не происходит — католики вынуждены эмигрировать из своей страны. Для них здесь не хватает работы, жилья. Юнионистское государство лишило их равных с протестантами политических прав. Последняя перепись населения Северной Ирландии засвидетельствовала: с 1971 по 1981 год эмиграция из провинции была «большей, чем в любое другое время, начиная с 1860 года». За это десятилетие Ольстер покинул каждый десятый его житель, соотношение же в численности между католиками и протестантами по-прежнему составляет 1 : 2. Такое же соотношение было и когда произошел раздел Ирландии.

¹ Лиам де Пеа. Расколотый Ольстер. М., 1974, с. 158—159.

Восемь веков Англия покоряла Ирландию, а когда та стала наконец, в начале 20-х годов, независимым государством, Лондон произвел раздел — оставил за империей Северную Ирландию. Раздел был хитроумный: две трети населения провинции составили протестанты, одну треть — католики. В Ольстере был создан Стормонт — местный парламент, учреждение по видимости самостоятельное, на самом же деле обреченное на узаконенную зависимость от Вестминстера. Впрочем, зависимость эта никогда не была в тягость юнионистам — партии бизнесменов и лендлордов, для которых Лондон всегда оставался защитой и опорой. Юнионистам традиционно принадлежало абсолютное большинство мест в Стормонте.

Принятый британским парламентом закон 1973 года о Северной Ирландии провозгласил — эта провинция будет оставаться частью Соединенного Королевства «до тех пор, пока этого будет желать большинство ее населения». Что это значит? А то, что и сам Лондон, и протестантские политики будут делать все для того, чтобы католики оставались меньшинством. Удержать же на положении меньшинства часть населения с более высоким уровнем рождаемости можно, лишь ставя его в такие условия, от которых людям захотелось бы бежать. И они бегут. Отсюда и драматическая стабильность ольстерской демографии.

Судьба Ирландии сложилась бы иначе, не будь веков британской колониальной войны против ее народа. После расстрела демонстрации в Дерри тогдашний премьер Ирландии Джон Линч сказал: «Мы небольшая нация, и судьба уготовила нам место рядом с более крупным и более могущественным соседом. Слишком долго в нашей истории могущество служило конечным арбитром в наших отношениях. Нынешнее британское правительство, по-видимому, придерживается старой доктрины, по которой могущество всегда справедливо». Демографы подсчитали, что население Ирландии могло бы составлять сейчас приблизительно 34 миллиона человек. В начале английской промышленной революции — середина XVIII века — численность населения Великобритании равнялась примерно 13 миллионам человек, сейчас она достигла 55 миллионов. В те же годы, по данным первой официальной переписи, в Ирландии было более 8 миллионов человек. Теперь население Ирландской Республики и Северной Ирландии составляет вместе около пяти миллионов.

Когда и как все это началось? У нынешнего конфликта кровавые истоки. Томас Маколей, английский историк

прошлого века, никаких симпатий к ирландцам не испытывал и равенства их с англичанами не признавал. «Не могло быть равенства между людьми, питавшимися хлебом, и людьми, питавшимися картофелем,— писал он,— между людьми, говорившими благородным языком великих философов и поэтов, и людьми, которые с пеленой гордостью хвастались, что они не в состоянии коверкать свой рот, чтобы стрекотать на том тарабарском языке, которым написаны «Успехи знаний» и «Потерянный рай». Тем ценнее маколеевское признание: «Смуты в Ирландии происходят не от различия между католиками и протестантами, но от различия между ирландцами и англичанами... Если бы только укротить национальную вражду, то почти нечего сомневаться, что религиозная вражда уничтожилась бы сама собою». Смысл же вражды национальной он видел в том, что власть завоевателей над «туземцами» была «господством богатства над бедностью».

Маколей говорит о бесконечной череде ирландских восстаний, он предощущает будущие катаклизмы и потому порицает соотечественников за не знающую меры и потому неразумную жестокость: «К несчастью, господствовавшее меньшинство, озлобленное недавнею борьбой, опьяненное недавнею победой, смотрело на поработенное большинство как на стадо скота или, еще ближе, как на стаю волков. Человек не признает за другими породами животных никаких прав, неудобных ему, а кромвелевские колонисты считали позволительным себе поступать с туземцами-католиками, как человек поступает с животными».

«Наносить вред, убивать, сдирать кожу...»

— Я прибыл из Ирландии, милорды,
Вам сообщить: мятежники восстали,
Подняв оружие на англичан.

Так говорит гонец в трагедии Шекспира «Генрих IV». Подобные известия чуть ли не слово в слово повторяются английскими гонцами до сих пор. Первый «экспедиционный корпус» отправлял в Ирландию еще король Генрих II в 1169 году. Английское военное и экономическое наступление на Ирландию — череда массовых расправ, эпидемий голода, вынужденной эмиграции. В 1317 году ирландские вожди писали папе римскому об англичанах-за-

воевателях: «Они со всей их мощью и вероломством напали на наш народ, пытаются полностью его искоренить». О войне 1594—1603 годов наместник британской короны лорд Маунтджой сообщал королеве Елизавете из Ирландии: «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, разве только над кучами пепла и трупами». Но ирландцы не клали головы на плахи. Вот как их усмиряли каратели прошлых времен. По приказу, полученному 23 февраля 1641 года командующим английской армией в Ирландии Джеймсом Ормондом, ему вменялось в обязанности «наносить вред, убивать, сдирать кожу и уничтожать мятежников всеми средствами и способами».

Приказы на «сдирание кожи» раздавались особенно часто, когда Ирландию отдали на разграбление переселенцам из Англии, протестантам, обосновавшимся на севере острова — территории нынешнего Ольстера. Это была кровавая эпоха кромвелевских войн. Начиналась она самым прозаическим образом. Речь шла не столько о боге, сколько о деньгах. После того как стало ясно, что периодические набеги не могут держать в узде мятежный остров, Британия решила заселить его англичанами и шотландцами. Деньги на отправку первого эшелона колонизаторов собирали лондонские дельцы.

Английский экономист Петти, современник тех событий, рассказывает, что «ирландцев погибло и было уничтожено в результате действия меча, чумы, голода и нужды, изгнания» в период с 23 октября 1641 года по 23 октября 1652 года 504 тысячи, англичан за это время погибло 112 тысяч. В ту эпоху несколько тысяч ирландцев было продано в рабство в Вест-Индию для работы на сахарных плантациях.

Экономика Ирландии кроилась и перекраивалась применительно к интересам Англии. Две религиозные общины жили на одной земле и связаны были одной хозяйственной системой, но довлела над ними, хотя и по-разному, одна сила — Британия. И потому удары, которые, казалось, должны были поразить католиков, били и по протестантам. В XVII веке английские купцы воспротивились привозу дешевого ирландского мяса в Англию, и Ирландия превратилась в пастбище для овец, в производителя лучшей в Европе шерсти. Но затем Лондон специальным законом запретил экспорт шерсти из Ирландии, подорвав эту важнейшую отрасль ирландского хозяйства. Такой же была судьба и судостроения: в Лондоне был принят закон, по которому товары из Ирландии могли вывозиться только

в Англию и только на судах, построенных на английских верфях. И потому тысячи ирландских корабельных плотников остались без работы. Когда в Ирландии начала развиваться промышленность, многие протестанты-бедняки снялись с земли и ушли в города. Промышленный бум в Ирландии, однако, переполюсовал дельцов Сити, последовала система запретов, ограничений, и десятки тысяч протестантов оказались не у дел. Начался их новый отлив в деревни. Ожесточенное соперничество из-за ферм, из-за работы дало возможность хозяевам подчинять и протестантов и католиков.

Почва, рождавшая противоборство, таила в себе и условия единения двух общин. Создание протестантом Уолфом Тоном общества «Объединенные ирландцы» — организации, где под едиными лозунгами выступали и католики, и протестанты, последовавшее за этим восстание 1798 года — ярчайшая страница ирландской истории. «Свергнуть тиранию нашего ненавистного правительства, порвать связь с Англией, вековым источником всех наших невзгод, отстаивать независимость моей страны — такова была моя цель, — писал У. Топ. — Объединить весь ирландский народ, изгладить воспоминание о прошлых раздорах и заменить наименование протестанта, католика и диссентера общим именем ирландца — таковы были мои средства». Восстание Уолфа Тона было подавлено с беспрецедентной даже для Ирландии жестокостью. О том, что это была за бойня, можно судить по тому, что в течение нескольких месяцев в Англии и других странах мясо ирландских свиней никто не хотел покупать — опасались, что свиньи питались трупами людей.

Англичане действовали в Ирландии не только огнем и мечом — они узаконили свое превосходство над завоеванными. Ирландия управлялась с помощью «карательных», как именовали их сами авторы, законов. Католики не могли избирать и тем более избираться в парламент, не было у них права учиться в школах и носить оружие. Католик не мог купить землю, не мог взять ее в долгосрочную аренду. Если ферма католика приносила ежегодного дохода больше, чем треть уплачиваемой за нее ренты — протестант мог отобрать ее у него. Даже скопив деньги, католик был не вправе купить лошадь дороже пяти фунтов. На своей «уцененной» кляче он был не в состоянии угнаться за протестантом. Стоило сыну католика «признать авторитет» протестантской церкви, и он мог превратить своего отца в арендатора его собственной

земли. Жена католика, вступив в протестантскую церковь, обретала право жить отдельно от мужа и заставить его содержать ее. Так закладывался фундамент вражды двух общин. Когда во время восстаний сражались представители двух религий, это была социальная схватка — протестанты сжигали в захватываемых деревнях только те дома, что были крыты соломой, католики же — лишь те, что под черепицей. И тем и другим было ясно, кто под какой крышей живет.

Ирландский писатель Хейден-Мунен, вглядываясь из настоящего в те времена, когда принимались «карательные законы», когда шла колонизация Ольстера, с горечью пишет: «Протестанты развили в себе все пороки рабовладельцев: лень, распутство, безответственность. Католическое население стало, как и всякое другое закабаленное население, раболепным, изворотливым, недоверчивым. Ирландцы были ленивы потому, что им не к чему было стремиться; они не уважали закона, потому что закон был для них врагом... Арендатор, естественно, не производил никаких улучшений на участке, арендуемом на короткий срок, если у него вообще был договор с точным обозначением срока: он знал, что земля, со всеми улучшениями, произведенными им, может быть конфискована лендлордом». Итак, еще одна грань ирландской истории, проблема взаимовлияния покорителей и покоряемых. Как складывался, как трансформировался характер и тех и других? Задача для исторического исследования. Но и теперь ясно, что «цивилизаторская миссия Британии» — а ведь именно так английские историки и политики всегда именовали завоевание Ирландии — была барьером для цивилизации и ирландской, и — об этом мы еще будем говорить — цивилизации английской.

Традиционной пищей ирландца в течение веков были картофель и снятое молоко. Хлеб, мясо, масло шли на продажу и плату лендлордам. И потому неурожаи картофеля в Ирландии — это хронология голода. В 1845 году в Англию было вывезено 3 250 000 квартеров пшеницы. В том году погибло от голода 500 тысяч ирландцев. Одной из самых глубоких зарубок в памяти ирландцев остался голод 1846—1847 годов. Картофель не уродился в тот год по всей Европе, но голодали только ирландцы — из Ирландии в Англию было вывезено столько зерна и скота, сколько потребовалось бы, чтобы накормить вдвое больше ирландцев, чем голодало. Голод при изобилии. Поговорка тех лет: «Бог насладился неурожай, а Британия — голод». В те

годы население страны сократилось с восьми до четырех миллионов человек. Одни были похоронены в «ямах для голодных», другие эмигрировали. История сохранила высказывание одного из членов королевской семьи: «Я считаю, что гнилой картофель и морские водоросли или даже трава, если хорошенько смешать их, дают полноценную питательную пищу. Все мы знаем, что ирландцы неприхотливы, а в полях ведь достаточно травы даже и тогда, когда не родится картофель».

Через несколько лет после тех событий в Ирландии побывал Ф. Энгельс. В письме к К. Марксу он рассказывает: «На всем Западе, в особенности же в округе Голуэй, страна покрыта этими разрушенными крестьянскими домами, покинутыми большей частью лишь с 1846 года. Я никогда не думал, что голод может быть столь реально осязаемым. Целые деревни опустели... даже скота на полях нет; земля представляет собой настоящую пустыню, которая никому не нужна». И там же: «Жандармы, попы, адвокаты, чиновники, дворяне-помещики в приятном изобилии, и полное отсутствие какой бы то ни было промышленности, так что трудно было бы понять, чем же живут все эти паразиты, если бы соответственную противоположность этому не являла собой нищета крестьян»¹. Голод охватил всю Ирландию, но особенно жестоко он поразил запад страны, в том числе западный Ольстер. Разоренные крестьяне-католики в поисках работы стекались в Белфаст, соглашались работать за самую нищенскую плату. Именно потому большинство протестантов Ольстера видели в них своих кровных врагов. Результат — первые серьезные волнения на религиозной почве произошли в десятилетие, последовавшее за голодом.

Именно тогда Ирландия превратилась в единственную в Европе страну, численность населения которой стала постоянно снижаться. В начале XIX века, отмечал К. Маркс, в Ирландии проживало 5 319 867 человек, к 1841 году численность ее населения достигла 8 222 664 человека, а к 1866 году упала до 5,5 миллиона, почти до уровня 1801 года². Процесс этот продолжался и в последующие десятилетия. Так вызревала ирландская демография. Миллионы были убиты, замучены, погибли от голода или бежали от него на чужбину, миллионам не суждено было появиться на свет. Это трагические цифры, по все ли

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 44, 43.

² См. там же, т. 23, с. 709—710.

можно выразить с помощью цифр? После голода 40-х годов, пишет Лиэм де Пеа, «число людей, говоривших по-ирландски, продолжало быстро сокращаться, и эта гибель древнего языка создавала, подобно морскому отливу, новую картину духовной жизни. Вызванные этим изменения в области национальной культуры недостаточно осознаны еще и сейчас»¹. Путешествуя с корреспондентом «Иправды» Геннадием Васильевым по Ирландии, мы поехали в отмеченные для нас Лиэмом де Пеа на карте места, где не прерывалась традиция гэльского языка. Но пока мало таких мест и мало в Ирландии людей, говорящих по-ирландски. Хотя возвратное движение к истокам национальной культуры уже наметилось, набирает силу. Не без влияния ольстерских, давших сильнейший импульс национальному чувству, событий.

Полицейский режим

В новых, современных условиях, в условиях полицейского государства, каким стал Ольстер после его отделения от Ирландии, формы геноцида прежних времен изменились. Но изменились ли конечные цели британской политики в Северной Ирландии? Нет, по сути своей они остались неизменными. В конечном счете этим целям подчинено и законодательство провинции, и практические действия ее властей в социальной и экономической сферах. Такая политика не могла не породить острейшего кризиса. Даже в изложении официальной комиссии лорда Камерона этот кризис выглядит как серьезнейшее основание для возникновения движения за гражданские права. Его источником стало «несправедливое и униженное положение большей части католического населения», дискриминация католиков на всех уровнях при выборах местных органов власти, преднамеренное манипулирование границами избирательных округов «с целью добиться там юнионистского контроля и не допустить влияния со стороны католического населения», говорится в докладе Камерона.

Уже в 1922 году Стормонтом был издан закон о чрезвычайных полномочиях, дававший полиции и армии права на аресты без ордера, на заключение в тюрьму без суда и без предъявления обвинения, на обыск жилья в любое время суток, на объявление комендантского часа, запреща-

¹ *Лиэм де Пеа. Расколотый Ольстер*, с. 75.

ние митингов, собраний, процессий. Закон разрешал также наказание поркой, арест свидетелей и получение их заявлений под угрозой наказания, отказ во встречах с родственниками и адвокатами лицам, содержащимся в тюрьме без суда, запрещение расследования после смерти заключенного. К акту был приложен список «крамольных» организаций. Они, конечно, так или иначе были связаны с республиканским движением — борьбой за независимость Ирландии. В 1933 году закон 1922 года был заменен новым законом, ничем, в сущности, не отличавшимся от старого.

Жало этих законов было направлено против католиков, но они служили оправданием любого наступления на гражданские права и свободы. В 1932 году, например, закон 1922 года был использован для подавления движения 100 тысяч безработных «за хлеб и родину», в рядах которого выступали католики и протестанты. В 1933—1934 годах этот же закон был применен против коммунистической партии — многие ее члены были брошены за решетку по обвинению в «подстрекательстве к подрывной деятельности».

Католическое меньшинство было лишено равных избирательных прав, равных условий при предоставлении жилья и при найме на работу. Махинации с границами избирательных округов вели к тому, что даже в тех районах, где католиков было больше, контроль на выборах в местные органы власти и Стормонт осуществлялся юнионистами. «Предпринимательское» избирательное право позволяло акционерным компаниям на вполне легальных основаниях выдвигать дополнительных кандидатов. За редчайшими исключениями такие компании принадлежали протестантам, у католиков не было и до сих пор нет позиций ни в крупном, ни даже в среднем бизнесе. Дать человеку жилье значило дать ему право голоса, и потому голосовать на выборах в местные органы власти могли только домовладельцы. В Дерри, например, где католическое население преобладало, власть в городе была целиком в руках протестантов, и к распределению жилья здесь относились как к акции политической. Занимающийся жильем муниципальный подкомитет нес свои списки мэру-протестанту, процедура их утверждения была тайной, мэр ни перед кем не отчитывался.

Выступая на юнионистской конференции, депутат парламента от Эннискиллена Э. Фергюсон говорил: «Националистическое большинство в нашем графстве (католики —

Э. Ч.), несмотря на то что за год оно сократилось на 336 голосов, все еще составляет 3684 голоса. Мы должны постепенно сокращать и в конечном счете ликвидировать это большинство. Наше графство — и я считаю, что могу с уверенностью об этом сказать, — является юнионистским графством. В нем господствует юнионистский дух. Почти все правления компаний и предприятия контролируются юнионистами. Но у нас на шее продолжает висеть этот камень... Я призываю собрание предпринять любые меры, какими бы суровыми они ни были, чтобы стереть с лица нашей земли это националистическое большинство».

Ассоциация борьбы за гражданские права выступила против узаконенного произвола ольстерского юнионизма. Чего она добивалась?

— Мы боролись, — говорила мне генеральный секретарь ассоциации Эдвина Стюарт, — за то, чтобы выборы проводились по принципу «один человек — один голос», чтобы был положен конец махинациям при разграничении избирательных округов. Мы добивались принятия законов против дискриминации при найме на работу и распределении жилья. Мы требовали отмены закона о чрезвычайных полномочиях 1922 года и роспуска военизированной полиции — специальных сил «Б».

Речь, как видим, шла об уважении прав человека, элементарном гражданском равенстве, прекращении дискриминации. Юнионистский режим ответил на эти требования репрессиями. Волнения захлестнули Ольстер. Тогда в мятежную провинцию были двинуты британские батальоны.

Ольстерский парламентарий Роберт Митчелл так напутствовал солдат: «Армия должна свободно принимать максимальные, а не минимальные меры, использовать свинцовую пулю вместо резиновой, огнемёт вместо водомёта. На возраст и пол не следует обращать внимания. Следует подумать о том, чтобы заменить гражданские суды для разбора дел участников беспорядков военными трибуналами и расстрелом».

Так оно и произошло — солдаты заодно с ультраправыми протестантскими бандами принялись «умножать» католические гетто, в ход пошли пули свинцовые, начались пытки и издевательства в застенках. Принятый в 1973 г. новый закон о чрезвычайных полномочиях приспособил прежнее репрессивное законодательство к условиям британской оккупации. На его основании любой житель Северной Ирландии мог содержаться под арестом без предъявления ему обвинений до 28 дней. Затем он должен

был предстать перед специальным трибуналом. Суд присяжных был полностью ликвидирован на всех процессах, где рассматривались «акты терроризма». Признаний обвиняемого стало достаточно для его осуждения, даже если он отказывался от них в ходе разбирательства.

Свидетелей обвинения на таких процессах никто не видит — они дают показания из-за ширмы, никто не знает и их имен. В большинстве случаев эти «свидетель А», «свидетель Б» — полицейские, представители «сил безопасности». Можно ли им верить? Попал в тюрьму Чарли Маккартик, знаменитый в Белфасте детектив, известный своей успешной охотой за членами Ирландской республиканской армии. Судили же его за серию вооруженных ограблений и убийство другого полицейского, пытавшегося Маккартика задержать. Успехи Чарли объяснялись тем, что работал он в паре с Антоном О'Дохерти, который выдавал ему своих коллег из ИРА. Узнав друг друга поближе, участники бизнеса расширили сферу деятельности — стали грабить магазины и банки.

В роли свидетелей выступают и осужденные за «террористические действия». Полиция не скрывает, что она занимается их вербовкой. Прошла серия процессов, где «раскаившиеся», как их именуют власти, выступали против своих вчерашних соратников. Показаний одного такого свидетеля бывает достаточно, чтобы за решеткой оказались десятки человек. У общественности нет никакой уверенности в виновности тех, кого судьи отправляют отбывать десятилетние, двадцатилетние, пожизненные сроки. Заинтересованность информаторов в сделке с властями очевидна — их отпускают на свободу, дают немалую сумму денег, паспорт с новым именем и устраивают где-нибудь в Австралии или Новой Зеландии. Священник Денис Фоул, один из самых известных в Ольстере защитников гражданских прав, публично заявлял, что раз уж информатор решился сотрудничать с полицией, то та не преминет подсунуть ему список именно тех лиц, в осуждении которых она заинтересована. Информатор будет свидетельствовать против них, чтобы увеличить свою «ценность». Фоул, как и ряд ольстерских адвокатов и католических общественных деятелей, предупреждает: использование таких показаний незаконно и не только не снизит уровень насилия, а еще более его подхлестнет.

На одном из процессов, где в качестве свидетеля обвинения давал показания информатор, адвокат подсудимых перечислил его деяния — не раз сидел в тюрьме за воров-

ство, хулиганство, мошенничество и разбой. Там, в тюрьме, и был завербован специальными службами. За осведомительство ему платили от 25 до 250 фунтов стерлингов. Адвокат спросил свидетеля: «Вы утверждаете, что выступаете за «объединенную Ирландию». Как совместить это с вашими доносами на тех, кто добивается той же цели?» Ответ: «Не знаю...» На суде свидетель признал — «в обмен» на сотрудничество полиция согласилась закрыть глаза на совершенные им преступления. И все же на основании таких показаний было осуждено восемнадцать человек.

Ольстер безработных

Лондонский нищий респектабельней нищего белфастского. В столице, положив на асфальт кепку с медяками, вам предложат коробку спичек или сыграют на дудке. В Ольстере же фамильярно хватают за руку. На Маркус-стрит старик в растоптанных футбольных бутсах потребовал денег на ночлежку, стал по-детски прикладывать грязные ладони к седой щетине: «Спать, спать, деньги...»

У въезда в Страбан, большинство населения которого католики, я видел прибитый к телеграфному столбу щит с надписью: «Правь внимательней! На улицах Страбана 2161 безработный». Ирландский юмор, кто-то пробует усмехнуться. Без работы тогда был каждый второй житель городка. Цифры на щите с тех пор устарели, безработных здесь стало еще больше.

Безработица всегда была и остается для Ольстера болезнью хронической. Джеймс Каллагэн, министр внутренних дел в лейбористском правительстве в начале северо-ирландских событий, рассказывает о своем посещении Богсайда, католического района города Дерри. Когда министр прошел через баррикаду, к нему приблизился седой мужчина и достал из кармана поблекшую фотографию. Снимок был сделан пятнадцать лет назад, в 1954 году, когда Каллагэн прибыл в Дерри для изучения проблемы безработицы. «Я рассмотрел фотографию, — пишет он, — а затем сделал какое-то шутовское замечание в той добродушной манере, которой часто пользуются политические деятели. Человек посмотрел мне в глаза и без ответной улыбки сказал: «Да, вы правы. Этот фотоснимок сделан в 1954 году. Я тогда был безработным и с того времени ни дня не работал».

Идет второе десятилетие кризиса, но его социальные и экономические истоки остались прежними. Уровень безработицы здесь рекордный для страны — 22 процента, в Ольстере также самый высокий процент детей-сирот, самая высокая смертность, в том числе среди детей, самая низкая средняя продолжительность жизни, самый большой процент алкоголиков. Газ обходится жителям Северной Ирландии в семь раз дороже, чем в метрополи, электричество — в три раза, уголь — в полтора раза. Четвертая часть семей в Северной Ирландии живет ниже официального порога бедности. Лондону война в Ольстере ежегодно стоит примерно 850 млн. фунтов стерлингов. Именно столько провинция получила в качестве экономической помощи за последние десять лет. Даже если спад деловой активности в мире прекратится, считают экономисты, Северной Ирландии потребуется не менее двух десятилетий, чтобы преодолеть экономический хаос.

Здесь, в Ольстере, чтобы узнать, с кем ты разговариваешь, нет необходимости спрашивать, в какую церковь ходит или даже где живет твой собеседник. Достаточно узнать, где он работает. Если на судоверфях, то почти наверняка — протестант. «Макис Фаундри» и «Сирокко Уоркс» — две крупнейших машиностроительных фирмы Белфаста, одна из них в самом центре католического района, другая — на его границе. И там и тут работают лишь одни протестанты. Если перед вами котельщик, водопроводчик, клепальщик, механик, то это протестант, если чернорабочий — католик. Побывав на верфях «Харланд энд Волф», тех самых, где был построен знаменитый «Титаник», я попытался узнать у Аллена Хиджби, одного из менеджеров, сколько на верфях протестантов и сколько католиков.

— Не знаю, — ответил он, — мы их не спрашиваем, в какую церковь они ходят.

Но в любой газете можно прочесть, что на «Харланд энд Волф» из нескольких тысяч рабочих — католиков несколько десятков.

Пропорции среди квалифицированных рабочих Ольстера таковы: один католик на девять протестантов. Власти десятилетиями вкладывали деньги в развитие тех отраслей индустрии, где работали протестанты. Экономисты Н. Гибсон и Дж. Спелсер, занимавшиеся проблемой занятости в Северной Ирландии, пишут: «Если вообще в любой развитой экономической системе постоянно высокий уровень безработицы имеет тенденцию вызывать серьезные соци-

альные последствия, то в таком расколоте в политическом и культурном отношении обществе, как Северная Ирландия, эти последствия особенно тяжелы». Еще в 30-х годах тогдашний североирландский премьер лорд Брокборо говорил: «Католическое население провинции растет. Девяносто семь процентов католиков Северной Ирландии — смутьяны. Если мы будем нанимать католиков на работу, мы предадим самих себя».

Мне показывали официальную бумагу министерства труда Северной Ирландии, которое, удовлетворяя заявку предпринимателя, направляло ему одного из безработных. В этом типографским способом отпечатанном и подписанном чиновником министерства труда К. Стивенсоном бланке-анкете значился такой вопрос: «Соглашаетесь ли вы нанять этого рабочего?» И здесь же ответ хозяина — «Нет». Еще один вопрос: «Если вы отказываетесь нанять рабочего, то просим объяснить причину отказа». Предприниматель объяснил причину отказа: «Религия».

В годы кризиса эта ольстерская традиция обрела зловещие формы. Роберт Карсон, менеджер одной из белфастских компаний, рассказывал мне:

— Раздался звонок, и я услышал: все работающие у нас католики будут убиты, если не уволятся сами. Католики — 20 человек из 250 сотрудников компании — ушли. «Мы получили предупреждение, — сказал кто-то из них. — Особенно трудно будет пожилым, они уже не найдут работу. Но все же это лучше, чем потерять жизнь».

Как относилась метрополия к положению в одной из своих самых неблагополучных провинций? Начиная с 1920 года, со времени раздела Ирландии в палате общин английского парламента, действовал негласный уговор — не дискутировать о североирландских проблемах. И консерваторы и лейбористы знали, сколь остра эта проблема, знали, что дискуссия выплеснет «нежелательную» информацию. В этом заговоре молчания участвовала и «большая» буржуазная пресса. Для рядового англичанина тема Северной Ирландии существовала лишь в туристских справочниках. «Ирландский вопрос», добавим к этому, не значился ни в школьных, ни в университетских программах. Джеймс Каллагэн вспоминает, что, став в 1967 году английским министром внутренних дел, в первой же подборке официальных документов получил данные о расовых отношениях в Англии, о полиции и реформе палаты лордов. «Но о Северной Ирландии там не было, — пишет он, — ни слова. Ее затолкали в общий отдел, который занимался

всем, что не относилось к компетенции главных департаментов министерства внутренних дел. Он ведал такими вопросами, как торжественные церемонии, летний досуг, лондонские такси, выдача лицензий на торговлю спиртными напитками, охрана животных и птиц».

Между тем до начала североирландских событий оставалось меньше года. Обстановка в Ольстере становилась все более взрывоопасной, все чаще выдвигались требования демократических реформ. Лондону же положение протестантской буржуазии Ольстера, еще более консервативной, чем английские консерваторы, виделось прочным, почти незыблемым, подземные толчки грядущих событий не ощущались. Потому-то документы по Северной Ирландии и оказались в одной папке с бумагами по проблемам лондонского такси и охране животных и птиц. Это к вопросу об имперской психологии, о ее высокомерии. Однако правящей Англии пришлось делать выводы из новой ситуации в Ольстере. Они, эти выводы, оказались традиционными — движению за гражданские права были противопоставлены солдатские штыки.

5 октября

Первые же демонстрации за гражданские права полиция встретила дубинками, слезоточивым газом, водометами. Протестантские ультра приняли жечь католические гетто. 5 октября 1968 года в Дерри полицейские разогнали демонстрацию в защиту гражданских прав. Прошло время, и стало ясно, что именно с этой даты начался отсчет ольстерского кризиса. Что же произошло в тот день?

— Поднимаясь на гору, — рассказывал мне в Дублине Лиэм де Пеа, — демонстранты увидели строй полицейских, а за ним — заграждение из автомобилей. Когда головная часть колонны подошла к полицейским, те, вытащив дубинки, набросились на руководителей демонстрации. Затем к хвостовой части колонны подошли новые ряды и установили еще одно заграждение из автомобилей. Демонстранты оказались зажатыми в тиски. Полицейские принялись их избивать. Люди теснились, падали, спотыкались, бежали вниз по горе, к нижнему полицейскому кордону. Там их пропускали сквозь строй — они шли под градом палочных ударов. У моста Крэйгэвон полицейские набрасывались на всех встречных. В больницу, находящуюся на восточной окраине Дерри, одна за другой машины «скорой

помощи» доставляли раненых. Большинство их получили ранения в голову...

И еще одно свидетельство. «Только когда я прошел во второй половине дня по улицам Белфаста в католическом районе Фоллс-роуд,— пишет Дж. Каллагэн,— я полностью представил себе весь ужас того, что здесь происходило. Я видел обгоревшие дома с разбитыми вдребезги окнами и с почерневшими и обуглившимися стенами. Я был в здании начальной школы и видел звездообразные отверстия в оконных стеклах — следы от пулеметных очередей».

Однако пуля в качестве аргумента уже не могла сыграть свою роль. Юнионисты, полвека правившие Ольстером, не выполнили требований Ассоциации борьбы за гражданские права — гарантия одного голоса для каждого избирателя, уничтожение дискриминации по религиозному признаку, отмена чрезвычайного законодательства, — но и не смогли это движение задуть. Тогда эту миссию взял на себя Лондон. Британские солдаты вступили в Ольстер совсем не потому, что было решено защитить католиков от погромов, как это следует из воспоминаний Дж. Каллагэна, бывшего, кстати, инициатором посылки туда английских батальонов. Нет, суть в том, что Лондону стало ясно — над имперскими интересами в этой провинции нависла опасность. Им угрожала неспособность традиционных ольстерских политических структур справиться с новыми тенденциями в жизни провинции, найти какой-то компромисс с движением за гражданские права. Именно потому, что ни на какие демократические преобразования, ни на какое ослабление власти протестантской буржуазии эти структуры не были рассчитаны, пошатнувшуюся политическую стабильность должна была восстановить армия.

Тревожной для Англии была реакция на североирландские события в Дублине. На улицы ирландской столицы выходили тысячные демонстрации с требованиями к премьер-министру Дж. Линчу спасти католиков Ольстера от насилия, конфисковать у английских фирм их собственность в Ирландии и держать ее как залог безопасности католических гетто Северной Ирландии. Бастовали рабочие. Кое-кто из членов кабинета предлагал послать в Ольстер ирландские войска. Лондон не намерен был допустить, чтобы ольстерские события привели к какой-либо политической и социальной трансформации Дублина. Великобритания и Ирландия связаны тесными экономическими узами, причем Ирландия в этом альянсе всегда играла подчиненную

роль. Нарушение стиля таких отношений Лондон, понятно, считал для себя невыгодным.

Юнионистские правители Ольстера, однако, не намерены были «вписываться» в новую ситуацию, искать компромиссы, демонстрировать гибкость. Что это была за ситуация? Северная Ирландия была частью Британии, и те реформы, которые проводили лейбористы, придя к власти сразу после второй мировой войны, сказались на положении католиков Ольстера. Новые законодательные акты хотя и не создали условий для получения детьми католиков высшего образования, но все же впервые его разрешали. В результате постепенно народился новый, образованный слой, сознававший угнетенное, приниженное положение своей общины, искавший выхода из него. Эти люди и оказались потом на острие движения за гражданские права, в рядах демонстраций, требующих политических и социальных реформ.

В тот период в экономике Ольстера, традиционные отрасли которой переживали застой, начала возрастать роль международных монополий. Таким гигантам, как «Дюпон», не столь тесно, как старые ольстерские фирмы, связанным с протестантской буржуазией, было не так уж важно, кого принимать на работу — католиков или протестантов. При этом безработица в гетто по-прежнему оставалась высокой, ее уровень был выше, чем в районах протестантских, но теперь для католиков впервые появились перспективы приобщения к более квалифицированным профессиям. Монополии были готовы эксплуатировать и тех и других, это была «рационализация» Ольстера в стиле, продиктованном крупным капиталом. Средний протестант не постигал смысла, движущих причин этих перемен, он видел лишь, что его «привилегии» подвергаются коррозии. За этими переменами не поспевала и государственная машина юнионизма.

Она и смолотила премьер-министра Северной Ирландии Теренса О'Нейла, деятеля, рискнувшего провозгласить политику «нового юнионизма», считавшего, что какие-то уступки католикам необходимы для сохранения главного — власти протестантского большинства. О'Нейл позволял себе памеки на то, что дискриминация — дело «не слишком хорошее», что махинации с голосами избирателей «нарушают демократические принципы». Он, однако, не сделал ничего, что могло бы изменить такое положение, нанести удар по дискриминации. Машина же юнионизма для того и существовала, чтобы проводить дискриминацию и

попирать демократию. Если бы она не подавляла католические гетто, юнионистское государство не смогло бы существовать, если бы она не обеспечивала «привилегии» рядовым протестантам, она не смогла бы заставить их голосовать за юнионистских политиков.

И не только голосовать. Многотысячные полувоенные группировки протестантов с оружием в руках доказывали католикам свое над ними «превосходство». «Сказать, что протестанты-рабочие,— пишет историк североирландских событий Д. Белл,— действуют так, потому что им «промывают мозги» их политиканы из правящего класса, значит сказать еще не всю правду. В Англии, к примеру, квалифицированные, а значит, более высокооплачиваемые рабочие могут действовать, выступая с экономическими требованиями в союзе с рабочими неквалифицированными. Различия между ними не столь велики, и корни этих различий не столь глубоки, как между католическим и протестантским рабочим классом Ольстера. Английские рабочие не болеют за католические или протестантские футбольные команды, не ходят в разные клубы и пивные, не принадлежат к разным ветвям в профсоюзном движении. О протестантах и католиках нельзя сказать, что они «одинаково страдают от эксплуатации». Нет, страдают они не одинаково. И потому разобщены».

«А есть ли жизнь перед смертью!»

В утреннем самолете Лондон — Белфаст, открывая одну газету за другой, нахожу вариации заголовка: «Накануне тысячной жертвы». Подсчеты начались дня три назад, зафиксирована была девятьсот девяностая смерть, девяносто пятая, седьмая... Сегодняшняя отметка — девятьсот девяносто девять. Назревало нечто вроде юбилея, строились прогнозы, писали: «И после гибели тысячи человек самый несправимый оптимист не станет утверждать, что не будет еще одной тысячи». Все верно. Была еще одна тысяча, надвигается третья...

Из тех же газет я узнал: в центре Белфаста, недалеко от здания муниципалитета недавно вывесили иснещренную изображением могильных крестов черную доску и список погибших. Каждая смерть метилась новым крестом, день ото дня росла, набухала выписанная красной краской цифра убитых. Летом 1969 года выстрелом в сердце был убит полицейской пулей католик Джон Галлахер. Его имя первым стоит в ольстерском мартирологе. Смерть косила

широко, не щадя ни молодых ни старых. Самой юной жертве — пять месяцев, самой старой — девяносто один год.

Я отправился к белфастской достопримечательности. Не было по дороге ни одного целого дома. Бурные, размытые дождями языки копоти на стенах, стрекот кружащегося над головой вертолета, ряды разбитых витрин, солдаты клеят на дома красно-черные плакаты. Черные буквы, черные трупы, красная кровь, короткие тексты: «Не оставляйтесь на углах улиц», «Не стойте под фонарями — в темноте безопасней», «Держите в тайне маршруты вашего передвижения по городу», «Не открывайте дверей вашей квартиры незнакомым». Прохожие смотрят на плакаты с безразличием или пронией, эту науку они прошли давно и успели убедиться в ее бесполезности. «Неизвестные», если захотят, не станут стучать в дверь, они простреливают ее насквозь.

Вот и знакомые по фотографиям кресты. Цифра «999». Я подошел вплотную — все девятки держались на канцелярских скрепках. Знак ненадежности, быстротечности здешнего бытия?

В тот апрельский холодный, с дождем и ветром день я своими глазами увидел тысячную жертву. Беллиморфи, католический район Белфаста. Машина петляет по пыльным улочкам между серых, похожих на бараки домов, выскакивает наконец к подножию холма. Впереди, у кювета солдаты склонились над кем-то расprostертым на земле. Мой провожатый, священник Десмонд Вильсон, сказал: «Еще один... Кто ответит за эту смерть?» Джеймс Корбетт был убит несколько минут назад. Эксперты искали следы от пуль. Нашли — дважды стреляли в висок. Жителю Беллиморфи Джеймсу Корбетту было 20 лет, его жена ждала первого ребенка.

Беллиморфи — это 620 двухэтажных домов, кругами расположившихся вокруг небольшой площади. Здесь живет около пяти тысяч человек, и все они — католики. Напротив, на холме Спригмартин протестантские кварталы. У Спригмартина по нынешним временам немалое преимущество оперативного свойства — протестантские снайперы обстреливают Беллиморфи прямо из окон своих квартир, с крыш и чердаков. События последних лет в самом прямом смысле слова отпечатались на Беллиморфи — на стенах домов следы от пуль, сожженные автомобили и телефонные будки, смятые армейскими бронетранспортерами палисадники, развороченные тротуары.



О Беллиморфи в Белфасте говорят по-разному.

— Бандитский район,— сказал мне Уильям Крейг, один из самых видных юнионистских политиков.

— Типичный католический район Северной Ирландии, модель католической общины...— услышал я на кафедре социальных проблем Белфастского университета.

Там мне вручили толстый, тиражом всего в несколько сотен экземпляров, на гектографе отпечатанный том: «Беллиморфи. История двух исследований». Это цифры, диаграммы, схемы, образцы анкет, заполненных жителями района — рассказ о жизни нескольких поколений. Во время второй мировой войны Белфаст бомбила немецкая авиация, немало домов было разрушено. Временные, оставшиеся в наследство от расквартированных в военные годы армейских частей бараки стали на годы пристанищем для многих католических семей. Когда через несколько лет после войны в Беллиморфи было отстроено несколько новых кварталов, туда стали переселять обитателей барачных.

«Относительно этих людей,— прочел я в исследовании,— было широко распространено мнение, будто они привыкли жить в грязи, не в состоянии правильно воспитывать своих детей, с толком тратить деньги и содержать в порядке свои дома. Беллиморфи быстро приобрел недобрую славу среди торговцев, полиции, владельцев пивных, работодателей, сборщиков налогов. Разбить этот стереотип отнюдь не помогало и отношение к Беллиморфи прессы, приписывавшей жителям этого района грехи их соседей-протестантов». В результате, когда жители района искали работу, а районные муниципальные власти обращались за кредитами, они сталкивались с тем, что принадлежность к Беллиморфи им крайне мешала. Именно поэтому к концу 50-х годов этот район превратился в «чистилище» католического Белфаста — городские власти считали, что для «плохих» католиков подходит только Беллиморфи.

В те годы появилось первое социологическое исследование о Беллиморфи. Дорита Филдс, его автор, писала, что уже сам вид этого района вызывает депрессию — однообразные ряды серых домов, улицы, захламленные обрывками газет, битым стеклом, ни одного мусорного ящика, ни одного деревца. Многодетные семьи, и всего одна школа — начальная. Не было детских площадок, не было мест отдыха и для взрослых. Половина мужского населения Беллиморфи — безработные, а большинство из тех, кто занят,— неквалифицированные и малоквалифицированные

работники. Д. Филдс сочла, однако, нужным отметить, что лишь «очень немногие дома и жителей этих домов можно было бы назвать грязными».

Прошло почти два десятилетия. С тех пор, говорится в новом исследовании, изменилось лишь то, что все уличные фонари выкорчеваны, а мостовые разбиты. Могу подтвердить — выкорчеваны и разбиты, могу добавить — печать унылой беспросветности лежит на Беллиморфи. По-прежнему в районе нет мусорных ящиков, а муниципальная служба по уборке улиц посылает сюда своих людей от случая к случаю. Через два десятилетия после основания района здесь еще не было католической церкви — молились в школьных залах или ездили в другой район. Когда наконец храм построили, выяснилось, что был выбран столь дорогостоящий проект, что общине Беллиморфи придется еще не один год выплачивать долги.

В каждом номере здешней газеты читаешь: «Течет крыша, отвалилась штукатурка, не действует водопровод...», «Нужен ремонт!», «Почему нет ремонта?». «Один из наших жильцов пошел в муниципальное управление, ведающее жилищными делами, стал говорить, что его квартира давно нуждается в ремонте. Когда он назвал свой адрес, ему грубо ответили: «Беллиморфи? В этом районе ремонта делать не будем».

За годы кризиса безработных здесь стало еще больше. Жители района испытывали при найте на работу двойную дискриминацию — и как католики, и как жители Беллиморфи. Необычайно высок здесь уровень хронических больных и инвалидов среди взрослых, велико число детей умственно отсталых и с врожденными физическими недостатками. Квартиры перенаселены, берег реки, отделяющей Беллиморфи от Спригхилла, превращен в свалку, кишит крысами.

Безработица и болезни — вот главные признаки социального неблагополучия в Беллиморфи. «В большинстве промышленных стран у человека до того, как он выйдет на пенсию, есть один нормальный образ жизни — работа, — говорится в исследовании. — В Беллиморфи же три вполне нормальных образа жизни — работа, безработица, болезнь». Из которых, замечу, менее других «нормальна» именно работа как образ жизни. «В 53 процентах семей мужа безработны, больны или эмигрировали в поисках места. Одни постепенно теряют квалификацию, другие — способность адаптироваться к требованиям производства, у третьих снижается даже само желание работать. Особен-

но страдают в данной ситуации отцы и мужья, поскольку утрачивают роль лидера в семье, ее кормильца». К тому же система социального обеспечения в Северной Ирландии заставляет главу большого семейства действовать с формальной точки зрения нелогично, иррационально. Почему-то предполагается, что он с готовностью ухватится за работу в протестантской части города, где католик всегда чувствует себя в опасности, за работу, которая оплачивается значительно ниже, даже без учета оплаты за проезд, чем он получил бы в качестве пособия по безработице. Отказываясь от такой работы, человек как раз и ведет себя рационально. «Политики же, защищающие существующую систему, обвиняют его в лени, называют нахлебником. Потом на него сыпятся финансовые наказания, вынуждающие оставить семью, искать работу в Англии. В лучшем случае семья страдает от отсутствия мужа и отца, лишена его внимания, в худшем — семья разваливается».

В Беллиморфи я видел надпись на стене: «А есть ли жизнь перед смертью?»

Проповедь ненависти

Юнионизм, оранжизм, лоялизм — вот те три кита, на которых держалась власть протестантского большинства. Юнионизм — государственность ольстерской буржуазии. Лоялизм — утверждение ее лояльности, преданности английской короне, «британскому образу жизни». Что же такое оранжизм?

За ответом на этот вопрос я пришел к главе оранжистского ордена Северной Ирландии священнику Мартину Смит. Передо мной сидел красивый, чернобровый, с кипематографической сединой мужчина. В доме уютно, мирно пахло сбежавшим молоком, гренками. И это ощущение домашности и уюта особенным образом контрастировало с тем, что говорил Смит.

— Орден оранжистов был создан в 1795 году для защиты протестантов от банд католиков. Сейчас, в момент политического кризиса мы представляем силы, защищающие интересы Северной Ирландии.

— Всей Северной Ирландии?

— Мы единственная в провинции организация, которая фундаментально объединяет людей. Протестантов, понятно... Орден отверг какое-либо участие католиков в управлении провинцией, и люди отвергли такое участие. Вре-

мя показало, что мы правы. Большинство есть большинство, это всем надо и понимать и признавать...

Комментарий к словам Мартина Смита: оранжизм родился как черносотенная реакция на деятельность «Объединенных ирландцев». Орден стал тайным обществом маасонского образца, члены которого клялись в верности идеалам протестантского «превосходства», обществом, которое значительней и влиятельней любой протестантской политической партии. Оранжистские ложы берут на себя и функции профсоюзов, охраняя «классовый мир» в отношениях между хозяином и работником. Принадлежность к ордену одним дает реальную политическую и государственную власть, другим — рядовым его членам — иллюзию участия в управлении провинцией. Но даже и для них отнюдь не иллюзорны выгоды от принадлежности к ордену — они первыми получают жилье и работу, им помогут избежать увольнения. «Для протестантского рабочего к тому же орден — это своеобразный клуб для избранных, для «белых» людей, клуб, куда «неграм» — католикам вход запрещен», — пишет Д. Белл. Рядовым такие блага предоставляются, конечно, не даром, а как плата за политическую поддержку, за голоса, в течение десятилетий отдаваемые на выборах только юнионистам.

Оранжизм — идеология протестантской буржуазии. «Философия оранжизма, — прочел я в издающемся орденом бюллетене «Оранж стандарт», — воинствующая философия. Оранжистский орден проявляет свою политическую воинственность в том, что посвятил свои усилия защите монархии и британской системы государственности». Одна из ветвей ордена — евангелическое протестантское общество — выпустило документ под названием «Силы, которые нам противостоят». «Силы» эти пронумерованы в таком порядке: «В религии нам противостоит римско-католическая церковь. Интеллектуально нам противостоит гуманизм. Социально нам противостоит материализм. Политически нам противостоит коммунизм».

Доказать католикам их «второстепенность», лишить их надежд на перемены в Ольстере — вот смысл оранжистских лозунгов. Особенно оглушительно они утверждаются оранжистскими парадами. Да, не на парадах даже, а самими парадами. Каждый год 12 июля в годовщину победы Вильгельма Оранского — отсюда и название ордена — над католической армией на реке Бойн в 1690 году тысячи протестантов выходят на улицы. В Северной Ирландии 4500 оранжистских лож, и каждая участвует в шествиях,

каждая должна заявить о своем существовании, о своей принадлежности к могущественному клану.

Я видел такие парады в Белфасте и Дерри.

Еще издали, за несколько кварталов слышится гром барабанов. Вспомните фильмы о том, как где-нибудь в Африке охотники шумом там-тамов загоняют зверя в западню, и вы представите себе грозный ритм барабанной дроби на оранжевистских парадах. Но вот появляется колонна. Впереди джентльмен в черном торжественном костюме, в черном котелке, оранжевый хомут-лента висит у него на шее. Он то и дело оборачивается назад и делает энергичнейшие жесты: «Поддать! Еще громче!..» Идущие ряд за рядом обладатели черных котелков надели сегодня все ордена и медали, какими наградила их империя, повесили на перевязях древние мечи, расчесали серебряную бахрому на оранжевых хомутах.

В первом ряду пятилетние девочки, они в такт музыке потрясают булавами — вверх-вниз, вверх-вниз, на пятки им наступают дети чуть постарше — те рвут меха аккордеонов. За ними ребята в возрасте Тома Сойера высвистывают на флейтах нечто пронзительное и тревожное. Взрослые в надвинутых на брови котелках, чтобы не слетели от сотрясения, с потягом охаживают раскрашенные в цвета британского флага барабаны. «Барабанщики действовали так, — узнал я вечером из специального, праздничного выпуска газеты, — что у них на ладонях полопалась кожа». И звенят медные тарелки, в них бьют с таким остервенением, как будто лбами сталкивают двух застигнутых на месте преступления злодеев. Время от времени над толпой раздается срепетированный рык: «Не сдадимся!», «К черту подонков!», «Вон католиков!»

В начале кризиса, когда католические гетто еще не успели опоясаться кольцом баррикад, такие парады заканчивались расправами. В белфастском районе Стрэнд десятки жителей были убиты и ранены джентльменами в котелках и оранжевых хомутах, тысячи семей покинули свои горящие дома. Британские же солдаты во время этого побоища перекрыли мосты, ведущие в спасительную для католиков западную часть Белфаста.

Значит, идет религиозная война? Нет, истоки конфликта не в том, что разные общины по-разному трактуют библейские заповеди, он продиктован причинами политическими и социальными. Но это не значит, что церкви — и католическая, и протестантская — стоят в стороне от событий. Нет, они активно участвовали в нагнетании враж-

ды между двумя общинами, вместе с властями они несут ответственность и за истоки кризиса и за его кровавое продолжение. Бывший капитан британской армии в Ольстере Антон Кларк рассказывает о беседе с протестантским священником. «Протестанты — добрые люди, ответственные, чтут семью и порядок, — объясняет тот Кларку. — Совсем другое дело — католики. Они от природы склонны к жестокости и насилию. Их надо обуздать, вы должны поубивать их лидеров. Мы их знаем. Если вы их не убьете, мы это сделаем сами. Возродить полицейские силы «Б» — вот что надо». «И это говорит духовный пастырь!» — восклицает Кларк. Даже он поражен кровожадностью священнослужителя.

— Раскол между католиками и протестантами, — считает Ричард Хэнсон, протестант, бывший англиканский епископ в Северной Ирландии, а ныне профессор теологии Манчестерского университета, — накладывает печать на все проявления общественной жизни Ольстера. Что за друзья у вас, в какие магазины вы ходите, какой терапевт и какой дантист вас лечат, какой водопроводчик чинит ваши краны — все зависит от того, протестант вы или католик. Что же делают церкви, чтобы изменить эту ситуацию? Они немало сделали, чтобы ее породить. Все главные протестантские направления в религии политически глубоко связаны с юнионизмом. Протестантское духовенство и в прошлом и ныне имеет обширное членство в юнионистских политических ассоциациях и в ордене ораджистов. Вражда, запугивание всегда были традиционными для ольстерского протестантизма.

Что предлагает Ричард Хэнсон? Введение законодательства, направленного против возбуждения религиозной вражды. Такой закон, на его взгляд, столь же, а может, даже, более актуален для Северной Ирландии, чем антирасистское законодательство в Англии. Необходимо осознание общей вины католической и протестантской церквей за то, что происходит в Ольстере. Они обвиняют друг друга, перекладывают друг на друга ответственность, они начали с защиты церковных принципов, а докатились до защиты детоубийц. «Честный атеизм или коммунизм, — сокрушается Хэнсон, — сейчас более угоден богу, чем проповедуемая Пейсли и другими более уважаемыми деятелями вражда между общинами». Бывший епископ рассказывает, как однажды накануне рождества его попросили найти церковь, в которой можно было бы устроить праздник для детей — католиков и протестантов. Но

ни одна церковь, ни католическая, ни протестантская, не согласилась на проведение такого «смешанного» праздника. Ни один католический священник, замечает Хэнсон, не решится на публичное выступление в защиту совместного обучения в Северной Ирландии.

Десмонд Вильсон на такое выступление решился.

— Я убежден, что и католическая и протестантская церкви — важнейший ингредиент кризиса, — говорил мне Вильсон. — Они создавали для этого кризиса условия, а когда он налился кровью, доказали, что не только мирятся с насилием и издевательствами, творящимися и над общинами, и над отдельными людьми, но с величайшей активностью сотрудничают с погрязшими в насилии властями. За редчайшими исключениями деятели обеих церквей приветствовали введение интернирования — а это заключение в тюрьмы и концлагеря без суда и следствия. Они поддерживают террор британской армии — а это пытки, аресты, облавы, ежедневные и ежечасные надругательства.

Приход Десмонда Вильсона, католического священника — в уже известном нам Беллиморфи. Вильсону за пятьдесят, он сед, у него добрый, умный взгляд. Я видел его и в церкви, и на митинге, стоял вместе с ним над трупом только что, минуты назад убитого Джеймса Корбетта — католика из Беллиморфи.

В очередной приезд в Белфаст я узнал — церковное начальство лишило Вильсона прихода. Он поплатился за то, что выступал против запрета посылать детей в государственные, а не в католические школы, за то, что отказывался порицать «смешанные» — между католиками и протестантами — браки, за то, что требовал от армии и полиции прекращения пыток заключенных.

Когда стало известно об отстранении Вильсона от его пастырских обязанностей, тысячи человек собрались на демонстрацию. Меня не удивил этот стихийный сбор. Бывая в Беллиморфи, районе, где нет семьи, по которой кризис не проехался бы своим катком — убитые, раненые, арестованные, — я видел, как к Вильсону шли люди. Вероятно, были между ним и его прихожанами уединенные беседы о душе, грехах, очищении. Но на миру говорилось и о том, как написать свидетельские показания о вчерашнем избивании английскими солдатами, о продуктовой передаче в концлагерь Лонг-Кеш, о помощи семьям безработных из общественных фондов...

— Жизнь здесь, в Беллиморфи, — рассказывал мне Вильсон, — это борьба за то, чтобы выжить. Нельзя дать

захлестнуть себя жестоким будням. Мы организовали «Народный театр». Для многих из тех, кто хотел бы что-то сказать, но у кого нет возможности быть услышанным, этот театр — шанс заявить о себе, о своей позиции. Многие из того, что звучит в наших пьесах, написано и сказано политиками, полицейскими, тюремщиками, теми, кто, сами того не ведая, дают материал для «черной комедии». Мы почти дословно воссоздали слушания трибунала, заседающего в лагере Лонг-Кеш. Его процедура, ремарки судьи, свидетельские показания, вся атмосфера столь абсурдны, что напиши об этом сатирик, его обвинили бы в преувеличении. На самом деле это чистейший реализм.

Попав в церковную кафедру, Вильсон не превратился, конечно, в атеиста, он верит, что ожесточение двух общин можно победить «политикой прощения». Но сам он не прощает церкви, освятившей это ожесточение.

— Религия — важная часть нашей североирландской жизни, — говорил мне Вильсон. — И сама церковь, и светские власти концентрируют внимание человека на религии, но держат его голодным, униженным и оскорбленным. Ужасно! Веру, труд, человеческое достоинство надо объединить. Но церковь против этого. У нее слишком большая власть над судьбами людей, власть политическая. Она всегда учила: «Берите оружие и отстаивайте свою веру!» Церковь разделяет людей в школах — разные школы для католиков и протестантов, она разделяет их в культуре — католический клуб, методистский клуб, она ставит барьеры между людьми. Но если люди разделены, они ненавидят друг друга. Церковь использует эту разобщенность, спекулирует на ней...

Церковь старается утверждать свою власть, отстраняя еретиков вроде Десмонда Вильсона. Удастся ли? Есть немало свидетельств того, что кризис не укрепил, а подорвал ее вес и влияние. Процесс закономерный — церковная верхушка дискредитирует себя нежеланием искать демократических путей разрешения конфликта, нежеланием присоединиться к требованиям движения за гражданские права. Церковь, однако, продолжает цепко держаться за свою власть, выдвигая таких оголтелых фанатиков, таких политиков в рясе, как Яан Пейсли.

— Только религия и церковь, — говорил он мне, — помогут протестантам обуздать католиков.

Пастор Яан Пейсли

Храм, где пастором Яан Пейсли, — самая большая протестантская церковь из построенных в Европе после второй мировой войны. Строгая, почти аскетичная архитектура, сквозь стрельчатые окна слышна очень светская, без намека на ожидаемую торжественность музыка. Пейсли сам встречает у входа, у дубовых дверей, всем, и мне тоже, двумя руками стискивает в приветствии ладонь. Начинается служба. Пейсли запекает псалмы, дирижирует, рубя рукой воздух, подпрыгивает в такт музыке. Голубой огонь внимательных глаз, большие яркие губы, большая, как орудийный замок, челюсть. «Когда Пейсли вещает с кафедры, — прочел я в одной из газет, — то у него во рту хорошо виден падгортанный хрящ — так широко распахивает он рот». Гулкий, густой, с первическими потоками голос. Каждое утро супруга Пейсли Эйлип делает ему коктейль из меда и яблочного уксуса — для поддержания голосовых кондиций.

Пейсли возопил: «Пойте! Все поем вместе! Петь! Петь!» Хор подхватывает: «Я так рад, что Иисус любит меня, любит меня, что он любит даже меня...» Пейсли покраснелся, пот выступил на лбу. Наступила очередь воскресной проповеди. Он восклицает: «Нет — католикам!», цитирует то свою газету «Протестант телеграф», то Библию и сыплет, сыплет шутками, анекдотами. «Мне отвратителен звон монет, когда собирают пожертвования», — говорит он. Делает паузу и заканчивает: «Я предпочитаю шуршание ассигнаций!» Смеется пастырь, смеется паства. Ежегодный сбор пожертвований в этой церкви превышает 150 тысяч фунтов стерлингов. Соседний банк, пожалуй, единственный в Ольстере, не закрывающийся по воскресеньям, принимает вклады от Яана Пейсли.

В долгой истории ольстерского кризиса не так уж много действующих лиц, которые, появившись в его прологе, удержались бы на политической авансцене. Пейсли это удалось. Пейсли — главарь уличных толп, нечто вроде шамана, выступающего не с речами, а с заклинаниями. Для характеристики премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер он не нашел иных слов, как «предательница и лгуны», причем выкрикнул эти слова в стенах британского парламента. Чем не угодила ему Тэтчер? А тем, оказывается, что «пошла на поводу» у католиков, что «забыла» об интересах протестантов. «Традиционные» поли-

типи, на взгляд Пейсли, слишком мягкотелы, слишком много говорят там, где надо действовать.

Амплуа Пейсли — апелляция к самым дремучим пред-
рассудкам ольстерских протестантов, игра на их страхе
утратить свое «превосходство». «Ваши рабочие места,—
предупреждает Пейсли,— займут католики. Их будут се-
лить в домах, в которых могли бы жить вы — протестан-
ты». «Час настал! — обращался он к толпе на базарной
площади городка Бэллимена.— Сумрак опустился на нас,
враг наступает на нас, как потоп. Есть люди, которые хо-
тели бы сломить нас, хотели бы сломить волю народа
Ольстера. О, Боже, дай нам великое освобождение. О,
Боже, освободи Ольстер».

Издаваемая Пейсли газета «Протестант телеграф» на-
зывает католиков «ирландскими неграми», пишет, что в
католических гетто «обитают существа, говорящие на
странном языке и выглядящие почти как люди». Под руб-
рикой «Борьба с паразитами» вместе с советами по трав-
ле клопов в ней печатаются и рекомендации для поли-
ции — против демонстрантов-католиков предлагается ис-
пользовать винчестеры, поскольку «большая пуля делает
и большее по размерам входное отверстие, чем пуля от
винтовки «армэлайт» и другого оружия того же калибра».

В той же газете можно прочесть: «И католицизм, и
коммунизм вобрали в себя главные элементы языческой
философии для поддержки их ложных и богопротивных
систем. Католицизм воспринял и развил языческий ритуал
в рамках фальшивого христианства. Коммунизм взял на
вооружение язычество и пантеистическую доктрину сот-
ворения мира. В результате родилась формула, которая
именуется диалектическим материализмом». Пейсли объ-
являет, что посвятил себя борьбе с этим «дьявольским
заговором».

Евангелизм, а Пейсли представитель именно этого те-
чения в протестантизме, построен на персонификации доб-
ра и зла — это бог и дьявол. Читая проповеди, Пейсли го-
ворит, что зло — это Люцифер, дьявол с рогами. Но это же
зло, этот же дьявол — католик Пэдди, «зеленая обезьяна».
Пейсли предрекает протестантам бедствия — пули и пы-
тки от рук католиков — в духе испанской инквизиции и,
когда аудитория уже накалена, обещает: надежда на спа-
сение все же есть. Для этого надо возвратиться к време-
нам прежнего Ольстера, возродить распущенные в начале
кризиса специальные полицейские силы «Б», восстановить
протестантский парламент — Стормонт, протестантское

полновластие. М. Фрезер, психиатр, изучавший механизм влияния Пейсли на толпу, замечает, что словом, а иной раз с помощью лекарств врач подводит пациента к такому состоянию, когда тот начинает выражать свои тревоги «в форме неконтролируемых эмоций» — плача, смеха, крика. Сразу же после этого пациент легче поддается внушениям, его можно убедить, что ситуация не так уж безнадежна. Точно так же действует и Пейсли...

«Для человека, который родился и жил не в Северной Ирландии, лозунги Пейсли могут показаться смешными, рожденными большим воображением,— пишет Д. Белл.— Но Пейсли не та фигура, которая достойна лишь смеха. Параноический, кальвинистский склад его характера привлекает к нему немало богобоязненных, несправедливых дьявола протестантов из рабочего класса и мелкой буржуазии». В 60-х годах этот общественный слой почувствовал, что в политической атмосфере начинаются какие-то перемены, что под угрозой оказалось освященное столетними традициями протестантское «превосходство». Тогда же «либеральные» политики из протестантского лагеря, пусть туманно, но все же заговорили о возможности участия католиков в управлении Ольстером. «Раковая опухоль» этих перемен распространялась и угрожала самому существованию Ольстера, этого «последнего бастиона,— как выражается Пейсли,— протестантизма в Европе, а может быть, и во всем мире». И Пейсли выступил на защиту протестантского Ольстера.

Евангелисты не представляют собой большинства протестантского населения Ольстера, и не защита протестантской социальной морали и этики владеет умами рабочих-протестантов. Но когда Пейсли набросился на «юнионистских предателей», он приобрел новых сторонников и не из числа евангелистов. Почему? Потому что обещал спасение от еретиков, от тех, кто «соглашается на компромисс» с католиками.

Было бы странно, если бы образ такого мистификатора, такого страстного и жестокого религиозного политика, как Пейсли, не был бы украшен легендами. Одна из них рассказывает о том, как Пейсли увидел пьяницу, валяющегося прямо на тротуаре. Пастор подошел к нему и изрек: «У меня есть для вас весть. Иисус любит вас». Приоткрыв глаза, пьяный ответил: «Никто меня не любит!» «Я люблю! — сказал Пейсли.— Почему бы нам не отправиться сейчас в мою церковь и не поговорить по душам?» Не получив согласия, пастор взвалил собеседника на плечи

и потащил под своды храма. Рассказывают, что через несколько лет после этой встречи Пейсли говорил: «В том районе, где я нашел пьяницу, ко мне относились насто-роженно. Я должен был поднять свой авторитет». Ну а пьяница? По канонам любой легенды он бросил пить и стал прилежным прихожанином церкви Яана Пейсли.

Стараясь «поднять свой авторитет», Пейсли играет на разочаровании рядовых протестантов политиками Ольстера. Он сражается за популярность, за влияние над общи-ной, локтями расталкивает тех, кто десятилетиями правил Ольстером. Но и в ответ получает пинки и проклятия. Пресса не раз называла его «церковным неонацистом». Архиепископ Кентерберийский Майкл Рамсей сказал о Пейсли: «Он религиозный и политический партизан. Он не укрепляет веры в бога».

Но такой ли уж диссонанс вносит Пейсли в ольстер-скую «стратегию» Лондона? Критики Пейсли все же ни-когда не пытались устранить этого проповедника ненависти с политической арены. От него демонстративно отмежевы-вались, но никогда с ним не рвали. И Пейсли и те, кого он обвиняет в «предательстве», едины в главном — поставить барьеры переменам в Северной Ирландии. Пейсли выпол-няет эту задачу с расчетливой оголтелостью, он берет на себя «черную» работу, освобождая от нее лондонских джентльменов. У тех, вероятно, есть основания считать — если бы Пейсли не было, то его следовало бы выдумать...

Два «племени»

Истолковывая ольстерскую драму, социологи, как будто речь идет о каком-нибудь глухом уголке нашей планеты, оперируют понятием «трайбализм», обозначающим пле-менной сепаратизм. Не десятилетия, а долгие века като-лики и протестанты живут здесь, почти не смешиваясь, не взаимопроникая. Одни пришли сюда завоевателями, дру-гие оказались в яре завоеванных. Дети откровенно де-монстрируют свою «племенную» принадлежность. Демон-стрируют трагикомично. Пятилетний ребенок, прочел я, с плачем прибегает к учителю, жалуется:

— Дети называли меня мальчиком...

— Но ты ведь и есть мальчик, — успокаивает учитель.

— Нет, — отвечает он, продолжая рыдать, — я пейселит.

А это значит последователь Яана Пейсли.

«Если бы я был премьер-министром, — пишет в своем

школьном сочинении католик, — я бы дал Ирландской республиканской армии винтовки, а юнионистскую партию запретил бы». Его протестантский сверстник считает, что следовало бы «выселить из Ольстера всех, кто устраивает беспорядки, а Бернадетту Девлин убить за государственную измену». Девлин — известная католическая деятельница. «Сама школьная система способствует закреплению разных мировоззрений, — пишет «Обсервер», — программы католических школ включают изучение языка, танцев, игр, музыки ирландцев, в учебниках истории рассказывается о том, как «угнетенный народ борется против английского колониального владычества». История же, как ее преподносят протестантские учебники, представляет Ольстер неотъемлемой частью Соединенного Королевства, полностью английского — от Дерри до Дувра. В этих учебниках говорится лишь о британской политике и предается забвению все, что является ирландским».

«Уровень поляризации» среди детей Ольстера изучался специалистами из Лондонского и Стрэтклайдского университетов. Эксперимент ставился над тридцатью шести- и десятилетними мальчиками — католиками и протестантами из Белфаста и таким же числом католиков и протестантов одного из районов шотландской столицы Эдинбурга. Детям показали двенадцать изображений людей. Тут были фигуры нейтральные, как, например, клоун, ковбой, Дед Мороз, и «участники конфликта» — полицейский, солдат, католический и протестантский священники. Так вот, если в Эдинбурге только восемь шестилетних мальчиков узнали протестантского священника, то в Белфасте — все. Другой тест заключался в том, что детям вновь показали те же двенадцать фигур, попросили указать, где эти люди живут. Белфастцы сделали это по религиозному признаку, тогда как большинство эдинбургцев «поселили» католического и протестантского священников вместе. В школах Дерри провели обследование, и выяснилось, что юные католики единодушно считают своей столицей Дублин, а протестанты — Белфаст. Когда тех и других попросили назвать имена «лучших граждан города», то католики назвали только католиков, а протестанты — одних протестантов.

Голландская благотворительная организация пригласила в Нидерланды школьников из Белфаста — католиков и протестантов. Впервые те были вместе, и не обошлось без влюбленностей, романов, ухаживаний. Возвращение в Белфаст положило всему этому конец: юноша с протес-



тантской Сандп-роуд не мог появиться в католическом Андерсонстауне, а девушка-католичка показаться на протестантской Шенкл-роуд. В протестантскую школу в Белфасте взяли новую учительницу. Ученикам захотелось узнать, где она работала раньше. Ответы, однако, были уклончивы. В конце концов учительница призналась, что никогда не преподавала мальчикам. Но это значило, что она католичка, что работала только в католических школах. К расследованию подключились родители, и через четыре дня учительнице пришлось уволиться.

Школьник из католического района знает, что, когда он кончит учиться, на свободное рабочее место первым примут не его, а сверстника-протестанта. Ну а того убеждают — если католики добьются равных прав, то хуже от этого будет только протестантам. Десятилетний католик уже несколько месяцев не ходит в школу. «Школа? — говорит он. — Она ничего не дает. Я знаю, что никогда не получу работы. Я же католик...» Слова человека с опытом — его старшие братья и отец сидят без работы.

И лондонские политики, и протестантская буржуазия всегда подогревали страх протестантов потерять свои «привилегии». И потому на первые марши в защиту гражданских прав протестантские штурмовики ответили погромами католических гетто. Моррис Фрезер, специалист по детской психиатрии, записал тогда рассказы своих пациентов.

«Через два дня после беспорядков на нашей улице, — говорила 10-летняя Мэри, — мы шли в школу. Мы опаздывали и поэтому побежали. И тут я вспомнила, как люди бежали тогда по улицам. Ноги мои подкосились, я упала. Когда я пришла в себя в больнице, мне объяснили: «У тебя был припадок». Однажды мама сказала: «Зажги газ». Тут же я вспомнила запах слезоточивого газа «Си-Эс» и начала задыхаться. На другой день учительница спросила на уроке, что издает звук «шинг-линг». Я подумала о пожарной машине и почувствовала, что руки мои задрожали. Я пришла в себя на полу». Припадки у Мэри продолжались. Их провоцировали звуки школьного звонка, вид толпы мальчиков, идущих из школ, слова подружки «Мне жарко, я вся горю»...

Шопу исполнилось одиннадцать, когда он попал в клинику. Перед этим в течение нескольких месяцев он был чрезвычайно раздражительным, с ним часто случались приступы бронхиальной астмы. Мать Шона сказала, что он сильно изменился с той ночи, когда их улицу громили

протестантские банды, когда здесь впервые прозвучали выстрелы. Он стал бояться одиночества, жаловаться на боли в желудке, все чаще повторялись приступы астмы, ее первый приступ был именно в ту ночь. Шон хорошо ее помнит. «Я видел толпы, идущие по улице. Кто-то сказал: «Они бьют детей. Они собираются убить их». Я услышал выстрелы, почувствовал тошноту, меня затрясло, я покрылся потом, стал задыхаться». Однажды утром мать вошла в комнату Шона и сказала: «Я слышала, что взорван гараж в конце улицы». Шон сразу же побледнел, у него начался приступ.

Жанна, двенадцать лет, жалобы на плохой сон, раздражительность, потерю аппетита начались после того, как их дом в одном из самых беспокойных кварталов Белфаста был сожжен. Жанна говорит: «Протестанты пришли на нашу улицу и закричали: «Выходите!» Потом стали стрелять, подожгли дом. Теперь я не могу спать. Я думаю о выстрелах и пожаре и вскакиваю, чтобы выглянуть в окно. Громкий звук заставляет меня плакать и дрожать». Когда с Жанной беседовали, то при всяком упоминании об уличных беспорядках ее кулачки сжимались, она стискивала челюсти, ее бросало в дрожь и пот.

Анне было одиннадцать, когда она впервые оказалась в клинике после двух месяцев галлюцинаций в школе и дома. Она кричала, что видит «плохого человека», убегала из класса, дома будила родителей среди почти громким плачем во сне. «Протестанты пришли на нашу улицу с бомбами и ружьями, — говорит она. — Потом они убежали, а английские солдаты стали стрелять. Это было ужасно. Я увидела человека в крови. В доме у нас было двенадцать детей. Мы мочили в уксусе платки и прижимали к лицу, чтобы спастись от газа. Мы очень испугались и плакали». Вскоре после этого у Анны начались галлюцинации.

С начала кризиса в Ольстере не было ни дня без взрывов, выстрелов, почных обысков, облав. Дэвид Блэкли, бывший министр североирландского правительства, говорил мне, что слышал молитву восьмиплетного мальчугана: «Господи, пожалуйста, прекрати взрывы и спаси нас от гражданской войны». Не забыть лиц детей в уличной толпе. Они успели увидеть столько страшного и горького, в их глазах — растерянность, недоумение, истерика, в их жестах, в походке — отчаянность и отчаяние, вызов и желание отстоять себя в этой сошедшей с круга жизни.

Если сказать, что приобщение к ольстерской драме начинается еще во чреве матери, то это не будет гиперболой. Стреляли в Мэри Гилмор, той же пулей была ранена ее еще не родившаяся дочь. Привезли в больницу Лизу Муллин, по которой стреляли из проезжавшего мимо автомобиля. Лиза Муллин была на восьмом месяце беременности. Ребенок погиб. В газетах мелькнула фотография: так и не ставший отцом Малаши Муллин прижимает к груди маленький гроб. 10-месячного Стефена Харрисона едва спасли, вынеся из палаты госпиталя за минуты до взрыва. Но оказалось, что в биографии Стефена такое случается не впервой. Когда ему было четыре дня от роду, бомба взорвалась рядом с его коляской. Стефена выбросило взрывом, он получил ожоги лица и рук. Кевин Хэннавей держал на руках полуторагодовалого сына, когда началась стрельба. Сын получил три ранения, пули предназначались отцу. Миссис Макдермот, потеряв веру в то, что полиция найдет убийцу ее сына, публикует в прессе номер своего телефона, просит всех, кто знает подробности преступления, звонить ей. Десятилетний Брайан Макдермот исчез из дома в понедельник. В субботу в реке Лаган было выловлено мертвое тело ребенка. Лицо сожжено, обе ноги и одна рука отсечены. По отпечаткам пальцев на обложке школьного учебника удалось установить, что убит именно он, Брайан Макдермот.

Директор школы спрашивает ученика, не случилось ли что-нибудь прошлой ночью поблизости от его дома, и слышит в ответ: «Ничего не случилось, только была сплывная стрельба...» Школьные тетради превратились в каталоги оружия, дети рисуют танки, вертолеты, лагеря для интернированных, сцены уличных боев. Один из учеников все устные ответы на уроках заканчивал возгласом: «А потом — всех из автоматов!» Даже в сочинениях на тему о футболе подсчитывают не голы, а убитых в стычках после матча. Кто-то из детей написал, что матч закончился тем, что одна команда была расстреляна из пулеметов «силами порядка», в то время как другую заживо принялись пожирать крысы.

Дискуссия в протестантской школе на тему «Насилие будет побеждено насилем». Когда провели голосование, какие средства нужно использовать против насилия, 99 процентов голосов было подано за «силу». «Стало совершенно ясно, — говорил один из преподавателей, — что для наших учеников хороший католик — это мертвый католик. Ораторы выступали будто на предвыборном митин-

ге. Каждый призыв к убийству, как в древнеримском цирке, встречался восторженными криками». Призывами впрочем дело не кончается. Банда подростков облила бензином двух католиков — одного двенадцати, другого восьми лет — и подожгла их. Детей едва удалось спасти.

Барьеры

По субботам она выставляет на тротуар складной столик, на нем — газеты, плакаты, листовки, жетоны, и все это с изображением «красной руки» — символа ольстерских протестантов. Торгует старушка с благородной сединой, в золотом пенсне и с профессорским зонтиком. Я видел ее на этом месте из года в год. И все тот же придавленный двумя камнями плакат трепетал на ветру. Изображение фонаря с двумя повешенными и надпись: «Вот так надо поддерживать ИРА!» Продукция, которой торгует интеллигентного вида старушка, издается протестантскими экстремистами. В газете «Ассоциации обороны Ольстера» «Лоялист ньюс» печатается серия «Билл и Бен — люди из ИРА». Билл лежит на госпитальной койке, приходит Бен, говорит:

— Послушай, Билл, у меня для тебя и плохие и хорошие новости. Плохие — это то, что у тебя ампутировали обе ноги.

— Боже мой, — отвечает Билл, — какие же новости хорошие?

— Парень из соседней палаты готов купить у тебя ботинки...

Другой сюжет. Билл обращается к Бену:

— Вот письма в Страсбург. О том, как нас пытаются.

— Пытают? — переспрашивает Бен. — Как, когда?

— А разве они не заставляют нас умываться?

С тех же страниц звучит вопрос: «Правда ли, что фирма «Скоттиш прод» нанимает на работу католиков?» Заметка прозвучала и как донос, и как приговор — «Скоттиш прод» взорвали на другой день. И там же: «Почему католический политик водит компанию с протестанткой с Крамли-роуд?» Прошло немного времени, и «католический политик» сенатор Пэдди Вилсон и «протестантка с Крамли-роуд» Ирена Эндрюс были убиты. На теле сенатора насчитали тридцать ножевых ран. «Ответственность» за убийство взяла протестантская банда «Борцы за свободу Ольстера».

За столетия барьеров из вражды, страха, недоверия на-

горожено между двумя общинами предостаточно. В Дерри я спросил у кладбищенского смотрителя:

— Здесь лежат и католики и протестанты?

— Раньше хоронили и протестантов. Вон там, отдельно. Теперь только католиков...

На другой день мне рассказали, что недавно несколько протестантских гробов было выкопано родственниками умерших и перенесено на «свое» кладбище. И жизнь и смерть — врозь. Даже когда речь не идет о сегодняшней перестрелке или проблемах экономических, католик нередко скажет, что протестант, некий «среднеарифметический» протестант, представляется ему человеком сухим, холодным, жестоким, что отношения протестанта с богом исполнены практицизма и деловитости. Протестант же заметит, что католик работу не любит, к деньгам странно равнодушен и занят лишь, при его-то бедности, «производством детей».

Дублинский профессор Эдвард О'Доннелл провел исследование под названием «Североирландские стереотипы». Какими предстают две общины в глазах друг друга? Католики воспринимаются протестантами как «националисты», которым священники «промывают мозги», которые оутанены религиозными предрассудками и ожесточены против протестантов. Католики же считают, что протестанты захватили власть в провинции, что они «оранжисты, готовые на убийства ради этой власти». В исследовании О'Доннелла наиболее интересны серии вопросов о том, «что думают католики о том, как они выглядят в глазах протестантов», и наоборот. Так вот, протестанты предполагают, что католики считают их «лояльными британцами, оранжистами, ограниченными изуверами, врагами, которые не уступят ни дюйма». Ну а католики считают, что протестанты видят в них «нелояльных республиканцев, религиозных фанатиков, слишком ленивых, чтобы работать». Предположительные и реальные характеристики, пишет О'Доннелл, почти полностью совпадают.

В штаб-квартире протестантской организации «Вэнгард» я беседовал с Томасом Сеймуром. Спокойный, добродушный седой человек растолковывал мне, почему «меньшинство должно знать свое место».

— Ну а узнаете ли вы, скажем, на улице, — спросил я его, — кто вам идет навстречу — католик или протестант?

— А как же! — ответил он. — Шестым чувством. Я католика за милю отличу. Как черное от белого. Гарантирую 75 процентов точности. Что-то в их лицах есть безответ-

ственное и в то же время коварное. Это иждивенцы. Протестант работает, получает деньги. А католики сидят у него на шее. К тому же все они воют...

Томас Сеймур — сугубый практик, он из числа тех, кто организует протестантские «демонстрации устрашения» и террористические акции. Но вот что пишет на сей счет лондонский журнал «Обсервер мэгэзин»: «Два племени — католики и протестанты — живут врозь. Есть католические имена — Патрик Морфи и Шон Флэнаган и есть имена протестантские — Иен Форсайт и Дэвид Симмонс. Все О'Рейли — католики, все Рейли — протестанты. Разделение это столь давнее, что превратилось в явление генетическое. Люди узнают, кто перед ними — католик или протестант, по различиям в форме глаз, цвету волос, овалу лица. Если волосы каштановые — протестант, рыжие — католик. Протестант ходит степенно, католик куда-то торопится. Жители Белфаста могут, как профессор Генри Хиггинс из «Пигмалиона», по акценту определить место вашего жительства с точностью до улицы, а это позволяет узнать, к какой общине, к какому лагерю принадлежит собеседник».

В Белфасте ученые-лингвисты говорили мне, что звук «х» католики и протестанты произносят по-разному, потому что в разных, сегрегированных школах учились. У каждой стороны есть клички, которыми одна наградила другую: католики — это «мики», «фениш», протестанты — «продсы», «черные». Собака из протестантского района перешла демаркационную линию — колючая проволока, бетонные чушки, — убежала в район католический. Хозяин собаки бросился за ней с криком: «Мики... Мики...» Непростительная неосторожность. Собачья кличка породировала имя Мик, одно из самых частых в католических районах. Мики — так могли назвать пса только протестанты. И за ее хозяином началась погоня. Догнали. Избили. А собаку повесили...

Профессор-химик из университета в Белфасте, англичанин, рассказывал мне, как, приехав в Ольстер, устроил вечеринку для коллег. Когда дело шло к концу, один из гостей сказал ему не то с легкой грустью, не то с мягким укором: «Почему-то вы пригласили всего трех католиков». Профессор между тем понятия не имел, к какой из общин принадлежат его гости. Потому не имел, что был здесь чужим. А вот о Кристине Браун, католичке, студентке того же университета, я прочел: «У нее есть подруги и приятели из числа протестантов, но, как и у всякого другого

студента, у нее нет друзей, о которых она не знала бы — католики или протестанты. Религиозная принадлежность так же существенна, как пол — мужской или женский».

Любовь и пуля

Одна из главных, если не самая главная, тема оранжистских песен — это предупреждение своим же, протестантам, не перебегать в другой лагерь — к католикам. Самая ненавистная фигура для оранжистов в истории Ирландии — Роберт Ланди, протестант, губернатор Дерри, который в 1689 году попытался сдать город католическому королю вместо того, чтобы дожидаться прибытия войск протестантского короля Вильяма III. С тех пор для ольстерских протестантов «ланди» стало именем нарицательным, синонимом предателя и ренегата.

В старинной песне «Старая оранжевая флейта» рассказывается о протестанте Бобе Вильямсоне, молодом ткаче, отважном парне, игравшем на флейте на оранжистских парадах. Но Боб изменил себе и своему клану. Он женился на «папистке» — католичке Бриджит Макклин — и сам превратился в «паписта». Когда его бывшие друзья возмутились таким предательством, Боб сбежал из Ольстера вместе с женой и пожитками. Но его флейта, его старая добрая оранжевая флейта, продолжала высвистывать только протестантские песни, такие, к примеру, как «Пинк папе римскому» или «Протестантские ребята». Католический епископ постановил предать флейту сожжению. Когда языки пламени охватили ее, флейта в последний раз издала воинственную мелодию «Протестантских ребят».

Традиции вроде той, о которой идет речь в «Старой оранжевой флейте», живы до сих пор. В Белфасте, в организации под названием «Северопрладская ассоциация «смешанных» браков» мне рассказали историю Марии и Мэтью. Создатели ассоциации — социологи, журналисты, общественные деятели — пытаются не дать разбиться о жестокий ольстерский быт любовной лодке, где оказались представители двух религий.

Ей было двадцать, ему двадцать три, они работали в одной конторе, виделись друг с другом в коридорах, вели деловые разговоры по телефону. Встретились как-то на теннисной площадке, впервые заговорили на темы посторонние. Через несколько дней Мэтью пригласил Марию в

кино, потом, после сеанса, зашли в кафе. Говорили о многом, но не спросили друг друга: «Где ты родился? Кто твои родители? Где была твоя школа? Сколько у тебя братьев и сестер?» Не спросили потому, что это были бы ответы на главный вопрос: «Кто ты — католичка? Протестант?» И Мария и Мэтью хотели хотя бы ненадолго избежать такого объяснения, тем более, что Мэтью догадывался — Мария католичка, а Мария была почти уверена — Мэтью протестант. До сих пор он никогда не приглашал в кино католичку, она ни разу не сидела в баре с протестантом. Когда рука Мэтью впервые коснулась ее руки, Мария подумала: «Отец убьет меня, если узнает об этих встречах».

Отец Марии работал в страховой компании и был чуть ли не единственным католиком в офисе, мать занималась домашним хозяйством, воспитывала восьмерых детей. Родители Мэтью погибли в автокатастрофе, и его вместе с братом и сестрой взяли к себе родственники. Он жил на Ньютаунардс-роуд, в протестантском районе Белфаста. Мария окончила школу католическую, Мэтью — государственную. Каждое воскресенье он дважды бывает в церкви — утром с тетусшкой и дядей, вечером — с дедом и бабушкой. Мэтью рассказывал, что одна из его родственниц двадцать лет назад вышла замуж за католика, и все эти годы дед не разговаривает с ней.

Встречаясь, Мария и Мэтью ходили в те немногие кафе, которые считались «нейтральными», бывали они и в тех, что один вечер открыты для католиков, другой — для протестантов. Однажды отец Марии сказал дочери: «Пора бы нам с матерью узнать чуть больше об этом твоём парне. Где он живет?» Мария знала, что последует за этим. Отец долго убеждал ее, что, поддерживая отношения с Мэтью, она подвергает риску всю семью — мишенью для пули и бомбы могут стать и он, отец, и мать, и братья с сестрами. Неужто Мария, спрашивал он, не знает обо всем этом? Она должна обещать, что никогда больше не встретится с «этим протестантом». Такого обещания Мария дать не могла. Тогда отец принялся перечислять недавние случаи: одну девушку-католичку, собиравшуюся замуж за протестанта, обваляли в смоле и перьях, у другой обрили голову наголо, несколько «смешанных» пар пытали, а потом убили. Мать Марии позвала остальных семерых детей и, показывая пальцем на старшую дочь, сказала: «Глядите на нее! Ей наплевать на вас всех. Ей нужен лишь ее дружок с Ньютаунардс-роуд!» Мария понимала чувства

родителей: те прошли через все унижения, какие могут выпасть на долю католиков, и потому не могли доверять протестантам. Мэтью же был протестантом, частицей враждебного католикам мира.

Отец сказал: «Все, сегодня ты идешь на последнее свидание». Мать заплакала: «Что, на нем свет клином сошелся? Как будто нет других парней на белом свете!» В тот вечер, провожая Марию домой, Мэтью спросил, отчего сегодня она так задумчива. Мария рассказала. «Ты действительно хотела бы расстаться со мной?» — спросил Мэтью. «Нет! — ответила она. — Но я не могу, не вправе огорчать родителей. Я обещала им...» Какое-то время они виделись только в офисе, старались быть «всею лишь друзьями». Не смогли. Встречи начались снова. Но теперь Мэтью, отвозя Марию домой, останавливал машину за квартал от ее дома, теперь они выбирали совсем уж дальние кафе и бары. На один из уик-эндов, придумав какую-то легенду, Мария поехала с Мэтью в Дублин. Была весна. Они знали, что любят друг друга, и решили стать мужем и женой, но держать это до поры до времени в тайне. А дома Марию ждал скандал: кто-то видел ее на вокзале с Мэтью. Мать сквозь слезы говорила, что палочит на себя руки, отец кричал: «Ты неблагодарная эгоистка, бесовственная лгунья, ты убиваешь свою мать».

Мария сказала, что собирается замуж за Мэтью.

На другой день тетка Марии позвонила приходскому священнику отцу Молони, о чем-то долго с ним говорила, потом попросила, чтобы он приехал, есть нужда в его советах. Перед встречей со священником Мария пошла в церковь, молилась за то, чтобы всё у них с Мэтью было хорошо, чтобы отец Молони понял ее чувства. Молони пришел через несколько дней. Вначале говорил с родителями, потом с Марией. Он не выглядел ни злым, ни сердитым и сказал ей, что ничего плохого в ее дружбе с Мэтью нет, но не надо торопиться, и если они все же захотят вступить в брак, пусть обратятся к нему. Мария плакала. Молитвы помогли, говорила она себе. После визита Молони родители неожиданно успокоились. Уже потом Мария узнала, что священник убеждал их не нападать на дочь, чтобы не ускорять сближения с Мэтью, говорил, что их отношения придут к «естественному концу», изживут себя.

Родителей хватило не надолго. Когда Мария в очередной раз собиралась на встречу с Мэтью, мать сказала: «Мы с отцом не хотим, чтобы он звонил сюда, не хотим, чтобы

он ступал на наш порог». Не проходило дня, чтобы мать не говорила Марии, что та надругалась над своей католической верой, что «смешанные» браки всегда кончаются неудачей, что ее муж-протестант будет помыкать ею так же, как протестанты помыкали поколениями ольстерских католиков. Однажды она спросила, где Мария намерена венчаться, и когда та сказала, что в их приходе, мать заплакала: «Нет, только не в нашей церкви. Уезжай, уезжай отсюда куда хочешь и там окручивайся. И не надейся, что мы с отцом будем на твоей свадьбе или чем-нибудь поможем тебе». Тогда Мария решила пойти к отцу Молопи вместе с Мэтью. Священник отнесся к Мэтью как к человеку с другой планеты. Спросил, согласен ли он, чтобы его будущие дети были крещены как католики. Мэтью согласился, а с Марии было взято обещание, что именно так все и произойдет. Теперь разрешение на брак должен был дать католический епископ, без этого союз Марии и Мэтью в глазах католической церкви был бы незаконным.

Что же случилось с Марией и Мэтью? Когда я спросил об этом в «Североирландской ассоциации «смешанных» браков», мне ответили:

— Они уехали из Северной Ирландии. В брак решили вступить где-нибудь за границей...

В Ирландии — и на юге и в Ольстере — до сих пор каждый католик или католичка должны подать письменное заявление в епископат, если хотят вступить в брак с представителем другой религии. Подписавшие такую декларацию остаются в католической вере и обещают «делать все возможное для того, чтобы дети, рожденные в этом браке, были крещены и выросли в соответствии с принципами католической религии». Если священник, излагающий эти условия не католику или не католичке, почему-либо засомневается, то он может написать заключение: «Думаю, что вероятность того, что дети будут крещены и воспитаны как католики, очень и очень мала». Документ этот пересылается затем епископу, который и выносит окончательное решение. Католическая церковь официально заявляет о своем неодобрении «смешанных» браков, священники открыто говорят, что католичке «лучше выйти за алкоголика, чем за протестанта». Протестанты же считают такие браки одним из орудий «напистов» в борьбе против «протестантских преимуществ». Протестантская церковь предупреждает своих сынов и дочерей: «Возникают особые трудности, если вашими мужем и женой становятся члены католической церкви». Протестантские свя-

щенники отказываются участвовать в совместных брачных богослужениях, и каждый, кто отступает от этого правила, считается предателем. Один из видных протестантских политических деятелей, член британского парламента Филлип О'Нил был исключен из оранжистского ордена, когда стало известно, что двумя годами раньше он всего лишь присутствовал на богослужении в католической церкви.

«Смешанных» пар в Ольстере всегда было ничтожно мало. С началом же кризиса их стало еще меньше. Известен случай, когда протестантка, выйдя замуж за католика, через 12 часов после венчания стала вдовой. Ее мужа кастрировали, а потом убили выстрелом в затылок. «Смешанные» семьи экстремисты изгоняли из обеих общин. В дом одной из таких семей, когда она жила на Шенкл-роуд, в протестантском районе, была брошена бомба, когда же эта семья переехала на католическую Фоллс-роуд, ее квартиру обстреливали из автоматов. Я бывал в семье Маккартэнов. 70-летняя Алиса Маккартэн одного за другим похоронила пятерых своих сыновей и внуков. Все пятеро были убиты террористами. Алиса так и не оправилась после смерти последнего сына, умерла от сердечного приступа. Семья Маккартэнов была «смешанной» — в ней были католики и протестанты. Потому она и оказалась на перекрестье огня, потому ее методически истребляли.

Ультраправые

Отправив в Ольстер войска, в Лондоне сочли, что армейский террор деморализует гетто, католики примут куцые реформы, а протестанты согласятся на некоторые уступки. Стратегия эта не сработала. Сопротивление католиков усилилось десятикратно, юнионистские же правительства, сменяясь одно за другим и раз от раза правая, были не в состоянии контролировать ход событий, и в марте 1972 года Вестминстер ввел в Северной Ирландии продолжающееся до сих пор «прямое управление» из Лондона. Стормонт был распуцен.

Приняв это решение, Лондон заявил, что «спас Ольстер от гражданской войны». Что же произошло на самом деле? И без того стремительно развивающийся процесс поляризации политических сил получил новый импульс. Протестантский лагерь, прежде относительно единый в своей «лояльности» к Англии и ненависти к католикам,



раскололся. Ненависти прибавилось, «лояльности» поубавилось. Рядовые протестанты считали, что их политики дискредитировали себя неумением умиротворять католиков, отстаивая интересы протестантского Ольстера перед метрополитом, лишившей их собственного парламента. Католики же требовали демократических реформ, возводили баррикады вокруг гетто, защищаясь от протестантских банд и английских солдат. Наступала эпоха выхода на арену полувоенных группировок. Британская армия и экстремисты обоих лагерей — вот с тех пор главные действующие лица кризиса.

Но экстремисты не просто заполняли созданный англичанами политический вакуум, они принялись энергично выталкивать с прежних позиций традиционных политических лидеров. Из тех политиков, которые стояли у начала кризиса, дольше других был в центре событий Уильям Крейг. Он обвинял в бездеятельности своих прежних соседей по парламентской скамье, коллег по правительству, заявлял, что «готов убивать католиков сам, собственными руками».

Делалось это для того, чтобы не упустить контроль над рядовыми протестантами. Именно Крейг пытался сколотить союз ультраправых организаций — движение «Вэнгард», толчком к оформлению которого стало решение тогдашнего английского наместника в Ольстере У. Уайтлоу интернировать двух протестантов, бросивших гранату в автобус с католиками, — до тех пор англичане протестантов не трогали, хотя сотни католиков уже сидели в лагерях и тюрьмах. В ответ на это Крейг и его сподвижники призывали к забастовке. Остановились заводы, прекратилась подача газа и электроэнергии, закрылись школы, начались погромы католических кварталов.

С Крейгом я встретился за день до этой стачки. Мой собеседник был строг, подчеркнуто сдержан, обошлось без дискуссии о погоде, хозяина не интересовали также и мои впечатления о Белфасте. «Демократия», «убивать», «противозачаточные средства» — вот слова, которые чаще других повторял Крейг.

— Церковь не разрешает католикам пользоваться противозачаточными средствами, — говорил он, — и это для них одна из главных проблем. Они сами благодаря своей многодетности исключили себя из современного, построенного на конкуренции общества. Лондон умиротворяет католиков-террористов, он может изменить конституцию Ольстера без консультации с большинством населения про-

винции. Мы будем сопротивляться! Воля парода победит.

— Мистер Крейг, известны ваши заявления: «Мы будем стрелять и убивать, не щадя никого, но добьемся защиты своих интересов... Мы убьем еще тысячу католиков». Газеты называют вас «сильным человеком Ольстера»...

— Я всегда говорю то, что думаю, и потому люди верят мне,— сказал Крейг.— Другие политики игнорируют проблемы демократии, а я без всякой двусмысленности заявлял и заявляю: если хочешь бороться за демократию, надо убивать, надо стрелять! Многие в Ольстере хотят, чтобы я создал политическую партию. Что ж, при определенных условиях я ее организую.

Партию Уильям Крейг так и не создал. Не дали. Протестантские ультра, которые не только говорили о протестантском «праве» убивать католиков, но и реализовали его на деле, считали, что в нынешней ситуации они могут обойтись без лидерства бывшего министра.

— Такие политиканы, как Крейг, раньше вертели нами как хотели,— говорил мне Хью Смит — лидер «политического» крыла известной убийствами католиков организации «Силы волонтеров Ольстера». — Теперь мы вертим ими! Лондону мы не доверяем. На Ольстер англичане всегда смотрели как на колонию. С этим пора кончать...

В экстремистской табели о рангах «Волонтеры» идут вслед за «Ассоциацией обороны Ольстера», у которой единый с «Волонтерами» военный совет. В этом альянсе «Волонтерам» отводится роль ударной силы, «исполнителей приговоров возмездия». «Ассоциация обороны Ольстера» — организация легальная, «Силы волонтеров Ольстера» запрещена после серии убийств, взрывов, поджогов. Запрет этот впрочем не распространяется на ее «политическое» крыло, хотя, где кончается это крыло и начинаются когти подпольных гангстеров, никому неизвестно.

Невысокий человек в малиновом пиджаке и голубых штанах, фатоватые бачки на худом, нервном лице, полублатной чубчик. Таким я увидел Хью Смита. В бар отеля «Европа» на встречу со мной Смит пришел в сопровождении телохранителя. «Без охраны теперь нельзя. Знаете, раз — и готово!» Сказал и прищелкнул пальцами. Охранник согласно кивнул головой и положил на стул ноги в ботинках 52-го размера.

— Нас десять тысяч, все проходят военную подготовку,— начал Смит рассказ о «Волонтерах». — Инструкторы — бывшие солдаты английской армии. Знаем, как обращаться с оружием посложнее, чем автомат.

- Ваши люди убивают католиков?
- Бывало... Во время операций.
- Против кого устраивались операции?
- Враг всюду...

Модель будущего Ольстера Смит видел в сохранении власти протестантского большинства, католикам же если что и перепадет, то только в том случае, «если будут смирными». Однако утвердить старые порядки экстремисты хотели бы на новых основаниях. В одном из их воззваний говорится: «Мы недовольны тем, что Британия ограничивает экономические права Ольстера, его финансовую свободу, сдерживает нашу инициативу, вывозит природные богатства. Прежде чем заново присягнуть на верность королевству, мы должны быть уверены, что Англия займется индустриализацией Ольстера, решит жилищную проблему». В издающейся «Ассоциацией обороны Ольстера» газете под названием «Схватка» я прочел: «В Ольстере, Шотландии, Уэльсе проживают самостоятельные нации, но это не свободные нации. Они не контролируют ни свои внутренние дела, ни природные ресурсы, ни безопасность. Этот контроль в руках английских политиков. Англичане считают, что жители Ольстера слишком узколобы, что они под религиозным прессом, и потому им не справиться с управлением провинцией. Мы требуем права управлять своими делами, вернуть нам «украденный» у нас парламент. Но это вовсе не значит, что мы выступаем против британской Короны. Нет, мы уверены, что Корона принадлежит всем, а не только англичанам, что она символ всей Британии».

О католиках, об их праве на свободу в декларации этой — ни слова...

Стараясь освободиться от жесткой опеки, от контроля прежних политиков, ультраправые учились использовать их приемы политической борьбы. Опыт той, первой, проведенной под лидерством Крейга забастовки не пропал даром. Теперь уже без Крейга, но с куда большим размахом ультра сами провели стачку, чтобы сорвать подписанное в 1973 году в английском городе Санингдейл соглашение между представителями Англии, Ирландии и Ольстера — полууступку движению за гражданские права, полумеру, не претендующую на разрешение кризиса. Санингдейлское соглашение позволило представителям католиков занять несколько далеко не самых главных министерских постов в пришедшей на смену Стормонту Североирландской ассамблее, законодательном органе с прерогативами

крайне незначительными. Но вместе с протестантами в ассамблею были избраны представители католиков, и потому ультра потребовали ее разгона и новых выборов: «В стране, где большинство составляют протестанты, и парламент должен быть протестантским!»

О баррикады экстремистов разбился тогда весь и без того полусадный уклад жизни Ольстера. Я видел, как «Ассоциация обороны Ольстера» и другие банды выставили свои посты у заводов, офисов, магазинов. Штурмовики в униформе сопровождали цистерны с бензином к тем немногим заправокным станциям, которым они разрешили работать. Днем в городе было пусто, закрылись магазины, кинотеатры, рестораны, пивные, а ночью темно — электростанции бездействовали. Не хватало продовольствия и топлива, не работало большинство школ. Штурмовики из «Ассоциации обороны» гнали рабочих с заводов, угрожая расправами над их детьми и женами. Появившись на верфи «Харланд энд Волф», они предупредили: будут сожжены дома и автомобили всех, кто вздумает явиться на работу.

Ассамблея была распущена, «прямое управление» из Лондона продолжалось...

«Смерть католикам!»

Парад штурмовиков в Белфасте. Идут, отбивая шаг, колонны людей в одинаковой полувоенной форме. Темные очки, капюшоны с прорезями для глаз скрывают лица. Грохочут барабаны, визжат флейты, тысячи глоток скандируют лозунги: «Отстоим протестантский Ольстер!», «Смерть католикам!» Психическая атака, штурмовики вышли на парад устрашения. Ночью эти, в полувоенном, возьмутся за оружие, начнутся взрывы, автоматная пальба.

Террор «Ассоциации обороны Ольстера» и прочих банд — тотальный, убивают за саму принадлежность к чужой общине. В издаваемом «Ассоциацией» «Бюллетене АОО» было опубликовано письмо безымянной «протестантской женщины». «У меня нет жалости ни к кому из католиков, — писала она, — ни к мужчинам, ни к женщинам, ни к детям. Я пришла к выводу — или мы, или они. Но вот что я, черт возьми, хотела бы знать: куда это подевались мужчины нашей, протестантской общины? Есть ли у них гордость? Не тонка ли у них спинка? Почему не отвечают они этим ублюдкам? Я имею в виду безжалостную, никого не щадящую расправу». Редакция «Бюллетеня

АОО» прокомментировала письмо так: «Несомненно, большинство протестантов думают точно так же. Мы думаем точно так же». Едва успев прозвучать, призыв «протестантской женщины» был услышан — в графстве Тирони убили Питера и Дженни Маккерни. Дженни застрелили из автомата, когда она открывала входную дверь, мужа очередь достала на кухне.

Батальон «Сил волонтеров Ольстера» объявил это убийство началом кампании «Невинные католики должны умирать». Заметьте — «невинные»!

Автомобиль стал для штурмовиков и не роскошью, и не средством передвижения, а чем-то вроде махновской пролетки с пулеметами. Впрочем Белфаст — не Гуляйполе, здесь в ходу другие сравнения. Мне была непонятна постоянно встречающаяся в газетах формула — налет в «чикагском стиле». Объяснили — это когда в католический район на полном ходу врываются впритык друг к другу четыре автомобиля, в каждом — по три человека с автоматами. Строчат по людям, по окнам, по машинам. «Чикагский стиль», однако, не исчерпывает возможностей автомобилей в уличных нападениях, он дополняется методом «три и четыре» — три автомобиля с четырьмя седоками. Эти уже ведут прицельную стрельбу по людям. Визжа тормозами, такой караван останавливается, люди в масках выскакивают на мостовую, выхватывают кого-то из прохожих, увозят. Потом его найдут где-нибудь в развалинах или за городом. «Одной из жертв этого метода,— писала «Дейли экспресс»,— стал четырнадцатилетний Филлип Рэффerti, страдающий астмой мальчик из католического района Андерсонстаун». Зачем им понадобился «четырнадцатилетний, страдающий астмой»? Чтобы боялись другие, вполне здоровые, без астмы...

Трое молодых протестантов — Рид, Маккалог и Смит пытались убить Джозефа Халла, их сверстника, католика. Ни один из них Халла не знал. Тот выжил, но ноги его парализованы, передвигается в коляске. На суде нападавшие кричали: «Мы не сдадимся! Борьба продолжается!» На теле католика Томаса Мэддена следователи насчитали 150 ножевых ран. Это не были обыкновенные раны — Мэддена не собирались заколоть. Его повесили. Но перед тем с него кусками обрезали тело. «Убийцы действовали по-жом так,— писали газеты,— как скульптор высекает фигуру из глыбы камня».

Уильям Мур ежевечерне выходил со своей шайкой на охоту.

— Католик? — спросили Джерарда Маклеверти.

— Католик, — ответил тот.

— Католиков мы не любим, — услышал Маклеверти и получил удар палкой по голове.

Маклеверти убивали медленно, несколько часов кряду. Били погами, дубинками, рвали волосы. А один, которого коллеги звали «жирный Сэм», всадил в тело Джерарда плотницкий гвоздь. Умаялись. Сделали перерыв. Снова принялись бить. Потом выволокли на улицу, куда-то повезли. Жирный Сэм достал нож и перерезал на руках Маклеверти вены. Джерарду было уготовано стать двадцатой жертвой банды Уильяма Мура. Но он выжил и через несколько недель в белфастской толпе узнал приметную фигуру Сэма. Банду арестовали. На суде демонстрировали вещественные доказательства: нож для разделки туш, тесак для рубки костей... Мур приносил их из лавки, где работал мясником. Был у банды свой почерк: у всех погибших горло перерезано от уха до уха. Мясники получили вкуче 1886 лет тюрьмы, Сэму дали 104 года. Юридическая казуистика. В том же вердикте сказано, что убийца проведет в тюрьме «по крайней мере 20 лет».

Ну а Джерарду Маклеверти пришлось сменить имя и уехать в Австралию.

Кто они, эти убийцы? «Я убил шесть человек, — рассказывает не назвавший репортерам своего имени боевик из «Сил волонтеров Ольстера», — стрелял в седьмого, но не знаю, остался тот жив или нет. Если да, то, значит, я допустил серьезный просчет. Ибо моя задача — убивать людей быстро и по возможности бесшумно. Хорошо помню свое первое дело два года назад. Было пять часов дня, крупные фирмы в Белфасте закончили работу. Среди тысяч людей, спешивших в это время домой, находился человек, которого необходимо было убрать. Ничего не подозревавший мужчина подходил все ближе. Я поднял автомат. Одного выстрела оказалось достаточно. Мгновение у него было удивленное лицо. Потом он упал на панель.

В нашей организации, а она нелегально связана с армейскими кругами, нельзя задавать никаких вопросов. И все же я вскоре узнал очень многое о «Силах волонтеров Ольстера». По всей Северной Ирландии нас насчитывается около пяти тысяч, в Белфасте — два батальона. Батальоны делятся на взводы, в каждом из которых до сорока человек: специалисты по нападениям на банки, по угонам автомашин, по взрывам, по убийствам. Если кто-либо из нас начнет болтать, он без разговоров будет расстрелян

нашими же людьми. Как-то раз я пришел в «центр», чтобы получить очередное задание. Там я узнал, что человек, вместе с которым я должен был совершить нападение, не придет — ему прострелили коленные чашечки только за то, что несколько раз видел вместе с католиком. Постепенно мне стало ясно: все, что мы делаем, — безумие. Безумие, переживаемое моей страной, делает и людей безумными. Но самое странное в том, что я не могу так просто бросить свое «дело». Я должен продолжать убивать по приказу. В списке кандидатов в покойники только в Белфасте — 450 имен. Если я теперь попробую уйти или начну под каким-либо предлогом уваливать, меня схватит «служба безопасности» нашей организации и убьет. Я не знаю, что мне делать...»

Боевик рассказал о делах для Ольстера обычных. В «Ассоциации обороны Ольстера» истязали протестанта Джорджа Вильсона. Раздели догола, веревками привязали к кровати, стали тушить о его лоб сигареты, резать бритвами, вырвали ногти, выбили зубы. Потом Вильсона затолкали в автомобиль, повезли к реке возле Мервей-стрит. Там его стегали кнутом, стреляли по нему, как по мишеням... Появилась полиция, бандиты бежали. Почему пытали Вильсона? Потом он вспомнил, что как-то говорил одному из будущих истязателей, что «видел его в баре отеля, принадлежащего католику». Тот, кому это было сказано, знал, что мог оказаться на месте Вильсона.

Родерик Гриффитс и Роберт Маккрейт были в одном батальоне «Волонтеров». Все знали, что Родерик и Роберт — друзья. Вдруг о Роберте Маккрейте заговорили, что он «слишком много болтает» и что если ему прострелить коленную чашечку, то он пожалуется в полицию. И Маккрейта решено было убить. Расстреляли его на пустыре в Каррикфергесе.

Отвел Роберта на казнь и приговор привел в исполнение его друг Родерик Гриффитс.

Прострел коленной чашечки, «пикапшг», — наказание ритуальное, его выносят за предательство, непослушание и прочие грехи. Приговоренного распластывают на земле или ставят к стене. Исполнитель приговора стреляет в упор или тащит за собой шнур электродрели — сейчас просверлит колено насквозь. Затем жертве дают два пенса — позвонить по телефону-автомату в «Скорую помощь» — и бросают истекать кровью. Ведется статистика «пикапшга» — экзекуции этой подвергнуты тысячи.

Постепенно с формулой «прострел коленной чашеч-

ки» произошла метаморфоза. Стали говорить: прострел коленной чашечки в живот, в легкие, спину. Ну а если в голову — «шканнинг ин зе хэд», — значит, речь идет об убийстве. И еще об одном новом слове в лексиконе протестантских интурмовиков — «ромнеринг». Произошло оно от названия телепередачи «Ромнер рум», где детям рассказывают сказки. «Ромнеринг» — вид самостоятельного следствия, дознания под пытками. И из своих и из чужих — католиков — выбивают информацию, заставляют признаваться и в том, в чем был и в чем не был виноват. «Совершенно очевидно, — говорится в книге М. Диллона и Д. Лехана «Политическое убийство», — что протестантские организации тщательно изучали материалы официальных расследований пыток, применяемых британской армией и полицией к заключенным ольстерских тюрем. Технология этих пыток была протестантами использована и усовершенствована — в госпитали не раз попадали пациенты с ожогами, которые, как со временем стало ясно, оказались следами от электродов».

В уже цитировавшемся рассказе боевика из «Сил волонтеров Ольстера» есть строчки: «Одному из моих друзей в помещении руководства нашей организации раздробили кости обеих ног только за то, что он после одного из налетов оставил себе несколько сигарет из захваченной добычи. Наказание должно было послужить устрашающим примером. Финансирование нашей организации производится путем ограбления банков. Я стал замечать, что наши вожаки, боровшиеся якобы за то, чтобы нам стало «немножко легче жить», начали разыгрывать из себя изысканных господ. Они разъезжали на шикарных лимузинах, перебрались из затрапезных квартир в великолепные особняки. И вы знаете, откуда они взяли на это деньги? Из кассы нашей организации! Я все время видел перед собой всех тех, кого я застрелил. Ради чего все это? Чтобы несколько типов могли вести беззаботную жизнь?»

Для того, чтобы содержать свой штат, чтобы выпускать газеты и листовки, чтобы устраивать слеты и собрания, лидерам ультра нужны немалые деньги. Они нужны им и для собственного обогащения. И ультра собирают дань — с кого-то по десяти фунтов в месяц, а с кого-то — по тысяче. В Белфасте «Ассоциации обороны Ольстера» платит каждый домовладелец, каждый лавочник, бармен, даже каждый пенсионер. Ультра бесплатно заправляют свои машины на бензоколонках, бесплатно пьют

в кафе и барах. Пооткрывались пивде не зарегистрированные клубы с подачей краденых горячительных напитков, доход от продажи которых идет в кассы ультраправых.

— Ни я, ни кто другой не хотели бы платить деньги парням из «Ассоциации обороны», — говорил мне владелец одного из магазинов. — Но платим. Приходит их человек и говорит: «Не желали бы вы внести взнос в фонд помощи «Ассоциации» на социальные пужды?» Если я скажу «нет», мой дом обстреляют, а в магазине разобьют окна. И это будет только начало... Когда хозяин соседней пивной отказался платить в такой «фонд», его машину прошили очередью из автомата. Когда отказался во второй раз, в его пивную бросили гранату. Когда он отказался в третий — пивную сожгли.

«Лидеры «Ассоциации обороны Ольстера», — пишут М. Диллон и Д. Лехан, — не хотят возвращения к прежним временам. Они заинтересованы в кризисе и беззаконии. Если мир когда-либо вернется в Ольстер, то для большинства из них кончится «сладкая жизнь» — не будет выпивки, женщин, бесконтрольных денежных поступлений. Кризис и «Ассоциация обороны» сделали из этих людей «аристократов» в своих рабочих районах. Люди боятся и выполняют их приказы под страхом наказания».

В продолжении кризиса заинтересованы и ольстерские ультра, и лондонские политики. Здесь их интересы смыкаются.

Ультра и армия

Судили убийц Джона Тернли, известного общественного деятеля. Его застрелили на глазах у жены и детей боевики из «Ассоциации обороны Ольстера». Один из подсудимых, Р. Макконнел, признался, что в течение нескольких месяцев, предшествовавших убийству, работал на «специальную авиадесантную службу» — британские командос — ударные разведывательные части армии. «Меня снабдили оружием, снаряжением для сбора информации», — говорил он.

Из этого оружия Макконнел и стрелял по Тернли.

За годы кризиса не раз подтверждалась связь протестантских экстремистов с британской армией. Еще в начале 70-х годов в своем первом манифесте «Ассоциация обороны» предупреждала штурмовиков: «У нас не дол-

жно быть никаких столкновений с армией и полицией, мы должны вести «тотальную войну» против католиков». И тогда же лондонский наместник в Северной Ирландии Уайтлоу обещал, что не станет требовать сдачи протестантами огнестрельного оружия — 100 тысяч только официально зарегистрированных единиц. Правительство, успокоил он, не собирается «лишать людей права на самозащиту». А в это время солдаты обшаривали католические районы — искали оружие. «Ассоциация обороны» принялась, и крайне успешно, вербовать своих сторонников в метрополии. Появились тренировочные лагеря в Глазго, Ливерпуле, Блэкберне, Престоне, где новобранцев обучали стрельбе, тактике уличных схваток, производству бомб и мин. Кто обучал? Чаще всего бывшие солдаты и офицеры британской армии.

Ультраправые со все большей настойчивостью требовали от военных решительных действий против католиков. После «Кровавого воскресенья» они говорили по телевидению, что «этот день следовало бы назвать иначе — «прекрасным воскресеньем» и что единственное, о чем они сожалеют, так это «о недостаточном числе убитых». Террор армии против католических гетто развязал руки ультра. «Ассоциация обороны» начала свои акции, когда английская армия принялась арестовывать католиков «по подозрению», бросать их в тюрьмы и лагеря без суда и следствия.

В самые первые годы кризиса протестантские штурмовики еще поддерживали кое-какие контакты с полувоенными организациями католиков, еще посылали к ним своих «парламентеров», еще делали вид, что хотели бы разделить с ними «сферы влияния». Между британскими чиновниками в Ольстере, представителями протестантской общины и лидерами «временной» ИРА состоялись тайные переговоры. Дискутировалась проблема отвода английских войск в баракки, снятие патрулирования, прекращение облав и обысков. Протестантам англичане пообещали, что солдаты будут в казармах, но останутся в Ольстере, католикам же было сказано, что армию совсем выведут из Северной Ирландии. Когда о двойной игре англичан стало известно, переговоры были сорваны. Никакого сближения общины Лондон допустить не мог, он разделял их, чтобы властвовать над обеими.

Армия всегда стремилась контролировать, направлять акции ультраправых. На протяжении нескольких лет в состав командования «Ассоциации обороны» в Дерри вхо-

дил офицер английской военной разведки, передававший штурмовикам информацию о католиках, поставивший им сделанные армейской разведкой копии аэрофотоснимков районов Северной Ирландии, списки лиц, подозреваемых в принадлежности к «временной» ИРА. Не раз в английской и ирландской прессе сообщалось о взаимонепонимании ультраправых организаций и «Полка обороны Ольстера» — военной части, где служат протестанты Северной Ирландии и которая входит в состав английской армии.

Поддержка Лондоном, тайная, а нередко и явная, ультраправых — британская стратегия, ставка на возрождение прежнего лоялизма рядового протестанта. Однако патрулирующий белфастские улицы английский солдат в возрождение такого лоялизма не очень-то верит, он знает, сколь различны позиции католиков и протестантов, но те и другие для него прежде всего ирландцы. Рассказывают, что Форд, один из британских генералов в Северной Ирландии, спросил некоего солдата: «Стали бы вы стрелять по протестантам?» Тот ответил: «Постольку, поскольку они ирландцы, сэр».

Джонсборо — деревня на юге графства Арма. Протестантская церковь. Викарий Маурис Ноэль: «Когда я попробовал открыть церковную дверь, она не поддавалась — кто-то закрыл ее изнутри. Один из моих прихожан ухитрился подставить лестницу и залезть в здание через окно. Он нашел там семерых английских солдат, сидящих на полу. Когда я зашел в церковь, у меня сжалось сердце — здесь все было загажено, все было вверх дном. Всюду валялись окурки, солдатская амуниция была развешана по скамьям. А на стол в ризнице был водружен фаянсовый горшок. Он был полон мочи».

И в протестантском районе Белфаста Шенкл-роуд, и в католическом городке Кроссмаглен, как рассказывает уже известный нам капитан Кларк, солдаты стреляли по ирландцам. И потому те, кто создавал стереотип — британские войска наводят порядок среди католиков, но нашли общий язык с другой общиной, — вряд ли обрадуются такому описанию атаки на протестантский район: «Шенкл-роуд, четыре часа холодного апрельского утра. Улицы пустынные. Но тени скользят от двери к двери. Кругом тишина. Потом команда: «Вперед!» Внезапно тридцать дверей распахиваются под ударами наших сапог. Более ста человек стянуты с кроватей. Крики, визг, стоны взорвали утреннюю тишину. «Грязные английские свиньи!

Подлецы, звери! У меня большое сердце, а у нее эпилепсия!» Ругаются здесь всегда одинаково. Сейчас эта ругань отскакивает от меня как от стенки горох. Я думаю только о деле. С крыш летят бутылки, разбиваются об асфальт. Мы прячемся за угол, увертываясь от летящих камней и осколков стекол. «Дай сюда винтовку!» Потом после паузы: «Ладно, всади-ка этому гаду!» Выстрел, и резиновая пуля бьет подростка в пах».

И что еще более важно, Кларк не мудрствуя лукаво раскрывает политическую механику отношений армии с протестантами. «Нам не разрешено трогать штаб-квартиру «Ассоциации обороны Ольстера», а то мы с удовольствием разгромили бы ее, — говорит он. — С вертолета, — продолжает он, — нам указали дома, где спрятаны раненые. Мы подсчитали — подстрелено пять. Если мы не обнаружим их, не подтвердим этот счет, то, значит, вся операция была напрасной. Как и на всякой войне, если число убитых не будет подтверждено, противник будет отрицать, что понес какие-либо потери. В конце концов это сводится к набору очков в политике. Не признавшись, что в результате инцидента были убиты, протестанты могут продолжать втолковывать католикам: «Между нами и армией возможны небольшие столкновения, но армия на нашей стороне. Видите — никаких потерь нет».

Плата за страх

Ошеломляет... Хотя пора бы и привыкнуть к таким новостям. Раскрываешь газету, видишь знакомое лицо, потом глаза бегут к заголовку, и вдруг узнаешь, что «найден труп убитого шестью выстрелами в упор» Томми Херрона, одного из лидеров «Ассоциации обороны Ольстера». Скачок от Херрона, о котором ты только что думал как о живом, к Херрону мертвому...

Всего лишь два месяца назад стоял я перед штаб-квартирой ольстерских итурмовиков. Вход в нее зажат между двух мясных лавок, по обеим сторонам двери — зеркальные витрины с окороками и тушами. Откуда они берутся, эти ольстерские символы? Уильям Мур, тот, что убивал католиков ножами для разделки туш, узнал я потом, был вот из этой лавки слева.

Накануне я позвонил итурмовикам: «Журналист... Было бы интересно узнать вашу позицию». Посовеща-

лись, сказали: «О'кей», назначили время. Их здесь двое, в приемной вице-председателя «Ассоциации обороны Ольстера» Томми Херрона. Телохранители, дежурные, секретари? Рукава курток закатаны до локтей, на руках живого места нет от наколок. Геральдика протестантизма — щиты, мечи, копья. Я искал женское имя или хотя бы сердце, пронзенное стрелой. Ни имени, ни сердца, надпись: «Ольстер и бог». Над камнем олеография — рыцарь на белом коне и кто-то распростертый у самых копыт.

— Это мы, протестанты,— объяснили мне,— потоптали тогда католиков. До сих пор помнят...

Рыцарем был тот самый принц Оранский, что выиграл битву с католиками на реке Бойн в 1690 году. Сюжет, вдохновляющий с тех пор многие поколения протестантов.

Ввели к Херрону. Усталый красноглазый человек в скрипящей кожаной куртке. Быстрые, суетливые жесты, худощавое лицо, светлый кок под Элвиса Пресли. И что-то затравленное в глазах... За его спиной рукописный, в потеках розовой туши плакат — перечисляются плацдармы будущей войны: «Партизанские операции — организация повстанческих групп, подпольное движение на занятой врагом территории — в католических районах. Подрывные операции — внедрение, саботаж, создание пятой колонны. Разведывательные операции — сбор и использование информации для внутренних целей. Идеологические операции — проведение тайной пропагандистской работы...»

— «Ассоциация обороны»,— говорил мне Херрон,— организация, базирующаяся на протестантском рабочем классе. Нас сорок тысяч, наша цель — сохранить Северную Ирландию, мы присягнули на верность Ольстеру. Каждый член АОО борется и отдает жизнь за Северную Ирландию. Нынешняя политическая ситуация катастрофична. Но есть еще умные люди в Ольстере, и они знают, чего хотят. Нет, я имею в виду не юнионистских политиков. Политики бездействуют. А им бы давно надо идти к народу... Англичане, британская армия? Они на поводу у ИРА. Все католики — террористы!

Претензии Херрона к армии — это недовольство партнером. И у ультра и у армии мишень одна — католики, и Херрон хотел бы, чтобы солдаты усмирили их с еще большим рвением. Херрона сгубила непоследовательность — то призывал к расправам, то выступал за некий компро-

мисс. Добиваясь полной, диктаторской власти в «Ассоциации обороны», он сделал ставку на то, что ему удастся самому, за спиной армии договориться о перемирии с католическими боевиками. «Убийства католиков только за то, что те католики, надо прекратить,— заявил он.— Гнев ЛОО обрушится на всех, кто нарушит приказ». Примерно в то же время лидеры «Ольстерских волонтеров» устроили в одной из пивных пресс-конференцию. Пришли, чтобы не узнали, в масках, в черных очках. Надо кончать с незапланированными убийствами, заявили они, нужен порядок. «Бывает так,— сказал обладатель черных очков,— дают парню сто фунтов стерлингов, пистолет и адрес жертвы. При этом напутствуют: «Ты делаешь доброе дело для Ольстера». За многими убийствами, говорилось на пресс-конференции, стоят «невидимки с большими деньгами, они-то и хотят накалить атмосферу добела».

Запрет Томми Херрона на убийства, однако, оставался в силе недолго — пришлось отказаться ради компромисса с другими лидерами «Ассоциации». Протестантский Белфаст был поделен, Херрон получил половину, а его и без того редкие встречи с представителями католиков прекратились вовсе. Но отступничества, призыва прекратить убийства Херрону не простили. На него началась охота.

Сидя перед Херроном, я еще не знал о тайных схватках внутри лагеря ультраправых. Лишь через несколько недель стало известно, что Томми в это время ни на минуту не расставался с пистолетом, что всюду его сопровождали телохранители, что, когда дома семья Херронов смотрела телевизор или ужинала, в углу комнаты сидел человек с винтовкой на коленях. И все же его убили. Свой убил, протестант. Мне рассказывали, что решение ликвидировать Херрона было принято разведывательными службами английской армии. На роль исполнителя мокрого дела нашли Тревора Брауна, поставщика информации для военных, когда-то жестоко избитого по приказу Херрона. Томми взяли в одной из пивных восточного Белфаста, втащили в машину, вывезли за город и расстреляли.

Дележка власти в протестантских районах, утверждение права командовать «батальонами» штурмовиков стоила крови и жизней многим ее главарям. Были ранены высшие чины «Ассоциации обороны» Джеймс Андерсон и Билл Халл, убит Эрнн Эллиот, один из «идеологов» «Ассоциации обороны». Портрет Эллиота висел на стене

за креслом Чарльза Хардинга Смита, когда в того разряжали обоим. Место Смита занял Томми Херрон. Потом портрет Херрона висел на стене над креслом его преемника — Сэмми Смита.

С Сэмми Смитом мы встретились в номере отеля «Ройял-авеню». Сидели, говорили, пили пиво, Смит толковал мне о «протестантском Ольстере для протестантов», его семилетняя дочь изучала этикетку на шоколадке московской фабрики «Красный Октябрь». Смит был полноват, мягкий живот смиренно лежал на коленях, металлом светилась седина на висках. И жесткая складка рта, глубокий зигзаг морщины на лбу...

Смит сказал тогда о Херроне: «Не сорпентировался... Действовал перешителю». И продолжал: «Сейчас самое важное — защитить протестантский Ольстер. Если будет гражданская война, то погибнет всего пять — десять тысяч человек, а это не решит проблему. Лет эдак через двадцать пять все начнется по-старому. Войну надо вести до конца. Кто-то должен победить: или католики, добившиеся объединения Ирландии, или мы — протестанты. Оставшихся в живых надо или изгнать, или убить. Пленных брать не надо. Дело, конечно, жестокое. Но ведь и к жестокостям привыкаешь. Раньше я ужаснулся бы, скажи мне кто-нибудь: «Бомба разорвала человека». А сейчас только подумаешь: «Э, черт, надо же...»

Нет теперь Смита. Его застрелили свои же, те, кого здесь именуют «разочарованной, нетерпеливой молодежью». Старая гвардия, считают они, остановилась на полуслове в защите протестантских «преимуществ», надо эту речь докричать до конца, хотя бы на языке автоматов. Смицу пришлось уйти из дома — на него покушались, он открыто обвинил в этом одну из протестантских банд. Некогда могучий вождь многотысячной армии штурмовиков, спасаясь от пули, ночевал то здесь, то там. В последние недели перед смертью Смит получил шесть угроз расправиться с ним...

Смертный приговор Смит подписал себе сам. Ровно за неделю до смерти он напечатал в газете «Санди ньюс» статью, где говорил: «Та болезнь, какую переживает сейчас Ольстер, не имеет ничего общего с протестантизмом, католицизмом, ирландским национализмом. Это болезнь экономическая, с ее безработицей, уровень которой самый высокий в Британии. Жертвой в этой ситуации является рабочий класс обеих общин». Полувоенным группировкам обеих лагерей, писал он, следовало бы столкнуться

насчет будущности Ольстера. Речь шла только об экстремистских организациях, иных Смит в компанию не звал.

Опубликовав свою статью, он ждал реакции на нее. И она последовала. Уже в следующем номере того же еженедельника я читал о похоронах Сэмми Смита. Расправились с ним вполне ординарно, как с сотнями других. Убивали Смита на кухне его старшей дочери. Вломилась в дом, он сопротивлялся. В него стреляли, чуть ли не представив пистолет к груди. Ранены были его сын и младшая дочь. Та самая, с шоколадкой...

Херрон и Смит были первыми обоснователями благотворности террора. Он их и захлестнул. В том самом интервью, где Смит заметил: «Пленных не брать», — я спросил о его отношении к организации «Ольстерские борцы за свободу», самым, пожалуй, отчаянным головорезам в протестантском лагере.

— Мы признаем их взгляды как законные, — ответил Смит. — Мы не хотим читать им мораль. Они немало страдали...

Именно «борцы за свободу» его и убили.

Прошло время, и Энди Тирн, один из тех, кто сменил Херрона и Смита за штурвалом «Ассоциации обороны Ольстера», так ответил на вопрос журнала «Марксизм тудей»: «Каковы ваши отношения с «Ольстерскими борцами за свободу»?»:

— Эта организация считает, что решить ольстерскую проблему можно лишь военным путем. Они используют бомбы и пули против активных республиканцев. «Ассоциация обороны» никогда не возражала против таких действий. Мы не намерены осуждать эти действия...

— «Ассоциация обороны» — это плата за страх, — говорил мне Джеймс Стюарт, Генеральный секретарь Компартии Ирландии. — Это та цена, которую Лондон и его друзья в Ольстере платят за то, чтобы не допустить объединения рабочего класса — и католиков и протестантов.

Лондон мирится с террором «Ассоциации», он не запретил ее, несмотря на то что на счету АОО множество преступлений. АОО нужна Англии, чтобы подавить движение за гражданские права, держать в страхе аптньюппстов, контролировать протестантский рабочий класс. Двойственна, противоречива психология протестантского рабочего. С одной стороны, он, как его отец и дед, воспитан в презрении к католикам, гордится перед ними своими «пре-

имущества», с другой — жизнь все более жестко подталкивает его к осознанию того, что хозяева, буржуазия — его классовые враги. Безработица, дороговизна, жилищный кризис — не привилегия католических гетто, они не обходят стороной и районы протестантские.

«Ассоциацию обороны» формировали, но и она формировалась сама в ходе ольстерских событий. Результаты оказались неожиданными и пугающими для ее создателей. Захваченный политическими событиями, попав в их эпицентр, штурмовик из «Ассоциации» ощутил свою силу и политический вес. И вот вам: ольстерский премьер-министр Брайан Фолкнер был ошвыстан толпой, и где — в Шенклроуд, главном протестантском районе Белфаста! В другой раз, и все на том же самом месте, его едва спасли от самосуда.

Мне не раз, когда разговор заходил на эту тему, рассказывали историю Гасты Спенса, человека из легенды, окруженного ореолом мученика и борца. Гасты получил пожизненное заключение за убийство католика в 1966 году, когда такие убийства еще не были делом обычным. Бежав из-под стражи, перед тем, как быть снова схваченным, он дал интервью телевидению. Многих поразила тогда Спенс, сказав, что и протестанты и католики «страдают от угнетения». Гасты прошел свои университеты в тюрьме. Там он впервые был с католиками не по разные стороны баррикады, а по одну сторону тюремной решетки. И понял, как сам сказал, что католики никогда не примирятся с правлением юнионистов, что протестанты-рабочие поддерживают юнионистов в ущерб самим себе.

Томми Херрон всякий раз настаивал на том, что «Ассоциация обороны» — «организация рабочего класса», другие лидеры ультраправых заговаривали о «социалистических элементах» в стратегии АОО. Такая фразеология, конечно, не случайна — она выгодна в борьбе за влияние на рабочих. Социальная атмосфера в Ольстере такова, что идет игра на критике прежде незыблемых истин, на антибуржуазных настроениях рядовых протестантов.

Для тех же, на кого эта фразеология не действует, уготован другой язык. Ингрэм Бэкет, докер, протестант, «уважаемый член своей общины», начал выступать против «убийц и хулиганов» из АОО, заявил, что те «существуют за счет рабочих-протестантов». Его убили среди бела дня четырьмя выстрелами в лицо и спину.

Интервью в «Богсайд инн»

Дерри, или — на английский манер — Лондондерри. Голубое небо, блестящая под лучами солнца река. Тишина. Крутой подъем к кладбищу на окраине католического района Богсайд. Кладбище аскетично, как сама жизнь в Богсайде. Тусклый камень надгробий, бумажные цветы, треснувший асфальт.

Среди богсайдских могил и те тринадцать с одинаковыми надписями: «Убит английскими солдатами в «Кровавое воскресенье». На сером католическом кресте: «Патрик Джозеф Дохерти. 1939—1972. Пока в Ирландии есть эти могилы, в несвободной Ирландии никогда не будет мира». А ведь это цитата, и настолько хрестоматийная, что те, кто выбил слова на камне, не назвали автора. Это слова из речи основателя Ирландской республиканской армии Патрика Пирса: «Они думают, что умиротворили Ирландию... Но они дураки, дураки, дураки! Они убили наших феннев¹ и, пока в Ирландии есть эти могилы...» Сказано в 1915 году на могиле О'Донована Россы, феннанского патриота. Через год и сам Патрик Пирс был расстрелян англичанами.

В соседней аллее флагшток у могилы. Здесь похоронен «боец ИРА». Еще один такой же флагшток, еще один и еще... В годовщины смерти на них поднимается трехцветный республиканский флаг. «Я погиб за свободу Ирландии» — выбито на могильных плитах. И дальше — номер батальона, дата, нет, не смерти, а «гибели при выполнении операции». На такую же могилу я наткнулся не на кладбище, а во дворе обычного многоквартирного дома. Эмоп Лэфферти похоронен на том самом месте, где погиб 18 августа 1971 года. Флагшток и надпись на плите. Рядом дети играют в футбол...

У экстремизма протестантского и католического — разные и корни и цели. Первый призван отстоять «протестантское превосходство», второй — ответ на насилье, всплеск отчаяния. «Протестанты утверждали, — пишет Д. Белл, — что они действуют так же, как «временная» ИРА. Но против кого они действовали? Полиция и солдаты были их полицией и солдатами, а Ольстер был их государством. Единственным врагом протестантов было католическое меньшинство, и, хотя кое-кто из солдат и поли-

¹ Участники национально-освободительной борьбы в Ирландии против английского колониализма. Первые феннанские организации были созданы в Ирландии в 50-х годах прошлого века.

цейских пал от рук протестантских экстремистов, их кампания насилия была направлена против католического меньшинства... Различия в психологии католических и протестантских экстремистов проистекают не из того, что католики «более приятные» люди, а из различий в самом положении двух общин. Одна из них сражается за то, чтобы сохранить свои привилегии, другая — чтобы их отменить. И поскольку все католики подвергались дискриминации именно как католики, с началом кампании насилия их принялись убивать независимо от того, являются ли они членами ИРА или нет».

Ирландская республиканская армия родилась в 1919 году как военное крыло националистической партии Шинн фэйн. Добровольная армия в аграрной стране, армия маломощных фермеров, мелких буржуа, радикальных интеллигентов, безработных. Армия, так и не соединившая борьбу национальную с борьбой классовой. Ирландия оставалась разделенной — Ольстер стал британской провинцией, и потому ИРА никогда не выпускала из рук винтовки. Ирландская же буржуазия хотела не столько объединения страны, сколько совместного бизнеса с буржуазией английской. Антинаглийская кампания террора, который всегда был главным в стратегии ИРА, стала, по мнению Дублина, неуместной. Винтовку из рук Ирландской республиканской армии постарались вырвать, незадолго до второй мировой войны ИРА запретили, она ушла в подполье.

Только к середине 60-х годов в ИРА стали обнаруживаться социалистические, антиимпериалистические тенденции. Сомнениям стала подвергаться всегдашняя ставка на террор как оружие универсальное. Сейчас, пытаясь оправдать свои репрессии, Лондон не устает повторять, что, не будь ИРА, не было бы и самого кризиса. Причины и следствия здесь умышленно переставлены местами — террор ИРА был порожден террором британской армии. В докладе комиссии лорда Камерона, созданной для расследования погрома, учиненного полицией в январе 1969 года в Богсайде, районе города Дерри, говорится, что ИРА взялась за оружие лишь после того, как в католических гетто Белфаста и Дерри стали стихийно, в ответ на репрессии, создаваться отряды самообороны. Активные действия ИРА начались после того, как пришедшее в Лондоне к власти в июне 1970 года консервативное правительство взяло курс на усиление репрессий, признает комиссия Камерона. В 1973 году Дж. Каллагэн писал:

«Мое личное впечатление от тех дней (август 1969 года.— Э. Ч.) сводится к тому, что такие элементы, как ИРА, не играли определяющей роли в развитии событий...» Да, когда в августе 1969 года толпы протестантов пошли на приступ католического гетто Фоллс-роуд, ИРА располагала там одним старым автоматом системы «томпсон», одной винтовкой и одним пистолетом. Подобная же ситуация была и в Ардойне, где на вооружении ИРА оказалось несколько револьверов и ружей с небольшим запасом патронов.

Уже в начале июля 1970 года «объединенный комитет безопасности», в который вошли представители североирландских властей и командования английских экспедиционных войск, принял решение «беспоощадно подавлять любые выступления против юнионистского режима». Тогда-то ИРА взялась за оружие, и тогда же эта прежде единая армия раскололась на два крыла — на ИРА «официальную» и ИРА «временную». «Официальная» считает, что, отвечая террором на террор, кризис не разрешить, что необходимо бороться за улучшение экономических отношений и политического положения католиков и протестантов. И в силу сложности обстановки — война британской армии и ультраправых банд против гетто, и в силу левацкой «революционности» ряда лидеров «официальной» ИРА эти лозунги во многом оказались нереализованными. Ну а для ИРА «временной» бомба и пуля на долгие годы стали единственными аргументами в ее «борьбе за объединение Ирландии». Эти бомба и пуля были обращены также и против вчерашних соратников по ИРА — против членов «официального» крыла. Католики стреляли по католикам... Миссис Макалистер обратилась с призывом к одному из высших чинов «временной» ИРА, Рори О'Броди, прекратить кампанию террора против членов «официальной» ИРА. Через несколько дней был убит ее девятнадцатилетний сын Джеки. Он стоял на автобусной остановке, когда к нему подошли и разрядили в голову револьверную обойму.

Вот документ, опубликованный ИРА в начале 70-х годов. «Наша стратегия. Как выиграть войну». «Военная акция при определенных обстоятельствах и в определенной ситуации — единственный тип реалистической политической акции... Партизаны знают, что время работает на них, что силы истории на стороне партизан». Перевернув страницу «Волонтера», газеты ИРА, пахожу некролог на смерть Юджина Девлина, одного из тех, на чьих жиз-

нях и смертях держится эта «стратегия партизанской борьбы». Волонтер Юджин Девлин потому и вступил во «временную» ИРА, что был принципиальным республиканцем, не верил политикам. «Он следовал традиции физической силы, он верил, что освободить Ирландию можно только физической силой. Именно поэтому Юджин Девлин был убит с винтовкой в руках в схватке с англичанами». Девлин — защитник гетто. Его хоронят тысячи людей. Но завтра такой же боевик закладывает бомбу в протестантском магазине, а АОО отвечает палетом на католическое гетто. И теперь хоронят тех, кто вчера хоронил Девлина. Круговерть террора... За акции «временной» ИРА приходится расплачиваться женщинам, детям, любому, кто подвернется под ответную пулю солдата или штурмовика.

Попытки защитить свои кварталы от вторжений армии и протестантских ультра, вера и безверие в какие-либо перемены — вот настроение сегодняшних католических гетто. Сейчас это концлагеря — с магазинами, пивными, школами, но и с опутавшей улицы колючей проволокой, с наблюдательными вышками армейских постов, с патрулями днем и ночью. Армия огородила гетто и отгородилась от него сама, солдаты пугают и испуганы сами. Лозунги на стенах домов: «Солдаты — вон!», «Мы поддерживаем ИРА!», «Смерть предателям!» И крупно маслом на высокой стене военного барака: «Армия — мы любим тебя!» За такие шутки здесь расплачиваются жизнью...

В Дерри в пивной «Богсайд инн» провожу импровизированное интервью: кто за столом? Студент, безработный, клерк, безработный, механик, безработный, безработный... В Богсайте без работы половина взрослого населения. Это уже не моя, а официальная статистика. Именно с безработицы разговор переходит к злободневной теме — террор и террористы.

Кто он, этот рискующий жизнью человек с бомбой?

— Представьте себе парня, мужчине лет восемнадцать-двадцати двух, — говорит один из сидящих напротив меня. — Отец без работы, мать ходит на фабрику лишь два дня в неделю. Шестеро, семеро сестер и братьев. Школу пришлось бросить лет в четырнадцать. Кто-то из друзей убит солдатами. Его самого не раз избивали в полиции. В Ольстере, заметьте, полиция протестантская... И вот он берется за винтовку, он зол на весь мир, и зло этого мира олицетворяют для него английский солдат и протестантский штурмовик из «Ассоциации обороны Ольстера».

Вот как пишет о безысходности ольстерской жизни, о ее жестокости Шемас Дейн, поэт из Дерри:

Нас безработица, как ржавчина,
разъела.
Окаменели от бессилья кулаки.
И легче легкого —
схватить оружие смело.
Но — снова кровь тогда и лагерей
замки...
Любовь и ненависть слились в едином
целом.
Они сегодня одинаково крепки.
Легко шуметь:
во всем повинны англичане.
Мы никогда б их от себя не отличали.
Но что же делать, если в мэрии,
в суде
и в каждом офисе — одни они
везде.
Ирландцам некуда с обидами
податься...
Замолкли выстрелы...
Но многие боятся,
что ненадолго наступила тишина
и вновь насилие последует за нею.
Но во сто крат представить мне
страшнее,
что вовсе не нарушится она.
(Перевод С. Золотцева)

Если «тишина» прошлого еще страшнее сегодняшнего насилия, то каким обыденным, узаконенным, и главное, беспросветным был полувековой террор против католиков Ольстера?

Я встречался в Белфасте с Мойрой Драмм, вице-президентом «временной» Шинн фейн — политического крыла «временной» ИРА. Мойре под шестьдесят, но молодой огонь горит в глазах. Ее пятеро детей пошли по родительским стопам — республиканцы. Сын только что вышел из концлагеря. Дочь до сих пор в тюрьме. Муж Джеймс без суда и следствия провел в лагерях тринадцать лет.

— Всю нашу жизнь мы боролись и боремся против британского насилия над Ирландией, за воссоединение разделенной страны, — сказала она мне. — Чем, как не насилием, можно ответить на британский террор? Англичане считают нас сумасшедшими. Они не в состоянии понять наш идеализм. Мы мыслим разными категориями.

За три недели до смерти Мойра Драмм ушла со своего поста — почти ослепла, надо было лечиться. Ее убили в госпитале. Боевики из протестантской экстремистской ор-

ганизации «Красная рука» вошли в ее палату в белых докторских халатах, вынули пистолеты... Есть и другая версия — стреляли агенты английской секретной службы. У британской армии были свои счеты с Драмм. Та призывала вступать в ИРА, о солдатах говорила: «Пусть они убиваются домой в гробах». После того как трое военных было убито боевиками ИРА, лондонский наместник в Ольстере Мерлин Рис назвал Драмм «женщиной времен французской революции, из тех, что дергали за веревки гильотины». Мойра ответила: «Мерлин Рис делает из меня мишень для расправы». Вскоре с ней и расправились. Откликаясь на смерть Драмм, Янн Пейсли воскликнул: «Она пала жертвой ненависти к протестантам!» Пейсли лгал. Мойра Драмм не раз говорила: «Я не против протестантов, не против протестантской религии. Я против англичан, и единственное, чего я от них добиваюсь, — пусть уйдут из нашей страны».

Газета «временных» «Рипубликен ньюс» печатает такое обращение к читателям: «Испытываете ли чувство вины, когда умирают молодые ирландские патриоты? Когда молодой человек умирает за свою страну, ради чего он умирает? Он умирает не ради зеленых лугов, серебряных озер, пурпурных гор, белых ферм... Он умирает ради людей. Вы можете усомниться в его мудрости. Вы можете намекнуть, что он искал острые ощущения или романтически мечтал о славе... Но в наши дни есть множество возможностей пойти острые ощущения без поисков смерти. Когда молодые люди рискуют жизнью, они делают это ради своей нации, считая это достойным делом. И слово «нация» олицетворяет для них людей, которым они хотят дать свободу самоуправления, достойную жизнь на своей земле в условиях справедливости и равенства возможностей. Вы можете усомниться в методах этих молодых людей. Вы можете осудить их. Но вы не можете осудить мечту, за которую они умирают. Вы видите, как молодые люди уезжают в Англию, Канаду, Австралию и Америку. Вы горько жалуетесь на экономические недостатки. Вы энергично дебатировали. Но много ли вы делаете сами? Когда умирают молодые ирландские патриоты, чувствуете ли вы свою вину? Что вы сделали и чем пожертвовали, чтобы уничтожить препятствия на пути к мечте, препятствия, которые породили отчаяние в сердцах стольких молодых людей? Эти препятствия и это отчаяние были причиной того, что часть нашей лучшей молодежи эмигрирует, а другая часть ищет экстремистских решений. Когда молодой мужчина умирает за свою страну,

он умирает ради той мечты, которая является и вашей мечтой...»

Это обращение — полемика. В нем упоминается о чьих-то сомнениях в мудрости молодых патриотов, говорится о том, что кто-то может «осудить их методы». Да, многие из тех, ради кого эти люди рискуют, и сомневаются, и осуждают, хотя при этом и сочувствуют им, и поддерживают их, и не выдадут солдату и полицейскому. Знакомый журналист представил меня человеку, которого, поискав несколько секунд определение, назвал «республиканцем и знатоком методов ИРА». Я спросил знатока:

— Как объяснить, что под бомбами гибнут люди, не имеющие никакого отношения ни к протестантским ультра, ни к армии, нередко даже католики?

— Лес рубят — щепки летят, — ответил он мне.

Бойцы ИРА называют себя «защитниками католических гетто от английских солдат и протестантских ультра». Считают ли их защитниками сами жители гетто? Когда я задавал этот вопрос, всякий раз повисала пауза. Почти никто не решался, не хотел отвечать однозначным «да» или «нет». Эти отчаянные люди не жалеют собственных жизней, объясняли мне, но не жалеют и наших. За каждую операцию ИРА община расплачивается новыми жертвами. «Бойцы свободы» устраивают серию взрывов в центре Белфаста, гибнут прохожие — католики и протестанты. На другой день ультра из «Ассоциации обороны Ольстера» или «Сил волонтеров Ольстера» косят автоматными очередями прохожих в католическом гетто.

Феномен отчаяния

В процитированном обращении из «Рипаббликен ньюс» есть и строки об отчаянии. Очень не случайные строки. Отчаяние католического меньшинства — один из самых важных ингредиентов кризиса, считают авторы уже знакомого нам исследования о Беллиморфи. Как горячую картошку, перекидывают они с ладони на ладонь собранные ими факты, мнения, оценки. Они знали взрывоопасный характер этого материала и потому, закончив работу, отложили его публикацию — ждали момента, когда страсти утихнут, снадет волна насилия. Не дождались. Опубликовали.

— Мы не хотели, — объяснили мне социологи, — чтобы наше исследование подлило масла в огонь междоусобной

схватки. Да и британской армии наши выводы никакой радости не доставят.

«Люди Беллиморфи,— считают социологи,— хотят перемен. Такого рода перемены обычно не обходятся без конфликта. Он может быть мирным, но может быть и связан с насилием или угрозой насилия. В таком обществе, как в Северной Ирландии, где связь между католической и протестантской общинами крайне слаба, взрыв насилия может быть сигналом тревоги, предупреждающим о наличии серьезных нерешенных проблем, таких проблем, которые в других обществах могли решаться до того, как людьми овладеет отчаяние. Эффект этого взрыва насилия по всей вероятности зависит от того, как его истолкует другая участвующая в конфликте сторона и третьи силы. Если он будет оценен как естественный для данных обстоятельств или понят как неотвратимое следствие невыносимого гнета и безнадежности, такой взрыв впоследствии можно совместить с ненасильственными методами разрешения конфликта. Тогда такое социологическое исследование, как наше, окажется полезным. Но если это отчаяние рождает ответное насилие, то ни о каких ненасильственных методах не может быть и речи, пока кто-то не победит, а кто-то не проиграет. В такой ситуации независимое социологическое исследование будет сочтено противоборствующими лагерями как недопустимо нейтральное».

Ученые проявили немалую смелость, а в ольстерских условиях смелость не только научную, заговорив об отчаянии католиков как социальном феномене здешней жизни. Не беря в расчет атмосферы отчаяния, безнадежности, нельзя понять истоков и причин кризиса и тех форм, какие он принял сейчас. Процитированное исследование, конечно, не назовешь «недопустимо нейтральным». Говоря о взрыве насилия как о «естественном следствии невыносимого гнета», как об ответе на насилие, «перехлестывающее через край», социологи выносят приговор виновникам ольстерской драмы — тем, кто изобрел и отстаивает «конституционные структуры» юнионизма.

Летом 1971 года в Дерри английскими солдатами был убит католик Барни Уотт. Армия и не пыталась доказывать, что Уотт был «террористом», что он был вооружен — его убили как католика, стреляя в толпу католиков. На другой день в гетто выстроились очереди к дверям, на которых было написано: «Вступайте в ИРА!» На убийство Уотта ИРА ответила убийством английского солдата. Это был первый солдат, убитый ИРА. «Если армия расстрели-

васт безоружных, — пишет политический деятель и журналист И. Маккан, — если она лжет нам, пресса преподносит ложь как правду, а правительство в Лондоне покрывает ложь, то поддержка ИРА является единственным на это ответом. Католикам надо было защищаться для того, чтобы хоть как-то противостоять облавам, арестам, бесчинствам полицейских и солдат. В 1970 году на стенах домов в католических гетто Белфаста и Дерри появились лозунги: «Это не должно повториться!» Не должны повторяться погромы, не должны повторяться нападения на дома католиков, не должна повторяться стрельба по людям. Весь ход событий вел к тому, что в католической общине должна была создаваться организация, которая взяла бы на себя защиту населения, причем защиту военными средствами, от террора протестантских ультра и самого государства в лице армии и полиции... Молодое поколение членов ИРА требовало оружия, требовало вооруженной борьбы, это были люди, верящие в то, что политическую власть можно добыть из магазина к автомату «томпсон».

Эти люди и организовали «временную» ИРА.

И. Маккан — один из тех, кто с немалым сомнением отнесится к верности методов ИРА. И все же он делает вывод: «Ответственность за такой поворот в обстановке в Ольстере целиком лежит на тех, кто ее создал — на Лондоне и ольстерской буржуазии». Толчками, импульсами к вооруженным действиям ИРА была тактика британской армии — стрелять в «подозрительных», в безоружных. В гетто знали, у кого действительно было оружие, а у кого не было. И знали, что для солдат это роли не играло — для них все были виноваты. В гетто видели, как судят католиков и как судят протестантов: участники пикетов, которые выставлялись у границ гетто, шли в тюрьмы, а протестанты, нелегальные поставщики оружия бандам ультраправых, получали условные сроки.

В Ольстере, Ирландии, Англии «временные» вызывают страх, гнев, восторг, горечь, презрение. Относиться к себе равнодушно они не позволяют. Английский чиновник в офисе лондонского наместника в Ольстере вручил мне фотокопию газетной статьи профессора Ш. Кэллана, американского психиатра, в прошлом майора американской армии во Вьетнаме, где говорилось, что автор «собрал большой материал о военной психологии». Кэллан пишет, что «для ирландских агрессивных типов участие в ИРА — форменное спасение. Они находят выход своей агрессивности, они могут убивать, наплевывать, грабить, а республиканское

общественное мнение будет считать, что они служат родине».

Голодных смертей в тюремных камерах, конечно, такой «теорией» не объяснишь. Но есть теории, призванные эти смерти приутилизировать. Объявили голодовку сестры Прайс, и в газетах появились статьи эксперта системы йога, доказывавшего: ничего страшного тут нет, он сам в «лечебных целях» по неделям отказывался от пищи и вообще «терапевтический эффект голодовок чрезвычайно высок». Получалось так, что голодающие лишь «выработают в себе психологическую привычку отказа от пищи» и на том все кончится.

Тысячи бомб были заложены боевиками ИРА, а это значит, что тысячи раз они подвергались риску быть схваченными, убитыми, подорваться на собственной «адской машине». Помню появившуюся в вестибюле взорванного в очередной раз отеля «Европа» листовку-заявление «временных» под заголовком «Отель «Европа» взорван в двадцать восьмой раз». Этот самый феенебельный в Белфасте отель — 12 этажей, 250 номеров, строительство обошлось в 3 млн. фунтов стерлингов — охранялся с особой тщательностью. Взрывы отеля, заявляет ИРА, — это «победа над стремлением британской армии установить систему охраны центра Белфаста». Рассказывается и о том, как удалось произвести двадцать восьмой взрыв. Человек с автоматом вошел в будку пропускного пункта, приказал охране лечь на пол, а в это время двое других оставили чемодан с динамитом в отеле. Постояльцев и служащих предупредили, что через двадцать минут раздастся взрыв. Он и раздался в назначенное время. В листовке взрыв именуется «стратегическим», свидетельствующим о «способностях ИРА проникать сквозь заслоны английской военной машины».

В английской тюрьме Вэйкфилд умер, объявив голодовку, «волонтер» ИРА Фрэнк Стэгг. Власти сообщили, что тело его на самолете доставят в Дублин. Но во время посадки самолета на промежуточном аэродроме в Шэппоне рядом приземлился армейский вертолет, и гроб был отправлен в графство Мэйо на обычное кладбище. Семья Стэгга и его соратники бойкотировали похороны. Кладбище охранялось солдатами круглые сутки, на гроб была навалена цементная плита, чтобы останки Стэгга не были похпщены. И все же гроб был выкраден и перенесен на кладбище, где хоронят «волонтеров» ИРА. Прозвучал традиционный салют из автоматов...

В Белфасте в музыкальном магазине я купил пластинку с песней «Великолепная семерка», посвященной побегу из плавучей тюрьмы «Мэйдстоун» семерых заключенных — членов ИРА. Организатором побега был Джим Брайсон — «человек хладнокровный и бесстрашный». Брайсон в конце концов погиб в перестрелке с солдатами. Истории о таких побегах становятся фольклором. В барах под гитару поют о том, как на похищенном вертолете из лагеря Лонг-Кеш улетели несколько заключенных, о том, как Билли Кенли, воспользовавшись непроглядным туманом, перерезал несколько витков колючей проволоки, сделал подкоп под ограждением, о том, как Фрэнсис Макгиган ушел из лагеря, переодевшись в сутану священника, о том, как Айвар Белл выехал в грузовике за ворота тюрьмы, заваленный горой мусора...

Все это побеги удачные. Сотни других были раскрыты. Земля в концлагере Лонг-Кеш напоминает сыр — настолько она прорезана во всех направлениях тоннелями, прорытыми заключенными. Готовя побег, те ухитрялись проводить туда электричество и шланги с воздухом. Тоннели прекратили рыть лишь после того, как стало известно, что они обнаруживаются армейскими вертолетами с помощью инфракрасных лучей — фиксируется различие в температуре тоннеля и окружающей его почвы.

ИРА — организация полувоенная. «Бригады», «батальоны», «роты», а после реорганизации 1977 года «ячейки» — эти слова мелькают в обозрениях об операциях «бойцов свободы». Водитель такси может оказаться «лейтенантом», а бармен — «майором». Узнаешь об этом тогда, когда «лейтенант» подорвется на бомбе, а «майора» убьют при облаве. В арсеналах ИРА автоматы, винтовки, гранаты, бабки. Доставляют это оружие из Европы, с Ближнего Востока, даже из Новой Зеландии. Однако большая его часть идет из Соединенных Штатов. Оружие привозят в своем багаже американские туристы, везут в трюмах рыболовные сейнеры, и даже сверхфешенебельный лайнер «Куин Элизабет-2» был однажды использован для доставки из США взрывчатки и винтовок.

В США живут около двадцати пяти миллионов католиков ирландского происхождения. В Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Филадельфии, Сан-Франциско после церковных служб пускают по кругу шляпы для сбора на нужды ИРА, а в барах, где собираются ирландцы, можно увидеть ящики для пожертвований с надписью: «Для убийства британского солдата». Те, кто бросает в них монеты, — наследни-

ки изгнанных с родины нуждой и голодом эмигрантов. Но американские сторонники «временных», те, кто шлет в Северную Ирландию транспорты с оружием, находят и такие «аргументы» для критики британской политики — Англия держит свои войска в Ольстере, оставляя бреши в патовской системе обороны в Европе, и в результате — «русская угроза» возрастает. Так пусть уж «томми» лучше вернуться на Рейн...

Ненависть к британскому солдату, к повинной в разделе Ирландии Британии — вот на чем держится ИРА, вот что рекрутирует под ее знамена новых и новых добровольцев. В парламенте начались дебаты — ввести ли смертную казнь для членов ИРА, уличенных в террористических актах. Первой, кто запротестовал против этой меры, была контрразведка «сил безопасности» в Ольстере. Не из альтруизма, понятно, а потому что «поднимется престиж ИРА среди католиков», потому что угроза смертной казни будет поощрять ИРА «убивать в интересах мученичества».

Для подтверждения своей правоты «сплы безопасности» опубликовали выдержки из письма бойца ИРА. «У нас хорошие новости, — пишет 19-летняя девушка, — убиты два солдата. Обоих застрелили. Один из них перед смертью кричал и плакал, а наши люди стояли и пели: «Мы из «временной» ИРА». Всюду была кровь. Некоторые женщины побледнели, когда увидели трупы, но мы стояли и смеялись». Вывод контрразведки: таких людей ничем не проймешь, даже сам приговор они считают не наказанием, а признанием и обнародованием их заслуг, убийство солдата для них не преступление, а акт возмездия.

Британские военные, когда они говорили на публику, не раз успели «похоронить» ИРА, не раз утверждали, что та «выдохлась». В оценках же для узкого круга генералы размышляют трезвее. В документе с грифом «совершенно секретно», подготовленном для министерства обороны Великобритании военной разведкой в Северной Ирландии и перехваченном в 1980 году «временной» ИРА, а потом переданном огласке, признавалось: «Ирландской республиканской армии невозможно нанести военное поражение». Генерал Гловер называет людей ИРА «умными, проникательными и опытными террористами». Еще более знаменательно такое его заключение: «Кампания насилия, проводимая «временной» ИРА, сохранится, вероятно, до тех пор, пока в Северной Ирландии будут оставаться англичане».

Цели и методы

Смесь националистических, антикоммунистических, псевдосоциалистических лозунгов — вот идеология «временной» ИРА. Не идеология даже, а горький настой на гнев, обиде, желании бомбой и пулей приблизить будущее. Какое? Воссоединить Ирландию. Достичь этой цели, заявляют лидеры ИРА, можно «за счет ведения революционной партизанской войны, которая в первую очередь направлена на то, чтобы вынудить Британию покинуть пределы Ирландии и тем самым создать политические условия для воссоединения Севера и Юга... Партизанская война должна носить характер войны на истощение, а ее объектами должны быть помимо вооруженных сил противника частная собственность, линии коммуникаций, представители судебных властей и тюремные надзиратели, пропагандисты, а также наиболее влиятельные деятели противника».

Лондонские политики иной раз называют «временных» марксистами, те же публично отрекаются от своей причастности к марксизму. Джерри Адамс, лидер «временной» Шинн фейн — политического крыла «временной» ИРА, — сказал: «Никакого влияния марксизма в рядах Шинн фейн нет. Я не знаю никого в Шинн фейн, кто был бы марксистом или кто попадал под марксистское влияние». Другой видный деятель «временных», Джо Кахилл, говорил, что цель его организации — «республика без социалистических и коммунистических идей». На одной из своих конференций «временная» Шинн фейн заявила, что в «новой Ирландии» будет лишь частное предпринимательство, и подчеркнуто отмежеввалась от коммунизма. Читательское письмо в известную нам «Рипаббликен ньюс»: «Среди членов ИРА немало рабочих. Но было бы нечестно утверждать, что это организация рабочего класса. «Временная» ИРА в принципе не строит свою стратегию и программы в расчете на рабочий класс. Рабочие для ИРА — всего лишь союзники».

Если бы у ИРА не было поддержки в католических кварталах, она не просуществовала бы и дня. Бойцам ИРА есть где прятаться, где залечивать рапы, хранить боеприпасы. Со всеми, кто заподозрен в связях с армией и полицией, ИРА расправляется беспощадно, заявляя публично: «Мы казнили агента-provokatora». ИРА метит отступников, убивая их выстрелами в затылок. Это посмертное клеймо, чтобы ни у кого не было сомнений — не шальная пуля, а кара «временных». Но даже если дело не доходит до смертного приговора, наказание должно быть жесто-

ким, человек должен быть искалечен, чтобы стать потом ходячим напоминанием о том, что нельзя переступать неписанных законов. Заставляют, к примеру, вытянуть руку, а сверху бросают на нее цементную глыбу...

Хоронили двадцатилетнего Винсента Хеферингтона, хоронили в спешке, при малом стечении народа. Накануне «временные» объявили, что Хеферингтон казнен ими как поставщик информации для британской армии. Три года тому назад, едва став «волонтером» ИРА, Винсент вызвал подозрение у ее лидеров тем, что дружил с Теренсом Хердманом, о котором стало известно — предатель. Когда Хердмана решено было убить, то в число экзекуторов включили и его друга Винсента. Тот должен был продемонстрировать свою преданность делу ИРА. Продемонстрировал...

А вскоре Хеферингтон попал в переделку — его и двух других бойцов ИРА задержали по подозрению, обвинили в убийстве двух полицейских. После суда всех освободили, что в глазах ИРА стало свидетельством предательства Хеферингтона. Что тому оставалось делать? Его ждали экзекуция от рук «временной» ИРА или пуля от протестантских ультра за убийство полицейских. И Хеферингтон решил бежать в Англию. А там его арестовали на основании «закона о борьбе с терроризмом» и выслали в Белфаст.

Вернувшись домой, Хеферингтон пытался доказать свою лояльность ИРА, оскорбляя на улице английских солдат. Затем в католическом районе Андерсонстаун произошли взрывы в двух пивных, в какие протестанты не отважились бы войти. Бомбы, как потом выяснилось, были из числа тех, какие изготавливают «временные», и потому первой реакцией на взрывы был слух — ИРА в очередной раз пугает владельцев и этих, и прочих католических пивных, собирая деньги за их «защиту». Однако тех, кто говорил об этом, заставили замолчать. В ход пошел другой вариант: Хеферингтон подложил эти бомбы, «работая на британцев». «Временные» арестовали его и пять дней допрашивали. Затем привезли на окраину Андерсонстауна. Руки Винсента были связаны, маска закрывала лицо. Ему приказали встать на колени и выстрелили в затылок.

Опора на «Физическую силу» — в документах ИРА эти слова пишутся с большой буквы — на вооруженную борьбу долгие годы была единственным стержнем в стратегии ИРА, стратегии, которая обходится без упоминаний о борьбе классовой. Азбучную, казалось бы, истину, что без поддержки английского рабочего класса разрешить ирланд-

ский кризис нельзя, ИРА и до сих пор учитывать не склонна. Взрывы, устраиваемые ею в Англии, ни на шаг выход из этого кризиса не приблизили. После одного из таких взрывов газета Компартии Ирландии «Айриш соушеллист» писала: «Трудно подобрать слова, чтобы выразить наше отношение к взрыву в Лондоне, в результате которого два человека погибли и несколько тяжело ранены. В то самое время, когда в британском рабочем движении начинают принимать во внимание ирландский вопрос, делать первые шаги на пути к признанию права ирландского народа на воссоединение, «временные» решают убивать и калечить тех самых англичан, сердца которых мы должны завоевать. Взрыв бомбы в Лондоне — это преступление. Во-первых, из-за бессмысленных смертей, которые он принес. Во-вторых, он только усилил антиирландские предубеждения. Представители «временной» ИРА, открыто взявшие на себя ответственность за совершение этой акции, заявляют, что они добиваются вывода английской армии из Северной Ирландии. В своем озлоблении они, видимо, совершенно не понимают того факта, что добиться этого можно лишь с помощью политического давления, которое заставит Англию устранить вето юнионистов на действия в политической области. Какими бы ни были субъективные эмоции и желания «временных» — а их сомнению никто не подвергает, — их действия наносят поражение делу ирландского народа. Вновь они сыграли на руку империализму, вновь дали основания для оправдания репрессий, вновь оттолкнули от себя огромные массы людей в Ирландии и в самой Великобритании».

А ведь нечто подобное уже бывало прежде. 13 декабря 1867 года группа фениев произвела взрыв в лондонской Клеркенуэллской тюрьме. Заключенных фениев освободить не удалось, зато были разрушены соседние дома, несколько человек погибло, 120 было ранено. К. Маркс писал Ф. Энгельсу 14 декабря 1867 года: «Последний подвиг фениев в Клеркенуэлле — изрядная глупость... Вообще, над такого рода тайными, мелодраматическими, заговорщицкими действиями всегда тяготеет какой-то рок»¹. Ф. Энгельс К. Марксу 19 декабря 1867 года: «Клеркенуэлльская глупость была явно делом нескольких ограниченных фанатиков; беда всех заговоров в том, что они ведут к подобным глупостям, ибо «должно же что-то делаться, надо же что-то предпринимать»... Кроме того, что за идея осво-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 346.

бодить Ирландию путем поджога портновской лавки в Лондоне!»¹

Взрыв в Клеркенуэлле британская пресса использовала, как пишут историки, «для стимулирования антиирландских настроений». Через столетие мы видим в тех же газетах фотографию — полицейский с пластиковым мешком в руках посреди разрушенной пивной. Подпись под снимком: «Останки одной из жертв бирмингемских взрывов». Тогда в Бирмингеме погибло двадцать человек, сто восемьдесят три ранено. На другой день эхо бирмингемского взрыва было многократно усилено прессой и телевидением. По всей Англии прошли обыски и проверки в кварталах, где живут ирландцы, во всех морских и воздушных портах, связывающих Британию с Ирландией. В аэропорту Гэтвик парашютисты во взаимодействии со Скотланд-Ярдом провели учения «с целью продемонстрировать высокую боевую готовность».

Неся на своем гребне обломки бирмингемских пивных, покатила по Британии мутная антиирландская волна. «Очистить Англию от ирландцев!» — потребовал полуфашистский «национальный фронт». Начались драки на автомобильном заводе в Лонгбридже — англичане избивали ирландцев, тоже рабочих. Конвейер остановили, рабочие вышли на улицу, скандируя антиирландские лозунги. В те же дни упаковщики на заводе Форда в Девентри «в знак протеста» портили отправляемые в Северную Ирландию запчасти к автомобилям...

После нескольких дней парламентских дебатов был принят «закон о борьбе с терроризмом».

Но поставил ли этот закон барьер бомбовому террору? Уже в те самые дни, когда он обсуждался, в Лондоне вновь начали взрываться бомбы. Чугунные, еще викторианских времен, красные почтовые тумбы разлетались вдребезги, рая осколками прохожих. Не было потом такого года, чтобы ИРА не напоминала о себе англичанам. Неподалеку от моего дома из проезжавшего автомобиля бросили бомбу в окно ресторана «Уолтон». Десятки раненых. Как в Белфасте, хрустело под ногами стекло разбитых окон, я видел как кареты «скорой помощи» увозили раненых, как хирург делал операцию прямо на тротуаре.

В те же дни на автостоянке британского парламента полицейские совали под машины щупы миноискателей. Процедура, обязательная для всех, кто оставляет свои ма-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 350.

шины в гараже с табличкой «Только для членов парламента». Здесь, рядом с этой табличкой погиб от взрыва один из видных консерваторов, Эйри Нив. Через несколько дней все члены правительства и ведущие деятели оппозиции получили новые черные «роверы», которых не должны брать ни пуля, ни мина.

Тогда же спикер палаты общин роздал парламентариям инструкцию, где значилось: не открывать окна автомобилей, не ехать близко к тротуару, не отправляться из дома, не предупредив о времени возвращения, не открывать никому двери, не установив его личность, завести сторожевую собаку, не добираться до парламента одним и тем же маршрутом, не ходить пешком на длинные расстояния, избегать неосвещенных и безлюдных улиц. Все эти меры предосторожности названы в инструкции «пассивными». А вот «активные»: проявлять осторожность при получении пакетов и посылок — могут взорваться, проверять автомобиль перед тем, как сесть в него, — в багажнике и моторе могут быть бомбы... Если парламентарий увидит, что за ним следует некто подозрительный, он должен немедленно ехать или бежать в ближайшее отделение полиции. Ну а если все эти меры не помогут, парламентарий должен «громко кричать о помощи».

В 1978 году представитель «временных» дал интервью дублинскому журналу «Магил», чьи страницы ИРА использует для изложения своих взглядов.

— Стоило ли то, чего вы достигли за последние восемь или десять лет, — был задан вопрос, — тех людских потерь, которые вы понесли за этот период и которые составили примерно 1800 человек?

Приводя эту цифру, интервьюер имел в виду не боевиков ИРА, а всех католиков.

— Конечно нет, — было сказано в ответ. — Мы фактически ничего не достигли, и именно потому... мы не можем сейчас отказаться от борьбы и признать, что эти мужчины и женщины, которых мы обрекли на гибель, отдали свои жизни напрасно. Борьба должна продолжаться до окончательной победы, и мы полны решимости добиться ее.

Вы обратили внимание на слова «мы обрекли»? Сказано и точно и откровенно... Когда же придет победа? В том же «Магиле» через некоторое время приводилось высказывание члена совета «временной» ИРА: «Мы будем бороться 30, 40 или даже 50 лет». Признание того, что годы борьбы, в которой ставка делалась только на оружие, успехов

не принесли, теряющаяся где-то в дали десятилетий перспектива победы — все это свидетельство начавшейся в ИРА переоценки ценностей. «Временные» впервые за все годы кризиса заявили о своем участии в массовых политических движениях. Обстановка стала меняться, когда начались выступления в «эйч-блоках» концентрационного лагеря Лонг-Кеш за статус политических заключенных, а затем голодовка узников этого лагеря, первой жертвой которой был Бобби Сэндс.

Жертвенность, готовность нести лишения, вплоть до голодной смерти, вызвали в гетто волну солидарности с заключенными, а, значит, и с ИРА. Начались манифестации, демонстрации протеста, марши в защиту узников. Именно это и подтолкнуло «временных» к участию в политических кампаниях. Заключенный Бобби Сэндс был выдвинут кандидатом в депутаты британского парламента и победил на выборах.

Изменилось ли отношение ИРА к террору? В ноябре 1981 года на конференции политического крыла «временной» ИРА — «временной» Шинн фэйн, где было принято решение об изменении тактической линии, зачитывалось заявление ИРА о решимости продолжать кампанию взрывов в городах Англии. В июне 1982 года О. Кэррон, представитель «временной» Шинн фэйн, избранный депутатом английского парламента от одного из североирландских округов, заявлял, что вооруженная борьба ИРА — «единственная гарантия успеха в деле прекращения британского правления Ирландии», и эта борьба будет продолжаться.

Она и продолжается. Бомбы взрываются и в Ольстере, и в Англии...

«Так же, как и в прошлом,— считает Компартия Ирландии,— продолжающиеся репрессии со стороны Великобритании не смогут решить «ирландский вопрос». Но, с другой стороны, и бессмысленные, жестокие акты «временной» ИРА не завоюют национальной независимости ирландскому народу. Государственному террору, развязанному Великобританией, нельзя нанести поражение с помощью акций, которые ведут к расколу рабочего класса и дальнейшему разжиганию межобщинной вражды. Это лишь укрепляет основу, на которой англичане, осуществляя принцип «разделяй и властвуй», удерживаются в Ирландии».

— Безответственные акции и применение оружия членами «временной» Ирландской республиканской армии и

Ирландской национально-освободительной армии¹ до сих пор демонстрируют, что внутри республиканского движения еще есть элементы, которые не хотят, чтобы Шинн фейн играла полноправную роль на политической арене в Северной Ирландии, — говорит Генеральный секретарь Компартии Ирландии Джеймс Стюарт. — Отданные за Шинн фейн голоса, которые позволили представителю этой партии войти в состав парламента, отнюдь нельзя автоматически рассматривать как поддержку военной кампании, ведущейся ИРА. Многие из этих голосов были голосами молодых людей, голосами гневного протеста против жестоких репрессий, чинимых в Ольстере полицией и британской армией. Их можно считать красноречивым отражением протеста против репрессивных законов и насилия, с помощью которых Лондон до сих пор удерживает в повиновении Ольстер, с помощью которых заполняются тюрьмы Северной Ирландии...

«Кровавое воскресенье»

На этих страницах уже не раз упоминалось о «Кровавом воскресенье» — одной из самых трагических вех кризиса.

На католическом кладбище в Богсайде, где похоронены тринадцать убитых английскими солдатами участников демонстрации, с фотографий на надгробиях смотрят молодые глаза: Уильяму Нэшу было девятнадцать, Джеку Дадди, Хью Гилмору, Майклу Майдейду, Джону Янгу, Джерарду Донахью, Майклу Келли — по семнадцать, Кевину Макэллену — шестнадцать.

На другой день после расстрела репортеры задали вопрос официальному представителю Лондона в Ольстере: «Станет ли «Кровавое воскресенье» тем поворотным пунктом, который фундаментально изменит историю, будущее Северной Ирландии?» Вот как он ответил: «Я знаю, что это прозвучит цинично, но ведь ничего, в сущности, не изменилось, кроме того, что погибли еще тринадцать человек». Действительно, ничего не изменилось. Убивать продолжали и дальше...

Впервые я попал в Дерри, когда после расстрела прошел всего год, когда еще не выплаканы были слезы по убитым, когда не все раненые вышли из больниц. Тогда

¹ ИНОА — нелегальная организация военного характера; образована в 1975 году, использует ту же тактику, что и «временная» ИРА, отличается более экстремистскими левыми взглядами.

случившееся еще воспринималось многими как всплеск ненависти солдат к ирландцам, как стихийная расправа. Сейчас же, по прошествии многих лет, можно сказать — та демонстрация была обречена на расстрел, и дело было не в жестокости карателей, а в хладнокровном расчете тех, кто отдавал солдатам приказ, тех, кто вырабатывал военную стратегию для Ольстера. В начале 1972 года, как свидетельствовали опубликованные позднее документы и заявления, армия ждала, готовилась к расправе с любой массовой демонстрацией, готовилась убивать, чтобы сломить дух сопротивления, запугать католиков.

30 января 1972 года люди вышли на улицы с плакатами: «Освободите интернированных!», «Выведите английские войска из Ольстера!», «Мы требуем работы, равноправия, демократических реформ!» Солдаты парашютного батальона, которым командовал полковник Дерек Уилфорд, стали палить по демонстрации в упор, а потом не дали машинам «скорой помощи» приблизиться к месту расстрела, помочь раненым, многих из которых еще можно было спасти. Английский врач Раймон Макли, проводивший вскрытие трупов, зафиксировал: «Почти все демонстранты погибли от выстрелов в спину или в затылок, в некоторых стреляли по нескольку раз. По тому, как вошли пули, видно, что солдаты стреляли в людей, лежавших на мостовой».

— Вы, наверное, — спросили генерала Роберта Форда, руководившего расстрелом, — испытываете сожаление или, может быть, озабоченность по поводу действий подчиненных вам парашютистов?

— Ничто из того, что я видел в тот день, — ответил генерал, — ни в коей мере не опорочило честь сил безопасности.

О тринадцати погибших в Дерри британское командование заявило: «Все, кто был убит, имели при себе оружие. В солдат стреляли, кидали в них гранаты». А вот какие показания звучали во время правительственного расследования обстоятельств расстрела в Дерри, начатого по требованию семей убитых.

«Мы бежали по Россвилл-стрит с Хью Гилмором, — рассказывала Джеральдина Ричмонд, — когда на улицу въехали бронетранспортеры. Выскочившие из них солдаты тут же открыли огонь. Вдруг Хью закричал: «Меня застрелили», — и схватился за живот. Я пыталась помочь ему бежать, вокруг все искали укрытия, стрельба продолжалась. Хью уже не мог двигаться. Мы приткнулись к стене, и он

что-то бормотал. Я положила его голову себе на колени, вскоре он умер. Стрельба усилилась, и оказавшийся поблизости Бернард Макгвиган оттащил меня в безопасное место. Мы слышали, как кто-то из лежавших посередине улицы простонал: «Я не хочу умирать». Бернард сказал тогда, что он должен отыскать его, чтобы помочь. Бернарда отговаривали, но он сказал, что, если будет махать белым платком, солдаты не посмеют по нему стрелять. Он сделал ровно четыре шага с белым платком, когда его застрелили. В голову».

Джеймс Чепмен, бывший сержант английской армии, окна дома которого выходят на Россвилл-стрит, где происходило побоище, говорит: «Бронетранспортеры с парашютистами ворвались в Богсайд, солдаты выскочили из них, заняли боевые позиции, а затем открыли огонь по толпе». Под окнами Чепмена упали трое. Бронетранспортер подъехал к телам, офицер отдал приказ, и солдаты, взяв их за волосы и за ноги, кинули в машину. «Я не видел, чтобы у демонстрантов было огнестрельное оружие или гранаты, не слышал стрельбы, пока солдаты не ворвались на Россвилл-стрит», — говорит Чепмен.

Священник Эдвард Дейли вспоминает, как кто-то побежал к нему и сказал о двух убитых демонстрантах. Через десять минут он услышал рев приближающихся бронетранспортеров. Послышался выстрел, и один юноша упал. В тот момент Дейли не понял, что юношу могла поразить боевая пуля, и поэтому вместе со всеми побежал дальше. «Я бежал, оглядываясь, — рассказывал он. — Бронетранспортеры быстро приближались, окружая толпу. Я увидел, как от удара, нанесенного бронетранспортером, в воздух взлетело чье-то тело, то ли мужчины, то ли женщины. Послышалась частая стрельба. Все были в панике, женщины кричали, люди пытались пробиться к домам. Выстрелы доносились оттуда, где были бронетранспортеры. Я распростерся на земле и увидел парня, лежавшего ничком на автомобильной стоянке. Стрельба продолжалась. Я выпнул платок и, размахивая им, бросился к нему. По его рубашке текла кровь. Я причастил убитого. Какой-то юноша бросился к солдатам с криком: «Стреляйте, стреляйте в меня!» Один солдат прицелился и выстрелил, юноша пошатнулся и неловко побежал прочь, видимо, раненный». Дейли добавил, что не видел никого, кто бы стрелял в солдат с дальнего конца Россвилл-стрит.

Председатель комитета квартировладельцев на Эббистрит Раймонд Роуген рассказал, как в его дом внесли ра-

неного. В карманах этого человека не было никакого оружия. Врач осмотрел раненого, и Роуген повез его на машине в больницу. Их остановили на армейском контрольно-пропускном пункте. Когда Роуген пытался объяснить, что направляется в больницу, ему ответили: «Заткнись или получишь пулю». Солдаты вытащили раненого из машины и держали под прицелом. Потом отвели в полицейский участок. Роуген уверен, что тот был безоружным.

Комиссии лорда Виджери, заслушавшей эту и множество других показаний, некуда было деваться — армия не смогла представить ни единого доказательства того, что демонстранты стреляли по солдатам. Никто из военных не был ранен, нигде не было найдено следов от пуль. А ведь искали эти следы, искали с пристрастием... Комиссия признала, что погибшие демонстранты были ни в чем не повинны, в то время как «поведение солдат граничило с безрассудством». Читатель «Санди таймс» Бернард Джонс из Лондона спрашивал в письме в редакцию: «Безрассудство? То есть то же самое, что выпить шесть пинт пива или поставить 50 фунтов на скачках?»

Генералы в конце концов «согласились» с тем, что все убитые были безоружны, но при этом вновь было подчеркнуто, что «войска действовали на законном основании». Почему же не был задержан ни один из «террористов», почему ни один солдат не был ранен? На эти вопросы военные не ответили. Никто из убийц наказан не был. Полковнику же Уилфорду вскоре вручили одну из высших английских наград — Орден Британской империи. И почти одновременно с этим парламент одобрил закон о невозможности привлечения солдат к ответственности «за акты насилия в Ольстере». А через несколько лет британское министерство обороны распорядилось выдать денежные компенсации семьям погибших. Получалось, что никто не виноват — ни стрелявшие, ни те, в кого стреляли...

Жизнь расстрелянных министерство оценило в 42 тысячи фунтов стерлингов. Вдове Патрика Дохерти, к примеру, причиталось 16 тысяч 575 фунтов, а матери Уильяма Нэша — 250 фунтов: цена дешевого мотоцикла, купить который, кстати, собирался Уильям. Скалькулировали... В одну из годовщин «Кровавого воскресенья» я пришел в дом, где жил Уильям Нэш. На последнюю в жизни демонстрацию он отправился с отцом. Сына увезли в морг, отца — в госпиталь. Джек Нэш так и не оправился после ранения: «Пуля усадила в кресло. Почти не встаю. Ноги не держат».

Имперский полигон

Кризис принес Ольстеру неисчислимые страдания. Лондону же он обошелся в миллионы фунтов стерлингов, истраченных на содержание армии и полиции, обернулся ударами по его международному престижу.

Почему же, однако, Британия так держится за мятежную провинцию, почему не отзовет войска, не даст прлапцдам самим решить их проблемы? Том Вильсон, экономист из Глазго, заметил на одном из симпозиумов: «Было бы прекрасно, если бы Ольстер мог или уплыть в море, или пристать к берегам Гренландии, или застрять в траве Саргассова моря, или, как спутник, оказаться в космосе».

Ни на один из этих фантастических вариантов, как и ни на какой иной способ лишиться Ольстера, Британия не согласна. Еще в 1949 году Н. Брук, тогдашний секретарь британского кабинета министров, писал в своем меморандуме: «Для нашей страны имеет первостепенное стратегическое значение, чтобы север Ирландии оставался частью владений Его Величества. По всей вероятности, для Великобритании никогда не будет выгодно, чтобы Северная Ирландия оказалась частью территории, находящейся вне юрисдикции Его Величества. Великобритания едва ли когда-либо согласится на это, даже если народ Северной Ирландии и пожелает того». Меморандум этот стал известен лишь в 1979 году, когда документы тридцатилетней давности оказались доступны историкам.

Да, Северная Ирландия занимает немалое место в английской, а значит, и в натовской военной стратегии — здесь расположены военные базы, пункты электронной разведки, важную роль играют и североирландские морские порты. В Лондоне не допускают и мысли о том, чтобы лишиться Северной Ирландии как атлантического форпоста. В 1976 году депутат британского парламента от консервативной партии А. Бейтц говорил: «Нечто подобное Анголе создается в 20 милях от наших берегов, и процесс этот завершится, стоит только нашей армии уйти из Ольстера. В мире есть немало таких сил, которые очень бы желали прийти в Северную Ирландию. Подобная ситуация ужасна не только для нас, но и для наших партнеров по НАТО». Сравнение с Анголой, понятно, не случайно. Правящая Британия пугает других и пугается сама призрака «советской угрозы», интервенции «красных», посланных на поддержку «террористов».

В Лондоне откровенно опасаются, что искры ольстер-

ских событий воспламят саму пораженную расовыми волнениями и безработицей метрополию, что успех католического меньшинства Ольстера в борьбе за гражданские права, за воссоединение с югом Ирландии окажется заразительным для национальных меньшинств в метрополии. Лондон боится, что английский рабочий класс извлечет для себя уроки из неумения правительства демократическим путем разрешить многолетний кризис. Держаться за Северную Ирландию диктует Великобритании имперская психология ее буржуазных лидеров. Для них «Северная Ирландия,— пишет американский историк К. Келли,— явление особого рода. В отличие от других британских колоний, добившихся независимости, Ольстер — часть Соединенного Королевства. Глобальная империя прошлых времен перестала существовать, и сейчас гниль уничтожения подошла к самым границам британского государства. Если Северная Ирландия будет совершенно отколота, то не последуют ли за ней вскоре и Шотландия с Уэльсом? Воссоединенная Ирландия означает конец Соединенного Королевства, ну а последующие катаклизмы приведут к распаду Великобритании. Все, что останется после того, как эта теория осуществится на практике,— это одна лишь Англия, маленькая Англия».

Именно потому-то борьбу с движением за гражданские права в Ольстере правящая Британия превратила в репетицию подавления общественных выступлений у себя дома, в метрополии. Я не случайно употребил здесь слово «репетиция». Именно оно прозвучало на одном из семинаров, организованных Королевским институтом оборонных исследований: «Если мы проиграем в Белфасте, то все равно должны будем драться в Брикстоне или Бирмингеме. Точно так же, как в тридцатых годах гражданская война в Испании была репетицией всеевропейского конфликта, происходящее в Северной Ирландии есть репетиция городской партизанской войны во всей Европе и в особенности в Великобритании».

Когда капитан Кларк, рядовой, по сути дела, участник конфликта, пишет о том, что «весь лагерь молится о стычке, молится о возможности стрелять во что попало на улице, о возможности вдолбить свинец во что-нибудь живое, наблюдать, как льется кровь», может показаться — речь идет всего лишь о солдатском ожесточении, о том огрублении нравов, какое бывает на всякой войне. Но нет, таким, как Кларк, отведена роль не просто наспльников и убийц, а участников бесчеловечного опыта, поставленного над



Ольстером лондонскими политиками и армией. «По сравнению с другими странами Европы, — пишет французский исследователь Р. Фальо, — Ирландия представляла собой лучшую возможность поставить эксперимент в полном объеме. Потому, прежде всего, что со времен английского завоевания кровавая история Ирландии была лишена демократической традиции, потому, что Европа пассивно относилась к британскому законодательству, направленному на подавление католического населения страны, к использованию любых средств для уничтожения его политических и военных организаций. Так Северная Ирландия обрела печальную привилегию сделаться военной лабораторией, а ее население оказалось в роли подопытных свинок. Именно потому, что это население говорило по-английски, было европейским и белым, ирландский народ стал «моделью внутреннего врага». В то же самое время, поскольку история и культура этих людей отличались от английской культуры и истории, ирландцы были и чужими, и как бы «собственной тенью» англичан. Все это и предоставляло беспрецедентные возможности для экспериментирования с техникой политического контроля над всем населением».

Превращение Ольстера в полигон для отработки методов подавления общественных выступлений, а его жителей в «подопытных свинок» основано на стратегии, автором которой стал английский генерал Фрэнк Китсон, стратегии, социальный заказ на которую был получен не только от Лондона, но и от НАТО. Карьера Китсона: британские оккупационные войска в Западной Германии, колониальные войны в Кении, Омане, Малайзии, на Кипре. Начальство заметило его склонность к теоретизированию, и в 1969 году Китсону была предоставлена стипендия в Оксфорде в оборонном исследовательском центре для написания книги «Операции низкой интенсивности». Книга шефам Китсона понравилась, и автора послали в Северную Ирландию, он стал самым молодым в британской армии командиром бригады. На страницах своей книги Китсон признает, что видит Северную Ирландию как «поле для испытаний» методов подавления беспорядков, которые, как он уверен, начнутся в Европе в конце 70-х годов. С 1970 по 1972 год Китсон командует в Ольстере 39-й пехотной бригадой, потом занимает ряд видных постов в британской армии. С 1982 года — командующий сухопутными силами Соединенного Королевства.

Контроль над населением, психологическая война, использование специальных и разведывательных подразделе-

ний, развитие новой технологии, направленной на подавление «любого проявления гражданского неповиновения, политической, профсоюзной, национальной, экологической, феминистской оппозиции», — вот главные элементы Китсоновской теории и практики. Генерал считает, что условия жизни для населения следует сделать «разумно некомфортными для того, чтобы вызвать желание вернуться к нормальной жизни и отбить охоту к возобновлению кампании». Добившись передышки, пишет Китсон, очень важно сделать три вещи. Во-первых, осуществить обещанные уступки, чтобы избежать упреков в намерении обмануть, которые могли бы дать возможность лидерам противника вернуть контроль над некоторыми группами людей. Во-вторых, надо обнаружить и нейтрализовать «разрушительные элементы». В-третьих, привлечь на свою сторону как можно больше известных населению людей, участвовавших в ненасильственных акциях.

Этот сценарий дописывался и исправлялся лишь в одном направлении — британский террор ужесточался с каждым годом. Никаких серьезных уступок католикам власти не сделали и «известных населению» людей на свою сторону не привлекли. Зато пункт о «нейтрализации разрушительных элементов» трансформировался в тотальное насилие над католическими гетто.

Ночной патруль

По вечерам, часам к девяти, Белфаст вымирает... Гулкая пустота улиц, черные проемы окон взорванных, брошенных домов. Пахнет горелым, скрежещет кровельное железо под ветром. Где-то хлопает выстрел, вдогонку еще один. Лишь армейские патрули колятся по темным улицам. Едут «джипы», солдаты перебегают от дома к дому, озираясь на чердаки. Ночью идут обыски, ночью больше арестов.

Я решил пройти по следам одного из патрулей, по следам происшествия, которое газеты называли «рутинным». Армейская пресс-служба отвела ему в своей хронике несколько строк: «В первом часу пополудни в районе Хорн-драйв патруль заметил вооруженного человека. Произошла перестрелка. Первым стрелял неизвестный, ранивший женщину, которая сидела за рулем автомобиля, припаркованного у ее дома». Жители Хорн-драйв назвали это сообщение ложью. Штаб-квартира войск ответила: «Мы категорически отвергаем какую-либо иную версию, кроме изложенной

нам». Что же произошло на самом деле? Я хожу от двери к двери, слушаю, что говорят мне люди о той ночи, читаю заявления участников и свидетелей «рутинного» происшествия.

Было половина первого ночи, когда патруль подошел к дому Ноэля Оуэнса. На стук вышла его жена, миссис Оуэнс.

— Дай-ка я проверю сарай! — сказал один солдат.

Он шатался, опираясь на винтовку, как на палку. И тут же добавил:

— Ладно, не надо сарая... Дай-ка огонька прикурить!

Солдат с трудом открыл пачку сигарет.

— Вы пьяны, нет у меня для вас огонька, — ответила миссис Оуэнс.

— Как нет? Иди пошарь по полкам, а то я сам пошарю. На шум выглянул из окна Ноэль Оуэнс. И услышал:

— Ты, лысый, тащи огня прикурить!

Оуэнс не ответил. Тогда один из патрульных вскинул винтовку:

— Чего палишься? Сейчас я тебя приземлю.

Два других солдата пригнули его винтовку к земле. Патруль пошел к другому дому. Должен признаться, что реплики солдат изложены здесь не совсем точно — каждое обычное слово сопровождалось матерным.

Следующим был дом Дэмiana Макклинтона. Его разбудили крики за дверью:

— Это силы безопасности. Открывайте!

Открыли. Солдат едва держался на ногах, то и дело хватался за стену.

— Что вы думаете о силах безопасности? — спросил оп.

Макклинтон сказал, что сейчас, ночью, отвечать на этот вопрос не будет. Тогда солдат сказал:

— Ну вот, все испортил! Я из телевидения, мы вас сейчас снимаем на пленку...

Два других солдата расхохотались. А через четверть часа Макклинтон услышал, что на улице стреляют.

Но прежде патруль побывал у дома Бернарда Руни.

— Я из Би-би-си, — сказал солдат и потряс винтовкой. — Вы смотрели сейчас телевизор?

— Нет, я только что из постели, — ответил Руни.

— У меня к вам несколько вопросов. Что вы думаете об английской армии в Северной Ирландии?

— Как надо понимать этот вопрос?

— Повторяю: считаете ли вы, что она действует хорошо, или думаете, что она действует плохо?

В этот момент за спиной «репортера» раздался смех, и Руни увидел трех солдат, сидевших на обочине дороги.

Бриджит, жена Бернарда, рассказывала мне:

— Они все были пьяные. А возможно, добавили и наркотиков. Через пять минут после визита веселого патруля раздались выстрелы.

Стрельба началась, когда патруль был около дома Дохерти. Соседи видели, как Кэтлин Дохерти села в машину, сказав, что «едет в полицейский участок сообщить о поведении солдат». Тогда один из патрульных и выстрелил в нее.

Рассказывает Шейла Дохерти, сестра Кэтлин:

— Я выбежала на улицу. Кэтлин лежала в луже крови. Кровь была везде — на одежде, на сиденье машины. Я ступала по осколкам разбитого ветрового стекла...

Деннис Фоул показал мне заявление свидетельницы «перестрелки» Джин Макклinton. «В час ночи, — пишет она, — я проснулась от шума на улице: пьяные крики, ругань... Я увидела, как Кэтлин вышла на улицу, начала говорить с солдатами, а потом села в машину. Тогда один из них стал перед машиной, вскинул винтовку и выстрелил в Кэтлин. Он сделал это без какого-либо предупреждения. Потом мы, соседи и родственники Кэтлин, выбежали на улицу. Кэтлин лежала в крови. Солдат никого не подпускал к ней. Я услышала, как он говорит в радиопередатчик, что на Хорн-драйв «кто-то стрелял». Я сказала ему: «Хочешь скрыть, что стрелял в Кэтлин Дохерти?» Патруль собрался уходить. Тот самый солдат, что ранил Кэтлин, поднял винтовку и выстрелил куда-то в направлении Дон-руд, а затем снова передал что-то по радио. После этого приехала машина с группой солдат искать «террориста», о котором было сообщено по радио. Но никакого террориста не было. Были безумные забавы патруля. Потом появился майор и до трех часов ночи осматривал улицу, задавал вопросы, фотографировал. Он вел себя так, будто и впрямь верил, что на Хорн-драйв был «террорист».

Расследование этого происшествия так и не было проведено, армия от своей версии не отказалась и опровергать заявления свидетелей не стала. Кэтлин Дохерти, оправившись от ранения, уехала за границу. Не сделай она этого, с ней, возможно, случилось бы то же самое, что с Ноэлем Оуэнсом, тем самым, в которого солдат целился из винтовки. Оуэнс дал местной полиции показания обо всем, что он увидел и услышал, а через несколько дней его арестовали по подозрению в «терроризме» и отправили

в тюрьму. Там его держали два дня, и все это время следователи требовали «переписать» заявление. Он отказался, его посадили в одиночку. Потом выпустили, но чуть ли не каждый день дом Оуэнса обыскивали. Наконец двое в штатском явились к нему, чтобы проинформировать: судебные власти закрыли дело о «перестрелке» на Хори-драйв.

В Белфасте своя градация районов «спокойных» и «напряженных». Хори-драйв — «спокойный», Торф-лодж — один из тех, кого оккупация не щадила ни дня. Иду по Торф-лодж. Вот дом Стюартов, вот место, где Брайан был убит пластиковой пулей. Почти нет прохожих, на взгорке — остов сгоревшего автомобиля. Заложенные кирпичами окна пивной. Вышка армейского наблюдательного поста. Разрушенные дома. Только что Торф-лодж покинул батальон, прослуживший здесь четыре месяца — обычный срок для солдат, отправляемых в Ольстер. За это время «Ассоциация жителей Торф-лодж» направила местным властям 249 жалоб на незаконные действия солдат.

— Этих жалоб могло быть во много раз больше. Людям не так-то просто вступать в тяжбу с армией, — говорил мне Деннис Фоул, — они знают, что солдаты будут мстить. Да и не верят, что правосудие восторжествует. Солдаты застрелили на улице Лео Норри. Когда начались протесты свидетелей, армия признала, что Лео был абсолютно невиновен. Его матери предложили три тысячи фунтов стерлингов в порядке «возмещения убытков». Она их не взяла. Сказала, что убийца должен понести наказание. Но нет, не понес...

— Я стояла на улице, — говорила мне Эммануэль Пайнер из общественной организации, защищающей права жителей Торф-лодж. — Мимо проходил патруль, и один солдат неожиданно схватил меня за волосы, стал бить по лицу. Другой приставил к моему виску винтовку и сказал, что убьет. Прибежала мать, солдат схватил ее за горло...

Выглядит, как облава на заведомо опасных преступников, да к тому же застигнутых на месте преступления. Но нет, рядовая уличная сценка. Схватил за горло, подул, отпустил, проследовал дальше... Цитирую скрепленное свидетельской подписью заявление Мэри Малхолланд: «Я мыла посуду, когда раздался громкий стук снаружи. Не успела открыть, как солдаты взломали дверь. Их было с десяток. Я спросила, что они собираются делать? Один из них ответил: «Ломать. Не обыскивать, а ломать...» Про-

ходя мимо, он пнул меня ногой. Я подпрыгнула вверх, в спальню. Шкафы были открыты, белье, одежда лежали на полу, солдаты ходили по ней. Недавно я купила новый чемодан. Сейчас он валялся растоптанный. Стереопроигрыватель был разбит. Я стала возмущаться. Тогда один из солдат поднес к моему лицу кухонный тесак, которым я рублю мясо, а другой приставил винтовку к моему рту и сказал: «Еще слово — и останешься без головы». В этот момент кто-то снова лягнул меня. Внизу, в гостиной, они выгребли из камина золу прямо на ковер. Семейные фотографии и картины были разбиты, настенные часы сломаны. Ничего не найдя, они ушли.

Зачем были сломаны часы в доме Малхолландов? Почему «неожиданно», как говорит Эммануэль Найпер, патруль принялся ее избивать? Так создаются «разумно некомфортабельные» условия. За этим между делом разбитыми часами, пинками мимоходом и бестрепетно вскинутой винтовкой — атмосфера ежедневного, не отпускающего террора, армейский коктейль из уверенности в том, что последствий не будет, презрения к ирландцам и страха перед ними. Солдатам плевать на то, что подумают о них в гетто. Но им не прощают здесь ничего — ни смерти, ни избиения, ни сломанных часов. В дотошном стремлении зафиксировать, обнародовать, не дать вычеркнуть из хроники кризиса все то, чем этот кризис бьет по людям, — попытка отстоять себя, свое достоинство. Заметка в местной газете о том, как солдаты испортили годами выхаживаемый газон, — в палисадниках, у самых окон домов они искали червей для наживки, собирались ловить рыбу. Владельцы домов, пишет автор, должны требовать возмещения ущерба, надо установить фамилии виновных, а если те откажутся назвать свои имена, зафиксировать время событий, форму и звания военных — «когда имеешь дело с бандитами, надо знать свои права и уметь их отстаивать».

«Стрелять, чтобы убить...»

Всю первую полосу «Дейли экспресс» занимает архаичными литерами набранный заголовок: «Скажите мне, почему мой сын должен был умереть?» И фотография трех солдат, погибших в Ольстере. Один из них — Кевин Джонсон. Письмо матери Кевина: «Я чувствую, что должна писать. Я хочу, чтобы кто-нибудь объяснил мне, почему мой сын и многие-многие другие парни должны были быть хладно-

кровно убиты. У меня три сына служат в армии. Как никто, я гордилась своими сыновьями. Но сейчас у меня и моего мужа сердца разбиты, мы одиноки. Память о моем Кевине — большом, нежном Кевине — всегда будет со мной. Но, боже, почему он погиб?»

Действительно, почему погиб Кевин?

Комментируя это письмо, «Дейли экспресс» говорит, что отец Кевина Лео Джонсон служил в гренадерах, был сержантом, три сына пошли по его стопам. «Мы сражаемся в Ольстере, — сказал Лео, — с ублюдками. Убийство Кевина и его друзей — это политика. Я и моя жена гордимся нашими сыновьями». Газета подводит итог: «Мы отдаем салют солдатам, погибшим в Ольстере. Их смерти не напрасная жертва». Итак, ответ дан — Кевин Джонсон погиб во имя победы над «ублюдками». Во имя этой победы была расстреляна демонстрация в Дерри, во имя этой победы солдаты убивают «подозрительных», во имя той же цели пытаются в «центрах дознания»...

Почему стреляют солдаты? Почему они стреляют по безоружным, по детям? Немало ответов на эти вопросы можно найти в опубликованной недавно в Лондоне книге Антони Кларка «Контакт» — этим словом на солдатском жаргоне именуется схватка с противником. Автор этого уникального свидетельства, бывший капитан британской армии, нес со своей ротой службу в Ольстере, сам стрелял и приказывал стрелять. Раскаянне? Нет, Кларк этот разбой не только не осуждает, а уверен, что много ирландцы и не заслуживают. Он подробно описывает, чем занимался изо дня в день, и в результате не оставляет камня на камне от того «имиджа» британского солдата, какой годами создавался для обывателя. Не желая того, Кларк нанес сильнейший удар по репутации «томми», и потому одна из рецензий на его книгу называлась так: «С точки зрения червя».

«Мы проводили, — пишет он, — месяцы и годы в тренировках, изучали брошюры «Стрелять, чтобы убить», «Схватки в городских условиях». Теперь нас выпустили на улицы, отлично вымуштрованных, ждущих момента, чтобы все это применить на деле. Несколько убийств были бы приятны на этой стадии. Хорошо для поднятия духа. Для впрыскивания новой жизни в уставшую роту это было бы просто идеально. Рота поддержки могла быть довольна собой в эти недели — пара схваток и хорошее, заслужившее рекламы убийство на улице Олд Ардойн. Была также схватка, когда мы преследовали украденную машину. Мы

ее в конце концов остановили, пассажиров выволокли, а на заднем сиденье нашли тяжело раненного террориста. Пока обыскивали других, он умер. Какая жалость... На одного подлеца меньше. Ничего. Мы все поздравляли друг друга, смеялись».

Кларк патрулирует католический район: «Двое парней идут по улице с девушкой. Великолепно! Мы вываливаемся из машины с оружием, взятым на изготовку. «Руки на стену, пальцы растопырьте! Ноги расставить. Что, боитесь что-нибудь уронить?» Девушка стоит тихо, не говоря ни слова. Парни тоже молчат. Что ж, давайте по-другому. Глухой звук удара дубинкой между ног. Крик боли. «Кто тебе велел двигаться?» Дубинкой по коленной чашечке. «Он выглядит так,— говорит один из солдат,— как будто хочет ударить вас, босс». Мы грубо обшариваем их. В их глазах слезы, страх. Потом выражение беспомощности медленно переходит в гнев. Это хорошо. Злитесь. Идите и расскажите своим. «Что ты делаешь с этими двумя типами, милая? — спрашиваем девушку. — Почему бы тебе не пойти с нами?» Голодными глазами раздеваем ее. Снова в машину и отправляемся на базу».

3-й парашютный батальон, в котором служил капитан Кларк, оставил отметины в ольстерской истории. Я был на улице Олд Ардойн, говорил с ее жителями в то самое время, когда ее патрулировали солдаты Кларка. «Парашютисты,— рассказывали мне,— вначале стреляют, потом задают вопросы». Сейчас я нахожу эту формулу в книге Кларка: «Вначале стрелять — вопросы будем задавать потом». Шли слухи, что батальон перебросят в другой район,— слишком напряженными были его отношения с «подконтрольными». Не перебросили. Офицер, ответственный за контакты с прессой, устраивал тогда встречи с репортерами, объяснял, что солдаты на самом деле дисциплинированы, что ведут они себя «строго, но без грубости».

А вот что пишет капитан Кларк, сослуживец того самого пресс-офицера: «На углу собрались почти полторы сотни парней. «Правь прямо на них! — кричу я шоферу. — Приготовить резиновые пули! Стрелять залпами, когда мы в них врежемся». Машина врывается в живую массу, оглушительные звуки стрельбы наполняют воздух. Мы останавливаемся, выскакиваем, работаем дубинками. Я поднимаю винтовку: передергиваю затвор. Ирландцы подхватывают раненых и запираются в домах, бегут в боковые улочки. «В машину, ребята!» Преследуем отступающую толпу. Мы пьянеем от насилия, от охоты, возбуждение охватывает

нас всякий раз, когда кто-то из ирландцев падает. Мы не берем пленных — мы стреляем, топчем их ногами. Здорово. нас ничто не сдерживает, мы делаем все, что хотим».

Идет вдохновенная расправа над безоружными. Но вечером того же дня люди, в которых стреляли, которых топили, перегородили улицу баррикадой. Кларку сообщают: «Кто-то прячется за баррикадой с винтовкой». И тогда страх охватывает его. «Я беру своих людей, и мы выходим из машины на безлюдную улицу. Страх — не то слово, я одеревенел. 10 ярдов — пока все тихо, 20 ярдов — пот струится под моей курткой, 25 ярдов — словно ад взрывается. Как только начали свистеть пули, мои колени отказались повиноваться».

Кларк не пытается скрывать, что ему много раз было страшно. Но страх переменял у него со злобой, с готовностью нажать на курок. «В поле лежит чья-то винтовка, возможно заминированная, недалеко фермер падает на тракторе. «Твоя?» — спрашиваем мы его. «Нет, — отвечает он, — не моя». «Держите этого парня под прицелом, — говорю я солдатам. — Если взорвусь, застрелите гада». Его всего трясет. Я чувствую себя точно так же. Сухо во рту, колени дрожат. Говорю себе: «Запомни, если меня не будет, то и его не будет». Ничего, мины нет. Птицы по-прежнему поют на деревьях. На лицах солдат разочарование — им бы очень хотелось пристрелить Пэдди».

Пэдди — это для солдат не имя, а нечто вроде клички для ирландца — на этот раз повезло. Но жизнь ему оставляют с сожалением. Штрих к психологии убийц. Раздумывая о том, как действовать солдату в Ольстере, Кларк взвешивает, прикидывает — убивать или «ограничиться жестокостями»? Третьего не дано... И приходит к выводу: надо убивать, убивать для солдата безопасней. «Наш парашютный батальон кто только не проклинал, — пишет он, — ведь мы были специально обученными убийцами и все в нашем деле вело именно к этому — к убийству».

Почему погиб Имон Брэдли?

Среди бела дня солдаты убили 24-летнего Имона Брэдли. Он вышел из пивной «Шэнтоллод хауз» и тут же был ранен. Брэдли упал, к нему подбежали, добились выстрелом в голову. В следующие сутки полиция обнародовала четыре взаимоисключающих версии этого события. Первая —

Брэдли убили после того, как был обстрелян армейский патруль, последние — никто по солдатам не стрелял, а Брэдли не имел оружия.

Почему погиб Имон Брэдли? Для солдат он был «подозрительным», они «думали», что он член «временного» крыла Ирландской республиканской армии. Но они не пытались его задержать, чтобы утвердиться в своих подозрениях, чтобы поступить с ним, как с человеком, чью виновность еще предстоит доказать. В Брэдли, как и во многих других, стреляли, как стреляют по мишени, — без предупреждения. Когда капрала британских войск в Ольстере Майкла Бохана спросили о том, слышал ли он о каком-либо патруле, для которого главным было бы пленить противника, а не убить его, он ответил: «Я читал о таких патрулях в книгах о второй мировой войне».

История кризиса — это хроника расширения прав британского солдата на убийства. Если в начале ольстерских событий инструкция разрешала стрелять «одиночными выстрелами по какой-то определенной цели», то теперь можно строчить очередями из автоматов, стрелять без предупреждения по движущимся автомобилям. Вначале патрули выходили на службу, не присоединяя магазинов к автоматам, сейчас же и магазины присоединяются, и патроны досылаются в патронники. Первые инструкции говорили солдатам о «необходимости предупреждать, прежде чем открывать огонь». Потом эту формулировку, освободив от категоричности, отредактировали, и она звучала так: «следовало бы предупреждать». Результат — гибель прохожих на улицах, смерть тех, кого даже армия не обвиняет в «терроризме». Солдату позволено стрелять, если ему «ясно», что на него собираются напасть, «ясно», что он видит «подозрительного». Но эти «ясно» каждый волен трактовать, как хочет, и, значит, стрелять, когда захочется.

Отказывая требованиям участников голодовок и кампаний протестов республиканских заключенных, власти говорят: «У вас нет статуса политических заключенных, военнопленных, вы — уголовники». Эта британская тактика получила название «криминализации противника». Признаться перед всем миром, что в ольстерских тюрьмах, в концлагере Лонг-Кен сидят сотни политических заключенных, Лондон не хочет. Но при разгоне, при расстреле демонстраций, при таких нападениях, как на Брэдли, армия действует так, как будто идет уличный бой против солдат противника.

Противоречие кровавое, определяющее психологический климат ольстерской жизни. Британия призывает к «сохранению закона и порядка», уговаривает верить в «принципы британской демократии», которая одна только и способна вывести Северную Ирландию из кризиса. Но жители гетто видят, что солдаты относятся к ним — гражданам Британии, как оккупанты, захватившие чужую, вражескую территорию, что Британия попирает здесь и демократию, и закон, и порядок.

То, что произошло с Имоном Брэдли, в ходе кризиса все чаще становилось правилом, а не исключением. Вспомним стрельбу на Хори-драйв, когда была ранена, а могла бы и быть убитой Кэтлин Дохерти. В тот момент, когда машина с военными покидала улицу, кто-то крикнул им вслед: «Потом скажете — произошла ошибка?» Фраза с подтекстом. «Произошла ошибка» — известная формула из сообщений армейской штаб-квартиры. Когда эксперты по психологическим операциям считают нужным продемонстрировать «объективность», армия признает ошибку.

Ночью на Рокмоур-роуд в Белфасте загорелось здание клуба. Люди слышали пьяную перебранку солдат, видели, как те выходили из клуба, как кто-то из них упал в канаву, а другие вытаскивали его. Наутро о поджоге было заявлено властям, и армия ответила, что ночью на Рокмоур-роуд не было ни одного военного, а свидетельства очевидцев — чистейшая ложь и предумышленная «дискредитация армии». Через день, однако, штаб-квартира признала: да, поджог совершил патруль. 17-летний Дэниэл Руни был убит выстрелом из проезжавшего автомобиля. Местные жители уже тогда говорили, что юноша убит военными. И только через пять лет было официально признано: стрелял солдат в штатском, Дэниэла приняли за другого, «произошла ошибка». Эдвард Макклаферти попал в тюрьму за то, что был «задержан с оружием в руках». Прошло время, и солдат, один из тех, кто задерживал Эдварда, признался, что патрулю было приказано обстрелять группу людей. Обстреляли. Одного убили, другого ранили. Макклаферти арестовали. А потом стрелявших проинструктировали: «Надо говорить, что у Макклаферти был пистолет, а у его «сообщника» винтовка».

Солдат застрелил 12-летнюю Маджеллу О'Хара. Последовало официальное объяснение: началась перестрелка с «террористами», и Маджелла попала под перекрестный огонь. Потом, через несколько дней, армия «уточнила»: перекрестного огня не было, стрелял солдат по фамилии

Уильямс, от его пули и погибла Маджелла О'Хара. Уильямса судили, приговор гласил: «Непредумышленное убийство». Но Уильямс апеллировал, и его полностью оправдали. Судья Гибсон сказал: «После изучения всех обстоятельств дела я пришел к выводу, что террорист, возможно, находился на месте происшествия». Читательское письмо в газете «Трибюн»: «Следует заметить,— пишет Паулина Вулф из Лондона,— что британская армия, самая опытная в мире армия по подавлению повстанческих движений, а также ветеран многих колониальных войн, преподносится прессой как творящая одну непредумышленную акцию за другой. В Северной Ирландии она ответственна за «ошибочные» убийства десятков невинных людей и ранения куда большего числа жителей, подавляющее большинство которых — католики».

Люди и звери

Итак, убийства, по капитану Кларку, предпочтительней жестокости. Но это вовсе не значит, что убийства не могут быть дополнены набором жестокостей, издевательств, оскорблений. «Сегодня ночью мы позабавились,— пишет Кларк.— 50 человек выстроили, приказав упереться в стену кончиками пальцев. Дубинками мы били по печени каждого, кто был недоволен. Я медленно шел вдоль ряда, задавал вопросы. Тех, кто не отвечал, тащили за угол, оттуда слышались их истошные крики. То, что мы узнали, никакой ценной информации не представляло. Да нам она сегодня и не была нужна — нам просто хотелось действовать».

Для того чтобы проделывать все это изо дня в день и не свихнуться, мало одного только желания стрелять и глумиться. Чтобы само это желание возникло, чтобы оно вызрело, требуется особого рода «духовная» работа. Кларк с болезненным упорством нижет и нижет одну на другую детали уклада чужой жизни. Для него здесь не существует ничего, кроме запаха мочи и вкуса помойного чая, он не видит ничего, кроме грязной одежды, скулящих детей, загаженных туалетов, рваных занавесок на пыльных окнах, мокрых пеленок. Ему все в Ирландии отвратительно, ему здесь попросту тошно. Но подробности эти не случайны. Перебирая их, Кларк доказывает самому себе и другим, что он вправе вести себя здесь, в Ольстере, иначе, чем в условиях жизни «цивилизованной».

Проблема эта стала предметом специального изучения белфастских социологов. Чтобы не утратить самоуважения, не деградировать, говорится в одном из исследований, солдат не может не судить жителей католических гетто по нравственным законам, которые сам же для них устанавливает. В этом смысле все, что увеличивает моральную силу «противника», угрожает уровню самооценки солдата. Бандит не должен превращаться в «угнетенного», а солдат в «угнетателя». Для того чтобы такое не случилось, «защитник закона и порядка» испытывает сильнейшее искушение не признавать за своим врагом право на «другие», но равноценные его собственным «стандартам», моральные нормы.

Как добиться этого? Надо отрицать наличие у противника его собственной системы ценностей, и тогда он предстанет в образе психопата или, еще проще, «зверя». Да, солдаты именуют обитателей католических районов именно этим словом и называют так не часть, не группу жителей, а всех без исключения, скопом. Отсюда и принцип «око за око» — за отпор солдатам может быть арестован, избит или убит любой житель гетто.

В Англии я на каждом шагу слышал «спасибо» и «извините», видел, как незнакомые люди, встретившись глазами, непременно складывали губы в улыбку, как пешеход, переходя «зебру», благодарно кивал пропустившему его автомобилисту. Всеобщая деликатность, поголовная вежливость... Стереотип «типичного» британца в качестве обязательного ингредиента, всегда включал такое английское понятие, как «джентльменство». Но никогда не существовал такой стереотип для ирландцев, для жителей католических гетто. Не из чего ему было складываться, не было матерпала... Мне рассказывали в Белфасте: «Солдаты говорят: «Доброе утро, сэр» — и, если не услышат ответа, избьют тебя до полусмерти». Те англичане, с которыми ирландцев сводили многие века покорения мятежного острова, всегда были в роли убийц, насильников, лицемеров.

Когда люди стали для тебя «зверьми», то и делать с ними можно что хочешь. Сержант специальной авиаслужбы говорит: «Я убил безоружного человека, потому что сработал мой инстинкт командос». Показания солдата Питера Сэлсбери: «В декабре я стоял на посту у полицейского участка в Каслвеллан. Мне стало скучно. Я достал пистолет и начал стрелять». Две школьницы были ранены, третью защитил портфель. Суд постановил: солдат дол-

жеи заплатить штраф. Рядового Роджера Сарча судили за изнасилование. И хотя Сарч признал себя виновным, судья наказывать Сарча не стал, Сарч продолжает службу.

Эндрю Николсон, бывший солдат, уже в Англии ограбил и убил миссис Глэдис Тодд. «Я не хотел ее убивать, — сказал Николсон. — Сработал инстинкт. Меня застали за кражей, я ударил ножом. Я чувствовал себя, как будто был в патруле в Белфасте. Я готовил это ограбление, как армейскую операцию: надел военную куртку, вымазал черным лицо, полз на коленях, как леопард». Вильям Нил, ночной сторож в Норсхэмптоне, в недавнем прошлом солдат, поджег офис и склад, поджег потому, что ему «обрыдла штатская жизнь, а пожар, тревога, толпа людей создали атмосферу Ольстера». Солдаты рассказывают репортеру, как они старались спровоцировать людей на какой-либо решительный жест, «чтобы затем можно было избить их и арестовать». Они кричали задержанным в лицо: «Убийца! Висельник!»... Те не выдерживали, начинали кричать в ответ, и тогда их избивали и арестовывали. Солдаты не скрывают, что арестованных принимались потом бить снова, «пока те не признавались».

Ольстерский опыт «томми» аукается и далеко от ирландских берегов. Среди наемников-англичан, осужденных Народным революционным судом Анголы, не было ни одного, кто не служил бы до этого в британской армии, те же, кто прошли «школу» Ольстера, оказались самыми жестокими головорезами. Джону Бэнксу, тоже в прошлом солдату, было нетрудно вербовать добровольцев в Анголу. Они понимали друг друга с полуслова, и, бывало, уже через несколько часов после беседы «псы войны», как называют наемников, грузились в самолеты. Бэнкс подсчитывает: «Мои ребята уничтожили тысячу человек». «Полковник Кэллан», один из клиентов Бэнкса, начал военную карьеру в Белфасте. После того как он ограбил там почту, его освидетельствовал психиатр Алекс Лайонс. Он назвал Кэллана «интеллигентным парнем, с которым приятно было беседовать». У этого парня была, однако, странность: «Не мог он, — говорит Лайонс, — сдерживать свои агрессивные инстинкты». Было добавлено также, что этому солдату, «возможно, нравится убивать».

Время перечеркнуло осторожное «возможно». В Анголе Кэллан выстраивал безоружных и стрелял в упор.

Рядовой Мэгг сошел с ума...

И все же не каждый солдат способен на подстановку «человек — зверь». «Это Белфаст,— пишет Кларк.— Здесь все ненормально. Здесь надо ни на что не обращать внимание, иначе сойдешь с ума. Один из наших офицеров зашел в гараж и застрелился. Солдата посадили за канцелярскую работу, когда обнаружили его на наблюдательном пункте разговаривающим с самим собой. Он ждал, когда кто-нибудь появится на улице, чтобы застрелить его. Восемнадцать лет, и уже сломался».

Армия такие случаи не афиширует, в печать попадает немного. Однако прошло сообщение, что рядовой Эдвард Мэгг открыл огонь по своим. Одного успел убить, другого ранить, потом пристрелили его самого. Рядовой Мэгг сошел с ума. Почему? «Он любил армию, но не хотел служить в Северной Ирландии,— говорит его отец, Дуглас Мэгг, сам в прошлом солдат, а сейчас банковский чиновник на пенсии.— Но дело не в том, что он боялся опасности. Дело в том, что там каждый — ваш враг, все вас ненавидят. Ольстер — это британский Вьетнам». Джеймс Харкин, солдат, ирландец по происхождению, хотел убить, но лишь ранил своего командира — полковника Антони Пиндера. На суде, где его приговорили к двенадцати годам тюрьмы, Харкин сказал: «Британская армия ведет войну против народа Северной Ирландии. Такие, как полковник Пиндер, враги моей страны. Я должен был что-то сделать...»

Капитан Кларк презирает и боится тех, чьи улицы он патрулирует. Но он достаточно трезв, чтобы не заблуждаться на счет отношения к себе жителей Ольстера. «Наблюдательный пост на Флекс-стрит,— пишет он,— не виден с улицы. Пониже его есть другой, ложный. Смысл в том, чтобы с помощью этой приманки подстрелить террориста. Это уже дважды срабатывало, один раз со смертельным исходом. Сначала мы не попали в цель, затем попали... Только потом приходит осознание факта смерти. А тогда это было всего лишь развлечение для поднятия духа. Вдруг кто-то из солдат кричит: «Смотрите, сэр!» Дети идут за патрулем, среди них есть четырехлетки. Они поднимают на ходу камни и бросают в патруль, выкрикивая ругательства и оскорбления. Инструкция не разъясняет, что делать с детьми... Вначале было трудно поверить, что маленькие дети могут так ненавидеть. Сейчас не трудно...»

Что же, сейчас, когда убиты, оставлены калеками десятки детей, солдатам и, правда, не так уж трудно поверить во вскормленную ими ненависть. Я слышал популярную среди солдат песню о молодом новобранце, который, спасаясь от безработицы, записывается в армию и погибает в Белфасте. Он умирает, пытаясь защитить от бомбы группу детей. Но нет ему от их отцов и матерей ни почестей, ни благодарности. «Люди, ради которых солдат жертвует жизнью,— поется в песне,— называют его убийцей, а не другом».

А как иначе? Солдаты утвердили себя именно в этой роли — убийц. Майор Кристофер Майерс, художник-любитель, назвал свою картину «Типичный взрыв в Белфасте»: труп, куски мяса, кости... Картина выставлена на частной экспозиции в его доме. «Дочь боится, что меня снова пошлют в Ольстер,— говорит майор.— Поэтому картины с другими, еще более кровавыми сюжетами я держу взаперти». Одна из них изображает морского пехотинца с оторванными ногами, страдающего от гангрены. Майор рассказывает, что этот солдат получил от местных жителей письмо: «Рады, что ты лишился ног, грязная свинья. Надеемся, что сгоришь в аду».

Хотел того капитан Кларк или нет, но, рассказав о буднях карателей, о прозе их жизни, он грубо соскреб с нее налет романтики и героичности, который годами накладывался прессой и политиками. «Купили пива на весь взвод,— пишет он,— и вот мы пьем его, ухмыляясь, взволнованно проигрывая вновь и вновь, как заезженную пластинку, события дня. Полночь на Шенкхил-роуд, темнота внушает ложное чувство безопасности. Усталые глаза обыскивают темноту. Усталый ум начинает отключаться после суток без сна. Если бы враги знали, насколько мы сейчас слабы, они бы мгновенно оказались здесь. Но у нас есть нечто более ценное, чем пуленепробиваемый жилет и винтовка. Это наша репутация, обволакивающий нас миф, образ супермена. Чепуха, конечно. Мы так же уязвимы, как все. Но мы готовы на самое жестокое насилие, какое только возможно. Мы помним «Кровавое воскресенье» и последовавшие затем поздравления, благоговение вокруг солдат, утверждавших, что они «убили 4 или 5 штук». Мы помним гнев и ужас, когда мы собирали останки офицеров парашютной бригады после взрыва бомбы: там нога, здесь рука, часть головы, кровавые лоскуты одежды на деревьях.

Полночь. Я думаю о звонке домой. Возможно, я позво-

ню, когда вернусь в казарму. Подниму жену с постели, чтобы только с кем-нибудь поговорить. Чтобы вернулись какие-то чувства, пока они снова не будут подавлены. Мамочка, если бы ты только могла меня сейчас видеть! Внезапно мысли мои возвращаются к реальности — взорвалась бомба. Это произошло где-то в центре города. Те самые люди, которые должны там жить, превращают это место в труху. Ну что ж, давайте, валяйте дальше. Уничтожайте весь город. Тогда не останется ничего, что надо было бы охранять, никого, кого надо выслеживать, бояться. Если пужна какая-то помощь, кликните нас. Мы поможем вам похоронить этот город».

Сказано с мрачной прощней. Как о чем-то в высшей степени бессмысленном. Но не будь в Ольстере армии, не было бы и этих взрывов...

Хотел того отставной капитан Кларк или нет, но он написал книгу не только о преступлениях армии, но и о собственном банкротстве. Радуюсь, как он сам выражается, «ощущению силы, упоиваясь охотой, волнением, схваткой», он почти ухищряется избежать вопроса самому себе о смысле «работы» в Ольстере. Но вопрос этот его все же настигает. «Город наводнен патрулями, — пишет Кларк, — людей обыскивают, допрашивают. Они испуганы, у них широко раскрыты от ужаса глаза. Они знают, что нам пужен всего лишь ничтожный повод, чтобы избить или убить их, и все будут только рады сделать это. Потому что мы потеряли одного из наших. Погиб в восемнадцать лет. Не несчастный случай, не естественная смерть, а убийство. Выдернут из жизни раньше, чем узнал, что это такое. Теперь их двое. Другой парень, который подорвался здесь недавно, умер спустя неделю. Ради чего они погибли? Вновь и вновь задаю себе этот вопрос. Ответа на него нет».

Этого ответа у Кларка и других солдат не будет до тех пор, пока они не ответят себе на другой вопрос: ради чего идет расправа над народом Ольстера, ради чего гибнут те, кого настигают армейские пули.

Тотальный контроль

Антони Кларк мельком упоминает имя капитана Роберта Нейрака, который поразил его своей способностью «коллекционировать информацию». Тогда Кларк не знал еще, что Нейрак служит в особых секретных подразделениях армии, собирает информацию об ИРА. А вскоре Нейрака уби-

ли. Он сидел в пивной «Три шага» в приграничном городке Драмити, был одет в итатское и говорил «почти так, как местные жители». Газеты потом писали, что можно, конечно, и переодеться, и усвоить чужой акцент, но вот сидеть, стоять, ходить так, как это делают местные, Нейрак не умел. Его вызвали на улицу, посадили в машину, увезли и где-то на пустыре застрелили.

Кларк вел в Ольстере войну явную, открытую. Нейрак — тайную. Британское правительство, однако, утверждает, что такой войны оно не ведет, что армия ни к каким «грязным трюкам» не прибегает, что она открыто, по-джентльменски борется за поддержание «закона и порядка» в Северной Ирландии. Так ли это? За годы кризиса накоплено немало фактов и свидетельств, говорящих о том, что армия и полиция проводят тайные подрывные операции, что они стремятся держать под контролем все население Ольстера, что английская разведка действует и на территории Ирландской Республики.

Сбор информации — одна из важнейших граней в действиях разведслужб. Досье заведены здесь почти на каждого взрослого, зафиксированы не только имена, но и цвет глаз, цвет и марка автомобиля, куда его владелец ездил в отпуск, какая мебель и картины у него в доме. Почти каждый дом имеет «особую отметку» — цвет входной двери, рисунок ковра в гостиной... Подозреваемого, допустим, спрашивают кличку собаки в доме Морфи, и если тот начинает путаться, его отправляют на допрос в «центр дознания».

Корреспондент «Таймс» Роберт Фиск был приглашен попутешествовать по городу в армейской машине. Один из сопровождающих спросил его:

— Хотите знать, как работает секретная служба?

Фиск, понятно, согласился.

— Тогда, — предложили ему, — задайте любой вопрос о любом доме в районе, по которому мы сейчас едем.

— Какого цвета диван, — спросил Фиск, — в гостиной дома под номером...

Через тридцать секунд после того, как он назвал номер, по радио был получен ответ: коричневого. «Это было сущей правдой», — писал потом Фиск. Чем объяснить армейскую откровенность? Конечно, не желанием снабдить репортера информацией. Журналиста использовали для того, чтобы с его помощью запугать поднадзорных, убедить их в том, что армия знает обо всем и обо всех.

Для сбора разведывательных данных военные органи-

зовали... прачечную. Фургоны, собирающие грязное белье, колесили по улицам Белфаста, а на помостах, под их крышами лежали солдаты — фотографировали людей, дома, записывали номера автомобилей. Разговорчивые, коммуникательные шофер и его «ассистент» болтали с местными жителями, вытягивали из них сведения, которые не сегодня, так завтра могли бы пригодиться разведотделу. Но главным источником получения сведений было само белье. Изучались квитанции, сравнивалось — сегодня сдано намного больше, чем в предыдущий раз, значит, в доме кто-то скрывается. Женщина, чей муж в концлагере или убит, сдает мужские рубашки — чьи? В лабораториях изучались следы крови, пороха, взрывчатых веществ на одежде. Масляные пятна на наволочке могли остаться от спрятанного под подушку оружия...

Дублинская «Айриш таймс» писала: «С годами система военной разведки в Ольстере постоянно совершенствовалась. У каждого направляемого в Северную Ирландию батальона есть группа разведки, кроме того, в каждом из трех районов расположения бригад в Северной Ирландии есть постоянное отделение военной разведки, возглавляемое обычно майором. Венчает структуру разведывательный отдел штаба английской армии в Лисберне. Он состоит примерно из пятидесяти человек, которыми руководит подполковник или полковник. Сотрудники лондонских разведцентров обычно приезжают в Северную Ирландию под видом гражданских служащих, страховых агентов, почтовых работников, журналистов...»

Выполняя задания разведки, специальные подразделения армии разыгрывают на улицах ольстерских городов трагедии с переодеванием — сняв армейские мундиры и облачившись в штатское, солдаты убивают в католических кварталах под видом протестантов, а в протестантских под видом католиков. Убивают для того, чтобы доказать — идет «религиозная» война, а не социальный конфликт, чтобы диктовать свои условия обеим общинам. Переодетые солдаты стреляли из окон автомобиля по пешеходам в католических районах, стреляли не из обычных армейских винтовок, а из автоматов, взятых на вооружение ультраправыми протестантами. Известен случай, когда, не получив предупреждения, полиция остановила машину, где сидели люди в штатском, и нашла в багажнике черные капюшоны с прорезями для глаз — униформа ультраправых. У людей в штатском были армейские удостоверения. Их отпустили...

Генерал Фрэнк Китсон строит свою стратегию на том, что атмосфера насилия должна измочалить людей, вызвать у них желание под «защитой» армии и полиции вернуться к той обстановке, что предшествовала началу кампании за гражданские права. Потому-то армия и сталкивает лбами враждующие лагеря.

Уильям Блэк, отец пятерых детей, протестант, едва не погиб из-за того, что «слишком много знал». Блэку повезло — он выжил, хотя и был изрешечен пулями. Произошло это после того, как интервью с ним было опубликовано в одной из белфастских газет. За полтора года до этого Блэк сам был солдатом, служил во вспомогательных частях английской армии в Белфасте. Как-то ранним утром он увидел, как трое длинноволосых в штатском с автоматами в руках — несомненно, католики, был уверен Блэк, — пытались угнать автомобиль его соседа. Блэк схватил винтовку, щелкнул затвором. Два похитителя бежали, один замешкался и в ответ на предупредительный выстрел закричал: «Перестаньте, я из сил безопасности!» Блэк держал его на мушке, пока не приехала полиция. Но вместе с пей примчалась и зеленая армейская машина, а в пей... те самые длинноволосые.

Сбитый с толку Блэк в тот же день наведился на армейский пост узнать, с кем он имел дело минувшим утром. Там он вновь увидел своих недавних знакомцев, но теперь уже коротко, по-солдатски подстриженных и с париками в руках. Один из них спросил Блэка: «Чего ты суешься не в свое дело?» — и посоветовал держать язык за зубами о происшедшем во дворе его дома. А через две недели пришел конец солдатской службе Блэка. Его уволили, сказав, что для столь тонкого и сложного дела он не подходит. Вскоре кто-то обстрелял его квартиру, и Уильям понял — его разоблачений бояться, за ним идет охота. Спасаясь, он решил публично рассказать о встрече с обладателями париков. Именно тогда его и попытались убить.

Признания Фреда Холройда

Кто такой Фред Холройд? Бывший капитан британской разведки, единственный из сотрудников спецслужб, кто решился выступить с разоблачениями тайной войны в Северной Ирландии. Путь к такому решению был для него непрямым и нелегким. До тех пор, пока Холройд не осознал смысла и последствий подрывных операций в Ольстере, он был

хорошим службистом. Помощник главного констебля ольстерской полиции Чарльз Роджерс, как он сам заявил, считал его «человеком безусловной лояльности, выдающегося мужества, а также преданности долгу, какую нищень, но редко находишь сегодня». И вот обладателя столь высоких достоинств начальство задумало отправить в психиатрическую больницу. Почему? Потому что Холройд оказался в разведке телом инородным, потому что его замечания, реплики, оценки кого-то пастораживали и раздражали. Едва избегнув психлечебницы, Холройд вышел в отставку.

После этого он не раз требовал начать расследование его дела. Ему отказывали. Тогда он стал писать шефам разведки о методах работы их подчиненных в Ольстере. Ему не отвечали. И Холройд решился публично рассказать об опыте своей службы при особом отделе штаба третьей бригады. Его свидетельства проверялись журналом «Ньюстейтсмен» и полностью подтвердились. Данных, приведенных Холройдом, более чем достаточно, чтобы начать судебное расследование против армейских провокаций. Но не было никакого расследования. Министерство обороны и не подтвердило справедливость обвинений в адрес военных, и не отвергло их. За всю историю кризиса, впрочем, не было ни единого случая, чтобы военные свидетельствовали против самих себя...

Холройд говорит об операциях специальной авиационной службы — британских командос — убийства, взрывы, провокации. Операции проводились в те самые дни, когда правительство напрочь отметало всякие подозрения в том, что эта служба дислоцируется в Северной Ирландии. Командос переделали в форму инженерных войск, многие были в штатском. Из свидетельств Холройда мы узнаем, что разведчик капитан Роберт Нейрак обращался к нему за консультацией «относительно объектов разведки», не скрывая при этом, что действует по приказу спецслужб. Через несколько дней Нейрак сказал Холройду, что застрелил Джона Грина, известного республиканца, и в доказательство показал цветную фотографию трупа.

Убийство Грина произошло не в Ольстере, а на территории Ирландской Республики, в другом государстве. Спецслужбы, замечает Холройд, границы не признавали. Не признают они ее, заметим, и сейчас. Весной прошлого года посол Британии в Дублине принес официальные извинения правительству Ирландии. За что и почему извинялся посол? Причина этого редчайшего шага в том, что в

ходе судебного процесса в Белфасте стало известно — сотрудники специальной команды ольстерской полиции под кодовым наименованием «Е4А» пересекали границу с Ирландией и действовали на территории республики. Вот каковы были их задачи: офицер специального подразделения Дж. Робинсон остановил на границе машину, где находились католики Ш. Гру и Р. Карролл. Британский агент расстрелял безоружных людей.

На этот раз британский посол извинялся... Но никаких извинений, как и никаких разъяснений, не последовало после сообщений о серии взрывов в Ирландии, о слежке за ирландскими политическими и общественными деятелями. И во взрывах и в слежке обвинялась британская разведка. «Разведслужбы Лондона, — пишет газета «Айрринг таймс», — ведут солидные досье на политических деятелей Ирландской Республики. Заслуживающие доверия люди сообщают, что английские спецслужбы имеют своих осведомителей не только во «временной» ИРА, но и в полиции, в армии и правительственных учреждениях. Они занимаются также подслушиванием телефонных разговоров в Ирландской Республике».

Бывший капитан Холройд присутствовал на совещаниях, где обсуждалось, сколько платить наемным похитителям за «транспортировку» людей из Ирландии в Ольстер — от 500 фунтов стерлингов «за голову» и выше. Жертву оглушали, связывали, заталкивали в мешок и в багажнике автомобиля увозили в Северную Ирландию. Здесь захваченных арестовывали, а потом бросали в концлагерь.

Среди описанных Холройдом армейских трюков — подделка журналистских удостоверений. Прикрываясь ими, солдаты фотографировали марши протеста, собирали информацию в католических районах. Холройд впервые столкнулся с практикой изготовления фальшивых документов, когда Эрик Холлис, офицер разведки при штабе 3-й бригады, попросил его о помощи — не знал, как написать по-французски слово «международный». Холлис показал Холройду изготовленное в штаб-квартире войск удостоверение репортера парижского агентства «Интернешнл пресс федерейшн» и объяснил, что оно «будет использовано для подрывной работы».

Фабрикация журналистских удостоверений выглядит певчиной забавой рядом с такими операциями, как «крушение поезда». Холройд был в полицейском участке в Портадауне, когда там обсуждалось, что делать с почтовым

поездом Дублин — Белфаст, остановленным боевиками «временной» ИРА. В совещании участвовали капитан Питер Мейнард с группой взрывников, Тони Болл и Роберт Нейрак из САС, оба в штатском. Официальная версия того, что произошло в последующие часы, гласила: террористы отцепили локомотив и, начав состав взрывчаткой, пустили его на максимальной скорости в сторону Белфаста. Дойдя до Портадауна, поезд сошел с рельсов и врезался в жилые дома католического района. На самом же деле, говорит Холройд, «поезд был остановлен еще до того, как он дошел до Портадауна, но потом его пустили снова, чтобы осуществить запланированную разведкой акцию». Ее участники рассказали Холройду, что «специально дали поезду сойти с рельсов, чтобы преподать урок католикам». Офицеры разведки знали, что в вагонах нет бомб, но жителей улиц, примыкающих к железной дороге, эвакуировали под предлогом неминуемого взрыва. Вечером того дня телевидение сообщило о «героической акции армии по спасению гражданского населения». Кстати, все то время, пока дома были оцеплены солдатами, в них шли обыски. Запертые двери взламывались командой, прошедшей специальную подготовку. После разоблачений Холройда полиция подтвердила: да, армия занималась взломом квартир...

И не только квартир. Во время службы в Ольстере Холройд действовал в контакте с подразделением секретной службы, шефом которой был Крейг Смелли. Вскоре после первой же их встречи Смелли спросил Холройда: «Не интересуют ли вас ограбления банков?» Речь шла не о расследовании ограблений, а об участии в них. Налеты на банки, считает Холройд, были вызваны либо желанием пополнить «неофициальный» фонд, из которого секретная служба оплачивала свои операции и работу тайных агентов, либо «необходимостью контролировать работу братьев Литтлджонов».

В деле англичан Кеннета и Кейта Литтлджонов уголовщина замешана на политике. Оказавшись под судом за ограбление банка в Ирландии, братья-разбойники признались, что были платными агентами английской разведки. Именно по ее заданию они совершали ограбления, устраивали диверсии. Для чего? Для того, чтобы подозрения пали на Ирландскую республиканскую армию, на движение в защиту гражданских прав. Английское правительство заботилось о том, чтобы расследование этого дела велось втайне. Литтлджонам так и не удалось добиться публичного слушания своих показаний о том, как после встречи в

Лондоне с Джеффри Смитом, в ту пору парламентским заместителем министра обороны, они были завербованы агентами английской разведки. Сотрудничество братьев с чиновниками военного ведомства, направлявшими их действия, было столь тесным, что, по словам Литтлджонов, последняя встреча Кеннета с одним из них состоялась в кабачке «Мистер Фогг» на Пикадилли всего за четыре часа до ареста.

Братья, однако, не сразу решили открыто заявить о причастности английского правительства к их делу. Лишь три недели спустя после своего признания они уполномочили адвоката изложить их показания в суде. В своем последнем слове Кеннет Литтлджон под присягой впервые за время процесса рассказал суду об агенте спецслужбы Дугласе Смите, предложившем Кеннету действовать в роли провокатора. По словам Кеннета, Дуглас Смит дал ему телефон инспектора Синклера. «В случае моего ареста в Англии,— рассказал Кеннет,— я должен был позвонить ему, и меня через пару часов отпустили бы. Я думал, что все так и произойдет, а вышло иначе. Дуглас Смит разрешил мне стрелять в бойцов ИРА и даже в английских солдат и сказал, что, пока я нахожусь на территории Англии, мне ничто не грозит».

Кеннета Литтлджона суд приговорил к двадцати годам тюрьмы, Кейта — к пятнадцати. Когда братьев выводили из здания суда, они кричали: «Спасибо тебе, Англия! Нас предали!» и «Спросите лорда Каррингтона, что он думает об этом!» Уже за решеткой они предупредили — если Каррингтон не предпримет шагов на высшем уровне для их освобождения или сокращения срока наказания, то они расскажут «всю правду до конца». Но торы в этот момент проиграли выборы, и апеллировать стало не к кому. Братья решили бежать.

И бежали удивительно, вернее, подозрительно удачно. Во время вечерней прогулки во дворе дублинской тюрьмы «Маунтджой» группа заключенных затеяла драку. Пока надзиратели их разнимали, кто-то перекинул через тюремную стену веревку, и двое узников, мгновенно вскарабкавшись по ней, исчезли. Говорили, что братьям помогли те самые люди, которые нанимали их для грязной работы и «мокрых дел». Кейт, едва вдохнув воздух свободы, решил слобрить его пинтой пива в первой же пивной. Там его и взяла полиция. Кеннету же удалось скрыться, и арестован он был лишь через девять месяцев в Бирмингеме.

Свой тюремный срок Литтлджоны не досидели — через

девять лет их выпустили, как было объявлено, «на основе уважения принципов гуманизма». Едва оказавшись на воле, братья вновь заявили: «Нас предало британское правительство».

«История братьев Литтлджонов — даже в том виде, в каком сообщило ее правительство, — действительно заслуживает критики, — писала «Санди таймс». — Грубейшая ошибка, несомненно, состояла в том, что министр обороны лорд Каррингтон пошел на такой большой риск огласки, когда позволил старшему Литтлджону встретиться с парламентским заместителем министра, а не с профессиональным сотрудником службы безопасности. Министры, несомненно, должны весьма пристально наблюдать за политической стратегией операций службы безопасности, однако они не должны вербовать агентов. Операция вызывает также некоторые сомнения в мудрости лиц, ответственных за разведывательную службу в целом. Служба безопасности не может себе позволить быть слишком разборчивой в отношении своих осведомителей, но с уголовными преступниками следует держаться чрезвычайно осторожно». Газету печалит неумение официальных лиц прятать концы в воду...

Рассказывая о провокациях «томми», английская пресса намекает читателям, что провинцией вроде бы правит армия, а не Лондон и его представители. Это та самая полуправда, что хуже лжи, попытка списать ответственность с тех, кому в конце концов армия подчиняется, кто санкционирует посылку в Северную Ирландию все новых и новых контингентов войск. Армию поругивают за то, что она действует недостаточно тонко, а точнее, топорно, попадая впросак со своими взрывами, масками, стрельбой из бандитских автоматов. Но ведь ясно, что подобная тактика может утвердиться лишь тогда, когда есть уверенность в безнаказанности за взрывы и стрельбу.

«Пять методов дознания»

Система интернирования — заключения в тюрьмы без суда и следствия — была введена в Северной Ирландии в августе 1971 года для того, чтобы запугать население католических гетто, убедить его в том, что террор может обрушиться на каждого. Но, как стало ясно потом, британская армия решила при этом и другую задачу — она приступала к эксперименту по отработке методов психического давления на



заклученных. Военные готовились к нему загодя — за несколько месяцев до массовых арестов специальные инструкторы стали обучать полицию новой технике допросов, началась организация «центров дознания».

— Они натянули на голову мешок, — рассказывал мне Майкл Монтгомери. — Принялись бить об стенку. Потом стали тянуть за ноги в разные стороны. Куда-то поволокли, сняли мешок, включили электролампу. Она, как бритва, резала глаза. Поставили лицом к стене: «Упрись руками. Не двигайся!» Шел час за часом. Начались галлюцинации, мерещилось, что рядом, прижавшись к стене, сидят жена и дети. Меня ни о чем не спрашивали — только пытали...

Майкл Монтгомери — один из тех, на ком отрабатывались «пять методов психического давления» — мешок на голову, шум, лишение сна, воды и пищи, приказ часами стоять неподвижно, упершись руками в стенку. Об этих методах и шла речь на судебном процессе в Страсбурге «Ирландия против Великобритании», где британским властям было предъявлено обвинение в нарушении Европейской конвенции прав человека. Майкл Монтгомери был одним из свидетелей, а точнее, истцов на этом процессе.

Джон Макгаффин, сам прошедший через эти «пять методов», пишет в книге «Подопытные свинки», что поведение солдат в первые после ареста дни, «поведение, которое задержанные расценили поначалу просто как садизм, оказалось армейской политикой». Кого-то из арестованных освободили, большинство отправили в тюрьму, но главными действующими лицами этой операции были «подопытные свинки». Их отделили от прочих узников, надели наручники, нахлобучили на головы капюшоны. Этих людей отбирали не потому, что о них было что-либо известно, как о «террористах». «Селекция» группы из двенадцати человек, к которой затем были присоединены еще двое, шла по географическому принципу — провинция была поделена на три части, по четыре человека были взяты из каждого района — Белфаста, графств Даун и Арма, Дерри и Тирон.

Пэдди Макклину, например, при допросе сказали, что «его избрали, так как им нужен был кто-то из района Ома». «Виноват ты или нет, — считает Макклин, — не имеет значения. Они знали, что некоторые из нас были совершенно пассивны — их интересовала наша реакция на стресс, наступающий в результате психического давления». Почти все «подопытные» были молоды и хотя имели опыт обыс-

ков и допросов, но ни к кому из них не применялись методы «психического давления». Им надо было продержаться под пытками восемь дней.

Все отобранные для экспериментов были раздеты, осмотрены врачами, сфотографированы. На них вновь надели колпаки и поставили у стены: «Упираться кончиками пальцев, ноги широко расставить». 24 часа они не ели и не спали, их избивали и оглушали ревом магнитофона. Один из «подопытных» Пэт Чиверс, шаг за шагом, пачиная с ареста, описал эти допросы. Его показания засвидетельствованы врачом Б. Макгротом.

«Пять утра, — пишет Чиверс. — Стук в дверь. Встал, открыл. Солдаты, шесть-семь человек, толпились вокруг дома. «У тебя пять минут на одевание». Посадили в джип. Я не знал, куда везут. Допрашивали в Белликелли. Привели кого-то, укрытого одеялом с двумя прорезями для глаз, он должен был подтвердить мою личность. Собрали в большой зал, там были и другие задержанные. Посадили в автобус, привезли в бараки. Встретили еще около тридцати арестованных. По шесть человек вызывали поесть. После еды два детектива занялись допросом. Спрашивали — был ли в ИРА, есть ли оружие. Рассортировали по разным баракам. По семь человек в каждой камере. Я заглянул в глазок — солдат уставился на меня, спросил, сколько военных я застрелил. Полицейские в форме вокруг барачков, смеются — в хорошем настроении. По-видимому, говорят что-то о нас. Появилось нехорошее предчувствие, стало не по себе.

Легли. Свет горел. С наступлением ночи солдаты и полиция стали сильно шуметь. Стучали дубинками по стенам барака, чтобы испугать нас, не дать уснуть. Спать я не мог. Шум продолжался до утра. Услышал шотландский акцент: «Встать!» Встал, оделся. Повели в столовую. Горох, сосиска и хлеб. Отвели обратно. Услышал шум вертолета, севшего неподалеку в поле. Из него вышли шесть человек в штатском, вытащили четыре голубых мешка и надели на нас. Дышать стало трудно. Освободили от наручников, связывавших всех нас одной цепью, надели на каждого наручники индивидуальные. Бегом по полю к вертолету. Взлетели, потом где-то приземлились. Бросили в стоявший рядом грузовик. Тот прошел около 100 ярдов. Вытолкнули из машины — мешки все еще были на голове, — ввели в какое-то здание. Раздели, врачебный осмотр. Мешки все еще не снимают. Положили на постель, снова осмотрели. Надели армейский халат. Отвели в комнату.

Шум, словно работает компрессор, громкий, оглушительный.

Руки на стену, ноги врозь. Голова в мешке откинута. Так продолжалось 12—14 часов, пока не потерял сознание. Начал горячо молиться. Рот высох. Слюны не было. Пульс упал. Подумал о сыне, умершем в шестимесячном возрасте. Начал молить бога, чтобы дал мне силы не сойти с ума. Еще несколько раз упал. Рывком поднимали снова. Так продолжалось два или три дня. Я потерял чувство времени. Без сна, без еды. Знаю, что терял сознание несколько раз. Но на какое время? Однажды показалось — я умер. Мешок по-прежнему был на голове. Я не говорил, только громко молился. Все время шум. Потеряв в очередной раз сознание, почувствовал, что кто-то ворочает меня, чтобы усилить циркуляцию крови. Подняли и снова поставили к стене с поднятыми руками. Поволокли в другую комнату с мешком на голове, кто-то спросил, хочу ли я что-нибудь сказать. Руки снова на стену, пока не потерял сознание и не упал. Снова поставили, затем вывели и бросили в грузовик. Услышал шум вертолета. Не знаю, сколько времени вертолет был в воздухе. Опять из вертолета втолкнули в грузовик.

Вывели из грузовика и заставили бежать вроде бы по гофрированному железу. Били головой о стенку. Посадили в кресло, сняли мешок с головы. Первое, что увидел, — полицейский офицер, две звезды на плече. Мог бы узнать его и теперь. За ним сидел секретарь в штатском. Когда он увидел меня, на лице его отразился ужас. Вероятно, я выглядел страшно. Я пытался говорить, но смог только прошептать: «Почему вы это делаете со мной?» Человек, стоявший за мной с мешком, дернул за волосы, сказал: «Говори громче, тебя не слышно». Зачитали бумагу об аресте. Я взял ее, глаза затуманились, не мог читать. Снова потянули на голову мешок. Заставили бежать. Втолкнули в грузовик. Там был кто-то из военной полиции. Он бил меня ботинком по ребрам и коленным чашечкам, по лицу.

Снова вертолет, снова грузовик. Ввели в комнату, где все гудело от шума. В ту, где я уже был. Ноги врозь, руки вверх, на стену. Стал слабеть. Ничего не ел много дней, но не чувствовал голода. Сбился в счете дней. Руки одеревенели. Потерял сознание. Лежал на спине, руки, ноги омертвели. Сняли мешок с головы. У стола сидел детектив из специального отдела полиции с чашкой воды. Я выпил впервые за четыре-пять дней. Начали задавать вопросы. Не мог отвечать. Голос пропал. Я был почти в истерике.

На губах выступила пена. Он рассердился, велел говорить. Начал спрашивать об ИРА и складах оружия. Я об этом понятия не имел.

Я уже был на пределе. Все мое тело, руки, ноги начали дрожать. Я снова потерял сознание. После этого доктор завернул меня в одеяла. Потащил в комнату, оказавшуюся хирургической. Я лежал там и трясся. Доктор проверил пульс. Заволновался, дважды измерил давление. Что-то положил мне в рот. Я подумал, что это лекарство, и выплюнул. Второй раз он сказал: «Держи это во рту, я всего лишь измеряю тебе температуру». Он говорил с английским акцентом. Мешок наполовину покрывал мне голову, я не видел доктора. Дали кружку с горячей жидкостью. Заставили выпить. Отнесли в другую комнату, положили на пол. Я начал страшно потеть, не мог спать. Тело болело. Мешок все еще был на голове. Не помню, сколько я так пролежал. Подняли, повели на допрос.

Теперь допрос вел другой детектив. Спрашивал о гражданских правах, о моих политических взглядах, о том, за кого я голосовал на прошлых выборах в Стормонт. Настаивал на моей принадлежности к одной из групп ИРА. Вывели. Надели мешок и — в камеру. Сел на пол. Ни мебели, ни одеял. Дремал, дрожа от холода, не помню, сколько времени. Снова пришел следователь. Спрашивал о моем отношении к религии, о детях, о жене, о друзьях. Предложил сигарету, я взял. Снова отвели в камеру, положили на матрац. Немного полежал. Снова вывели на допрос. Потерял счет допросам. Следователь говорил, что все мои друзья — члены ИРА. Я сказал, что не доверяю врачу, который допустил все эти ужасы, и хотел бы показаться другому медику. У меня было такое ощущение, что я превратился в развалину.

Ночью я не спал. Утром меня побрили, умыли, смыли помера на руках и ногах. Отвели в камеру. Принесли одежду. Отняли ремень. Брюки не держались на мне — я похудел. Сказали, чтобы я ходил по камере для лучшей циркуляции крови. Я был очень слаб. Снова пришел следователь, надел мне на голову мешок. Отвели в другую комнату, сфотографировали сзади и спереди. Отвели в камеру. Потом снова — мешок, грузовик, вертолет. Около часа в вертолете. Затем — полицейский джип. Провели в какую-то комнату, снова взвесили. Я спросил у доктора, какое сегодня число. Оказалось я провел под следствием восемь дней. Теперь я в тюрьме».

Через три года Патрику Чиверсу была назначена ком-

пенсация — 15 тысяч фунтов стерлингов. Это была плата за роль «подопытной свинки». Деньги предложили и всем другим из первой партии по опробыванию «пяти методов дознания». Означала ли эта «компенсация» признание вины проводивших опыты? Об этом власти и не заикались. И опять, как при «возмещении ущерба» жертвам «Кровавого воскресенья», получалось, что никто не был виноват — ни жертвы, иначе бы им не платили, ни истязатели, иначе бы их надо было наказывать, а этого Лондон делать не собирался. Такова британская политическая традиция — параллельно с большим произволом вершится маленькая, ничтожная «справедливость»: вы пострадали, мы вам заплатили за страдания. Выглядит, как изощренное издевательство. И все же это нечто другое. Здесь вера в то, что «компенсацией» в фунтах стерлингов можно решать любые проблемы. Чиверса изувечили и унизили. Потом сами же, подсчитав, сообщили, во сколько это ему обошлось...

Страсбургский вердикт

Британские методы дознания приводили к ухудшению слуха, зрения, осязания. Лишение мозга сахара и кислорода вело к потере чувства времени и пространства, некоторые узники не помнили своего имени. Профессор Роберт Дейли сказал, что у всех из обследованных им двадцати человек, побывавших в руках «сил безопасности», были признаки различных психических и физических расстройств. Проводя аресты среди ночи, избивая и унижая задержанных, фотографируя их голыми, запрещая им посещать туалет, истязатели добивались ослабления психологической защиты, стремились внушить им чувство ужаса. Физиологическое состояние организма ухудшалось из-за нехватки калорий, переохлаждения, недосыпания. «Это был заранее запланированный комплекс мер, цель которых — временный психоз, временная невменяемость, которые имели, однако, длительные последствия, — считает Дейли. — По прошествии года эти люди все еще нуждались в медицинской помощи».

И все же «пять методов» — всего лишь схема. После того как ее отработали на «подопытных свинках», она постоянно дополнялась и модернизировалась. Мартин Мухаммад солдаты привязали к креслу и прокалывали руки стальными спицами. «Я чувствовал боль, — говорит он, — не в руках, а в мозгу». У Оуэна О'Нилла оказалось на те-

ле более ста рубцов: солдаты жгли его сигаретами. «У меня ключьями вырывали волосы, били погамн в пах и живот,— заявил он,— а когда меня вырвало, следовательно собрал с пола рвоту и запихал мне ее в рот».

Шон Маккин говорил мне, что после обычной «обработки» попросил вызвать врача.

— Когда он пришел, я уже не мог двигаться. «Доктор» спросил: «Вы заболели?» Я ответил: «Нет, меня избили». — «Где болит?» — задал он вопрос. Я показал на живот и на челюсть. Он попросил приподнять рубаху. Когда я сделал это, «доктор» ударил меня сначала в живот, а потом в челюсть и крикнул: «Вот лучшее лекарство для такого ублюдка, как ты!»

Кевину Хенневею пришлось пройти через «вертолетную обработку» — вертолет поднялся в воздух, а через некоторое время Кевина сбросили на землю. Только тогда он узнал, что машина была всего лишь в метре от земли. Френсису Макбрайду следователи дали чашку «чая», и вскоре у него начались галлюцинации. О том же свидетельствуют два других арестованных — Тони Кили и Том Кернс, их тоже избили, а потом напоили «чаем». Кили утверждает, что у него кружилась голова, он был не в состоянии мочиться, страдал от сухости во рту — симптомы от принятия сверхдозы возбуждающего препарата.

Священники Д. Фоул и А. Мюррей зафиксировали «двадцать методов пыток, использованных в бараках Холливуда и Гервуда». Уже известные нам методы дополнены ударами по почкам, в пах, «поджариванием» над электрокамином, выкручиванием рук и пальцев. Арестованным делали инъекции, подвергали электрошоку, их жгли спичками и свечами. Есть среди этого перечня и «психологические» пытки — холостые выстрелы в упор, избиения в темноте, допросы, при которых следователь появлялся с маской на лице и в хирургической одежде. На узников плевали, на них мочились, их заставляли лизать унитазы, носить одежду без подтяжек и поясов, их стригли наголо «в целях гигиены».

О пытках, которым подверглись арестованные сразу после интернирования, и шла речь в Европейском суде защиты прав человека. Дело «Ирландия против Великобритании» составило 14 томов показаний 228 узников, прошедших через истязания в ольстерских «центрах дознания».

У этого дела долгая, слишком долгая история. Жалоба

Ирландии была направлена Европейской комиссии по правам человека еще в 1971 году. Потребовалось пять лет, чтобы провести расследование, подтвердившее: «Великобритания нарушила статью 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод», статью, запрещающую «пытки, бесчеловечное и унижительное обращение с заключенными». Подписывая в 1950 году эту конвенцию, тогдашний английский генеральный прокурор Шоукросс заметил: «Во всем, что касается прав человека, британские законы впереди законов большинства других государств». Прокурор оказался пророком наоборот: Британия первой среди участников конвенции была усажена на скамью подсудимых.

Европейская комиссия по правам человека, готовившая материалы для суда, пришла к выводу — в армейских и полицейских бараках Ольстера заключенных пытаются. Основываясь на собранных комиссией материалах, суд защиты прав человека дважды — в феврале и апреле 1977 года — проводил открытые разбирательства. А в 1978 году мне довелось присутствовать при чтении заключительного вердикта Европейского суда его президентом Джорджио Паллиери. Тринадцатью голосами против четырех было решено, что методы допроса арестованных в Ольстере следует квалифицировать не как пытки, а как «бесчеловечное и унижительное обращение». Суд не увидел также нарушения европейской конвенции в заключении под стражу без суда и следствия, снял вопрос о наказании виновных в истязаниях. Такое отношение суда к ответчику — Великобритании — позволило английскому правительству отмолчаться по поводу страсбургских решений.

И вот результаты. Если накануне суда Европейская комиссия по правам человека принимала жалобы граждан Северной Ирландии на заключение в лагеря и тюрьмы без суда и следствия, то теперь, после того как интернирование не было сочтено противозаконным, комиссия стала отвергать подобные заявления. К тому же после Страсбурга североирландские «силы безопасности» принялись опробовать новый метод борьбы с жалобами на истязателей. Протестующим предъявляют встречные обвинения в «подаче заведомо ложных заявлений». Делается это для того, чтобы запугать недовольных, отбить у них охоту защищаться от произвола. В итоге судебный процесс, призванный, как уверяли его устроители, содействовать разрешению ольстерского кризиса, лишь еще более его углубил.

Сняв обвинение Англии в пытках, суд выдал индульгенцию истязателям.

«Такие скандалы, вроде разоблачения практики пыток и издевательств в Ольстере, только потому и возможны, — писал парламентарий-лейборист Том Литтерик, — что мы снизили наши стандарты законности, потому что мы толкуем эти стандарты в пользу полиции и армии. Толкуем так, что полиция и армия чувствуют себя вправе делать все, что им заблагорассудится, с теми, кто попал в их руки. Полиция и армия превратились в нечто вроде одетой в форму и обложенной официальными полномочиями линчующей толпы, решающей, кто виноват и какому наказанию подлежит. Они делают все это от нашего имени».

Линчующая толпа продолжала линчевать и в те самые дни, когда в Страсбурге заседал Европейский суд, и после вынесения вердикта.

В одном из белфастских судов слушалось дело Чарльза Моргана — безработного католика. Я видел, как подсудимый снял всю в пятнах крови рубашку. На его теле не было живого места, оно было покрыто ссадинами и сипяками. О том, как его допрашивали в полицейском участке, рассказывается в заявлении Моргана, с текстом которого меня ознакомил адвокат Патрик Маринен. В участке на Спрингфилд-роуд Чарльза встретили двое в штатском с палками в руках. Они не назвали своих имен, не задали ни одного вопроса, не сказали, в чем Морган обвиняется. Его избили, потом повезли в Каслри — специальный центр, где ведутся расследования. И вновь никаких обвинений предъявлено не было. Моргану велели прислониться спиной к стенке и присесть, полусогнув ноги в коленях. Через несколько минут он упал. Подняли его за волосы. Повторялось это несколько раз и сопровождалось ударами в лицо и в живот. Потом детективы положили Моргана спиной на сиденье стула так, что ноги и голова касались пола. Один держал за ноги, другой ударял ребром ладони по животу и груди. Длилась эта процедура минут двадцать, а потом Моргана били головой о стенку, приговаривая: «Ты здесь помучаешься, ублюдок». «После этого, — пишет он в заявлении, — я сказал, что подпишу все, что от меня требуют. Детективы сочинили какой-то текст, и я подписал не читая. Но через два часа пришли два других человека, назвали меня лжецом, составили новую бумагу, которую я тоже подписал. Потом они стали обвинять меня в угоне автомобиля, в устройстве взрыва, в покушении на солдата, и я все это «признавал». Я боялся, что меня снова начнут

пытать. На самом деле я не совершил ни одного из этих преступлений».

Так Чарльза Моргана пропускали через мясорубку дознания. Не было следствия, не было вещественных доказательств, не было очных ставок. Было желание вырвать признание в вине, никем и ничем не доказанной. Уже после Страсбурга, по данным юридического факультета Белфастского университета, 94 процента судебных дел, разбиравшихся в ольстерских судах, кончались присуждением тюремных сроков. От 70 до 90 процентов этих приговоров выносилось на основе «признаний арестованных, добытых в результате допроса силами безопасности». После того как Брайан Фолкнер, последний премьер-министр провинции, погиб, когда его лошадь споткнулась на охоте, в Белфасте ходила шутка — лошадь призналась на допросах в Каслри еще в двух убийствах и трех взрывах бомб...

О том, как выбиваются признания из арестованных, рассказали сами... представители полиции. «Однажды я осматривал человека, только что признавшегося в совершении преступления, — заявил полицейский хирург из Белфаста доктор Роберт Ирвин. — На его теле было свыше сорока ран, синяков и кровоподтеков. Следователи сказали мне, что все эти ушибы и раны арестованный нанес себе сам. Мне приходилось осматривать заключенных, у которых от ударов кулаком лопались барабанные перепонки. Я видел людей, у которых пальцы на руках были искалечены каблуками. И во всех этих случаях полицейские говорили мне, что арестованные сами себе нанесли увечья... Таких случаев я мог бы насчитать сто пятьдесят — сто шестьдесят».

Разоблачения Ирвина публично поддержал его коллега, другой белфастский медик — Джон Хендрон.

— Людей избивали потому, — говорил он мне, — что хотели любой ценой добиться нужных «силам безопасности» признаний. Избивали невинных...

Об истязаниях в ольстерских застенках заявлял и Джек Хассард, один из деятелей гражданской организации, контролирующей работу полиции. В докладе правительственной комиссии, созданной после обнародования Робертом Ирвином его показаний, говорилось, что зарегистрированы сотни жалоб на детективов ольстерской полиции.

Не потому ли, что страсбургский суд не решился пытки назвать пытками, не потому ли, что никто из заплеч-

ных дел мастеров под суд не попал, истязания в «центрах дознания» продолжаются? Осенью 1984 года Джон Хьюм, депутат английского парламента, и Ричард Бэлф, член европейского парламента, заявили: ольстерская полиция и британские спецслужбы пытаются арестованных католиков. Пол Каруана был арестован по «закону о борьбе с терроризмом». Никакого обвинения ему официально предъявлено не было, но добивались от него признания в убийстве полицейского. Как добивались? Начали с того, что избили, потом стали выкручивать руки, один из следователей плевал Каруана в лицо. Затем на голову допрашиваемого надели пластиковый мешок. Он стал задыхаться. Процедуру повторили несколько раз. Доктор Дермот Наджент, осматривавший Каруана сразу же после его выхода из «центра дознания», отметил, что «особые усилия прилагались допрашивающими, с тем чтобы причинить арестованному как можно более сильные страдания, не оставив при этом следов».

Ирландский тигель

Восемьсот лет назад Британья начала завоевание соседнего острова. Еще в 20-х годах нашего века английские солдаты, наследники того самого Джеймса Ормонда, который «наносил вред, убивал и сдираал кожу», стреляли по повстанцам в Дублине. И сейчас льется ирландская кровь.

Шеймас Хини, один из крупнейших поэтов сегодняшней Ирландии, говорил мне:

— У нас, ирландцев, всегда была генетическая, народной памятью воспитанная сопротивляемость британскому гнету.

Я видел пожелтевший от времени плакат. В 20-е годы он висел на стенах дублинских домов. «Почему они погибли?» — спрашивал заголовок, а затем шли имена тех, кто «выступал против иностранного засилья», кто «противился грабежу Ирландии», кто «боролся против ее раздела». Отсчет начинается с даты смерти Брайана Бора — 1014 год, затем идут Шон О'Нил — 1567 год, Уолф Тон — 1789 год, Томас Эши — 1917 год. Перечислено 17 имен. Под списком слова: «Они погибли за освобождение старейшего политического заключенного в мире — Ирландии». Список 20-х годов современность продлила именами Бобби Сэнды и тысяч других жертв.

Ну а англичане? Ведь им не избежать было плавильного котла, в какой завлекло их покорение Ирландии. В журнале «Санди таймс мэгэзин» в статье об английской армии в Ольстере написано, что солдат хотел бы выглядеть здесь «фигурой, на которую не проецировалось бы прошлое», история. То, что у солдата возникает такое желание, что он бежит от прошлого, уже само по себе знаменательно, хотя журнал эту проблему обходит. Однако констатирует, что избавиться от прошлого, к великому сожалению, не удастся — «ирландцы навязывают солдату ощущение исторической вины».

Да, навязывают. Ясно, что не в вольной дискуссии, а самым видом своих разрушенных улиц, нищетой католических гетто, зарубками в родословной чуть ли не каждой семьи, тем, как относятся к оккупантам, какими глазами на них смотрят. «Люди на улицах не смотрят на солдат прямо, — нашел я в одной из газет, — они глядят на них уголками глаз, боковым зрением». Строчки об «исторической вине» я вспомнил, когда Деннис Фоул говорил мне:

— Англичане не могут не страдать от комплекса вины за свои прежние и нынешние преступления перед Ирландией. Они разрушили нашу экономику, нашу культуру, лишили нас родного языка. Они видели и видят в ирландце всего лишь дешевую силу для английской индустрии. Они унижали и оскорбляли нас всегда...

Фоул, человек благородный, наделяет англичан комплексом вины. Но нет такого комплекса у капитана Кларка, нет его у тех, кто пытается в «центрах дознаний», нет его у политиков, ничего не сделавших для прекращения кровавого конфликта. Английский же обыватель заслонился от ирландских жертв равнодушием, презрением, ненавистью. Виноватыми за чужие грехи, за саму принадлежность к Британии считают себя те англичане, которые в Лондоне выходят на демонстрации протеста против армейского террора в Ольстере. На юбилей «Кровавого воскресенья» приезжают в Северную Ирландию сотни людей. Студент из Манчестера прошел весь путь до Дерри пешком.

— Пусть люди знают, — сказал он, — что есть другие англичане, что мы вместе скорбим по погибшим.

Письмо 14-летней Николы Бодрис из Лондона в газете «Дейли мейл»: «Мы ужинали, когда по телевизору стали передавать программу новостей. В Северной Ирландии, услышали мы, взрывом убит человек. Ну а что на самом-

то деле нового на белом свете?» — произнес кто-то. Я заметила: никто не перестал есть. «Тебе еще немного фасол, Никола?» Является ли исключением наша семья? Думаю, что нет. Когда смерть ничего не стоит, то и жизнь начинает терять часть своего смысла». Можно представить, каким взглядом смотрела Никола на жующие рты... Через несколько месяцев в той же газете и в том же разделе я увидел другое письмо: «Мне почти пятнадцать лет, и половину своей жизни я провела в Ольстере. В восемь лет я видела кровавые сцены и такое несчастье, какое, надеюсь, никто из ваших читателей не испытал. Сегодня я прочитала о взрыве в центре города. Возможно, о нем упомянут в программе «Новости в 9 часов», если под рукой не окажется «ничего лучше». Вы не можете вообразить наш гнев, когда мы слышим, как английские журналисты говорят, что ситуация в Ольстере уже всем наскучила. Если бы такой журналист находился в доме, когда от взрыва все в нем ходит ходуном, вряд ли ему было бы скучно». Без подписи. Почему? В Белфасте такой вопрос никто бы не задал. Здесь знают, что публикация подписи и адреса может закончиться тем, что все в доме будет «ходить ходуном» — бросят бомбу, обстреляют.

В Белфасте в газетном киоске я увидел сборник «военных» стихов Пола Йэтса. Стихи о здешней, полной смертей и страха жизни. Редкая книжка. Музы молчали, когда солдаты стреляли в демонстрантов, а бомбы рвались в универмагах. Пол Йэтс молчать не смог. Есть у него стихотворение «Найден убитым во время выпуска теленовостей». Вот его, не передающее, конечно, напряженного ритма, горько иронической интонации, изложение: «Он еще истекал кровью, но умер очень вовремя, именно тогда, когда требовалось. Телекомментатор в тот момент мучился отсутствием горячих новостей, а этот человек, умерев, дал ему возможность оживить передачу, а также пригласить политиков для дискуссии по сему поводу, и потому телезрители вынули свой чай не просто так, а с удовольствием».

Я разыскал Пола Йэтса. «Красивый двадцатитрехлетний», с трагичными, как у Маяковского, глазами.

— Прежде я никогда не писал таких стихов, — рассказывал он мне. — Слагал строчки вроде — «поцелуй, как клубника, раскусанная надвое». Но то, что происходило вокруг, все более тяжело давило на меня. Убийства. Взрывы. пытки... Насилие было всюду. Оно облепило всех нас, как мокрая одежда в дождь. Заявления политиков были столь же бесполезны, как предупреждения на сигаретных

пачках о вреде курения: «Правительство ее Королевского Величества предупреждает — терроризм вреден для вашего здоровья». Ну а пресса и телевидение старались анестезировать, притупить наше отношение ко всему этому ужасу. Наступило время, когда я уже не мог писать о поцелуях и клубнике. Толчком был тот день, когда в Белфасте произошла серия взрывов. Я был на пылающей автобусной станции, рядом со мной, облитый бензином, горел обрубок человеческого тела. Я не мог не написать об этом. Я должен был отказаться от всяких литературных эффектов, такая поэзия должна быть прямой, обнаженной...

«Нет,— говорил он в том первом «военном» стихотворении,— то, что я видел, не было всего лишь частью человеческого тела. Это было нечто вероломно похищенное у человека. Я пытался вообразить себе вора, пытался представить, как он курит, ест, пьет, поглаживает себе лицо. А тот, убитый? К несчастью, никто еще не сочинил таких поэм, которые бы по кусочкам собирали разорванных бомбой людей...» Стихи Йэтса — крик, нет, вопль отчаяния. Он пишет о том, как, услышав предупреждение о взрыве, почувствовал себя «разбитым окном, в которое хлещет ливень», рассказывает о разбомбленных «голодных улицах со ртами, полными кирпичей», о грустном маленьком клерке, которому никто никогда не слал рождественских посланий, а когда наконец тот получил красивый пакет, он оказался начиненным взрывчаткой...

В письмах из Лондона и Белфаста, в стихах Пола Йэтса есть общее — все они говорят о теленовостях. Почему это для них так важно? Потому что изображение ольстерской драмы оскорбляет их. Потому что такое изображение стало частью самой этой драмы. Сейчас, по прошествии многих лет после разгона первых демонстраций в защиту гражданских прав, можно сказать, что тему кризиса постепенно убили, доконали обманом, расчетливой мелкотравчатостью, дешевыми сенсациями. Поначалу, когда в Ольстере пролилась первая кровь, когда стали рваться первые бомбы, средства массовой информации отразили состояние шока, состояние того политического дискомфорта, в каком оказалась правящая Британия. Когда кризис зрел, пресса не ощущала его подземных толчков, когда он разразился, она с удивлением обнаружила, в условиях какой политической, социальной, экономической дискриминации существует католическое меньшинство провинции. До исследования глубинных причин этой дискриминации, причин движения за гражданские права мало, очень мало кто по-

желал докапываться, да ему и не позволили бы, даже если бы и пожелал.

После того как полиция дубинками разогнала первые марши протеста, напуганный масштабом и накалом схваток в Ольстере Гарольд Вильсон, тогдашний премьер, заговорил о реформах. В то недолгое время британская пресса, защищая позицию Лондона, уламывала юнионистов, склоняла их к «более разумным формам правления». Отношение прессы к кризису резко изменилось после вступления в Ольстер британских войск. Официальные позиции отставались, как и прежде, но теперь речь уже шла не о реформах, а об оправдании армейского разбоя. Симон Винчестер объяснял на страницах «Гардиан», почему на него куда сильнее действовала смерть британского солдата, чем смерть ирландца, а также в чем суть «эмоциональной связи» между английскими репортерами и английскими солдатами: «Мы ощущали, что находимся в чужой стране, в Ирландии, неважно, на севере ее или на юге, и надо признать, была некая тождественность, некая общность между обыкновенным британским солдатиком и британским репортером, фотографом, телевизионщиком, следующим по его пятам. Часто те и другие жаловались на язвы Ирландии, часто солдат мог понять тебя, а ты его и посочувствовать ему. Как и мы, он, отдельный солдат, не был реальной частью кризиса, как и нас, его отправили из Англии делать работу».

И те и другие не были «реальной частью кризиса»? Но ведь кто-то же стрелял по безоружным, избивал невинных, а кто-то прославлял своим пером убийц, насильников, фальсифицировал самую суть кризиса. Происходящее в Ольстере изображалось как конфликт между британским альтруизмом и ирландским иррационализмом. Через многие годы после начала событий в Ольстере «Санди таймс» писала, что начиная с 1969 года — время вступления английских войск в провинцию — «стержнем британской политики в Северной Ирландии является альтруизм». И тогда же «Санди телеграф» радовалась, что «у англичан есть все основания гордиться тем, как вела себя их страна в Северной Ирландии, — это блестящий пример альтруистического служения на благо мира. В наше время ни одна страна не имеет подобных заслуг...» Все это сочинялось после всемирного скандала в связи с пытками в ольстерских застенках, после голодных смертей в концлагере Лонг-Кеш, после сотен жертв, погибших от рук британских «солдатиков».

Об ольстерской драме писали, ее показывали так, чтобы хроника убийств и взрывов действовала «анестезирующе». Не все на такое обезболивание согласны. Николе Бодрис, ее белфастской ровеснице, Полу Йэту отвратительно спокойствие перед лицом смерти, они не хотят, как ни убеждают их в том, считать смерть обыденностью. А ведь убеждают, и очень настойчиво. «В конце одной из недель, принесших особенно много жертв,— писал корреспондент «Таймс»,— я, помню, не мог проехать по городу на машине — всюду шли похороны, процессии остановили уличное движение. Ужасное подозрение поднималось во мне: смерть стала приемлемой, она не волнует людей так, как это бывает в обычном обществе. Убийства забывают через день, а иные из них не трогают никого даже тогда, когда совершаются».

Как отмечали черные юбилей — тысячную, а потом двухтысячную жертвы кризиса? Писалось, что «Ольстер в тупике», что «ситуация все больше осложняется», соглашались, что нынешним числом погибших «кризис не будет исчерпан». И поражали те писания полнейшим отсутствием боли, сострадания, гнева. Никто не вскричал: «Что же это делается? Почему в нашем цивилизованном, со стариной демократией обществе никак не обойтись без пули, пытки, концлагеря?» Кризис предстал на страницах прессы, на экране телевизора не как общая и для ирландцев, и для англичан драма, а всего лишь как массовых смертей. Говорилось, что не худо было бы на «определенных» основаниях подвести этим смертям черту. С чертой ничего не получилось. И тогда обвинять принялись самих погибших. С каждым годом тех становилось все больше, и все больше росла их «вина».

На другой день после «Кровавого воскресенья» газета «Гардиан» напечатала серию интервью.

Пожилая леди в Ламбете, одном из лондонских районов: «Если ирландцы хотят драться — пусть дерутся между собой. Почему наши ребята должны рисковать? Что из того, что какой-то ирландец умер? Мне это все равно. Это их вина».

Архитектор: «Я верю в равные права, но не следует ждать от солдат, что они спасуют перед нарушителями закона».

Владелец склада на Смитфилдском рынке: «Армия делает большое дело. Если они стреляют по людям, то такова их работа».

Страховой агент: «Я горжусь нашими ребятами. Убито

тринадцать? Я полностью доверяю армии. Убитых должно было быть триста».

Некто средних лет из Кеннингтона: «Солдаты действуют по приказу, а я хотел бы, чтобы им разрешали делать все, что они хотят. Боже мой, если бы я был там, то не упустил бы своего шанса. Те тринадцать получили то, что заслужили».

Пенсионер: «Бог знает что случится, если мы предоставим этих ирландцев самим себе... Наши парни поддерживают там закон и порядок, они делают, я думаю, большое дело. Их надо награждать медалями...»

Чиновник в Сити: «Как же еще поступать с людьми, которые собираются вас убить? Почему нам не рассказывают больше о потерях армии?»

Банковский клерк: «Даже если жертвы невиновны, армия сделала то, что должна была сделать. Но я уверен, что жертвы были виновны».

Биржевой игрок: «Кровавое воскресенье»? Они хотели этого, и они это получили».

Многие в Британии, делает вывод газета, поддерживают армию и мало сочувствуют убитым в Дерри. Среди опрошенных «Гардиан» армию поддерживали все, сочувствия убитым не выразил никто. Встретился я однажды в гостях у английских знакомых с неким «филологом по образованию, бизнесменом по призванию, он сам так представился, а в общем человеком широких взглядов». Разговор, как водится, начался с нашего балета, с недавних лондонских гастролей Большого, потом перешли на Достоевского и Чехова. И тут я сказал, что в Белфасте, в единственном сохранившемся там театре смотрел на днях «Вишневый сад». Запомнилась фраза из программки к спектаклю: «Пьеса пронизана осознанием краткости жизни, она оставляет нас с чувством: может быть, лучше не знать счастья, а, как Петя Трофимов, просто слышать его шаги».

— Краткость жизни,— сказал я.— Актуально для Белфаста...

— Не надо об этих ирландцах,— услышал я в ответ.— Вы их не знаете. А я не видел ни одного достойного человека из этого племени. Мы прожили рядом с ними, с этими ублюдками, века. Они стреляют в Ольстере, взрывают бомбы у нас в Лондоне. Иного обращения с собой, кроме силы, не понимают...

— Но ведь не Ирландия покоряла Англию, а...

Дискуссии не получилось. Взяв свой бокал с каминной доски и прощально кивнув, мой собеседник перешел в дру-

гой угол гостиной. Тогда меня резкость таких оценок удивила. Потом я к ним привык. Одному из журналистов я дал прочесть свой напечатанный в английском издании журнала «Новое время» очерк об Ольстере. Чем дальше коллега продвигался по тексту, тем жестче, тем обиженней становилось выражение его лица. Закончил. Отодвинул в сторону журнал. Вздохнул:

— Вы вот все повторяете «католическое меньшинство», «угнетенное меньшинство», а ведь это ирландцы, поймите — ирландцы. Они сами себя загоняют в угол...

Корни такого отношения — и в столетиях колониальной войны, и в годах нынешнего кризиса. В воспитание безразличия и ненависти к «этим ирландцам» немалую лепту внесла «большая» английская пресса. «Как нацию, — пишет «Гардиан», — нас ничто не побудило что-либо предпринять для выхода из этой драматической ситуации. Возле здания Би-би-си стоит начиненная взрывчаткой машина, полиция оцепила пол-улицы. Единственная реакция прохожих: «О, это ужасно!» Но так ли все это нас ужасает? Можно побиться об заклад, что ни один из нас глубоко не задумывался о североирландских проблемах, не старался понять причины того, почему эти бомбы подкладывают». Кто должен был побудить — или пробудить нацию? «Гардиан» этот вопрос не ставит. Опубликовав серию интервью о «Кровавом воскресенье», она не замахнулась на анализ того, почему обыватель, «человек с улицы», с английской улицы, не только не протестует против расстрела на улицах Дерри, но почти улюлюкает над телами убитых.

На страницах лондонской «Обсервер» Анна Донеган, «белфастская журналистка, оказавшаяся на прошлой неделе непосредственно вовлеченной в североирландскую трагедию насилия», рассказывает о гибели своего отца. «В газете «Айриш ньюс», где я работаю, — пишет Анна, — мне приходилось давать репортажи об убийствах, но я не думала, что это случится с нашей семьей». Отца Анны, Джо Донегана, католика, похитили и убили протестантские ультра. Убили, замечу я, как католика, для устрашения других католиков. Читаю абзац за абзацем написанное Анной Донеган, смотрю на ее фотографию — горе застыло в глазах — и жду, что начнется сейчас исповедь человека, обремененного столь жестоким опытом. Но вот что пишет Анна Донеган: «Моему отцу не повезло, он оказался в неподходящем месте в неподходящее время. Он стал мишенью для убийц, поскольку был слегка навеселе после

выпивки в местном клубе». И все. Ну а тысячи других тоже погибли потому, что им «не повезло»?

Газета «Обсервер» и ее белфастский автор на этот вопрос не отвечают. Может быть, потому, что на него уже тысячу раз отвечено, потому, что большая проблема всем и каждому ясна? Приведу на сей счет слова газеты не менее известной, чем «Обсервер». «Подлинная трагедия Ольстера,—пишет лондонская «Таймс»,— часто остается в тени, и можно считать, что те, кто пишет о положении в этой несчастной провинции, намеренно не хотят видеть за деревьями леса. Сообщения о взрывах бомб и убийствах, политическое кривляние и словесная эквилибристика по-прежнему господствуют в газетных заголовках, но за ними — вопиющая реальность социальной несправедливости и жестокой нищеты, которую без преувеличения можно назвать позором западной цивилизации. Об этом уже говорилось не раз, но вряд ли достаточно, чтобы привлечь всеобщее внимание».

Достаточно ли говорила о «позоре западной цивилизации» сама «Таймс»? Могу засвидетельствовать — заголовки этой газеты поспокойней, поакадемичней, чем у иных, но до раскрытия смысла происходящего в Северной Ирландии она, как и прочие, никогда не опускалась. Признания вроде только что процитированных из «Таймс» и «Гардиан» — величайшая редкость, и погоды они, конечно, не делают. Ложь начинается с манипуляции деталями и фактами, с умолчаний, с расстановки «нужных» акцентов. Читательское письмо в «Трибюн»: «Уверена, что 90 процентов англичан считают, что все взрывы и убийства в Ольстере — дело рук «террористов» из католической общины. Слушая радио или читая прессу, отмечаешь, что о религиозной принадлежности жертв насилия говорят и пишут, когда эти жертвы — протестанты, и очень редко, когда — католики. Если речь идет просто о «пяти погибших», знай, что это католики...» Статистика свидетельствует: католиков в Ольстере погибло вдвое больше, чем протестантов.

После расстрела в Дерри из газетных заголовков невозможно было понять, кто виновен в гибели тринадцати демонстрантов. «Таймс»: «Тринадцать гражданских лиц убиты в то время, когда солдаты штурмовали Богсайд». «Гардиан»: «Тринадцать убиты во время подавления беспорядков». «Дейли телеграф»: «Тринадцать убиты в Лондондерри». Кто же эти тринадцать? Кто кого убил?

Полистаешь газетные страницы, и окажется, что похищения извращенцев из ольстерской королевской поли-

ции идут в ряду событий самого первого ранга. О них сказано, пожалуй, не меньше, чем в недавнем прошлом о пытках в «центрах дознания». Чтоб уравниать? Ложь, наконец начинается тогда, когда факты вывертываются паизнанку. О тех же пытках писалось так: заключенные-республиканцы получают от своих шефов сигареты и виски за то, что якобы сами себя истязают для демонстрации врачам и адвокатам синяков и кровоподтеков. «Во время обхода камер,— сказано в «Дейли телеграф»,— надзиратель увидел, как один из заключенных бьется лбом об пол. Пришлось вызвать врача...» И ведь все это печаталось уже после заседаний Европейской комиссии по правам человека в Страсбурге...

«Психологическая война»

Режиссер Би-би-си Колин Томас так снял сцену в городе Дерри: появляются в кадре цветы, потом могила, потом надпись на надгробии «Убит британской армией». У могилы мать одного из погибших в «Кровавое воскресенье». А вот что осталось от этой сцены после того, как телевизионные шефы «отредактировали» ее с помощью пожниц: цветы, могила, женщина у надгробия. Надпись же исчезла. Получилось, что можно говорить о Дерри и не сказать о тех, кто уложил в могилы тринадцать ирландцев... То же произошло и с другой документальной лентой Томаса — о североирландской деревушке Беллантой. Жизнь в ней он показал как драму, переживаемую всем Ольстером. Кварталы, где обитают только католики, и соседние, где только протестанты, одни школы для детей-католиков, другие — для детей-протестантов... Просмотрев эту картину, контролеры Би-би-си в Белфасте потребовали от автора переделок. Речь шла о том, говорит Томас, чтобы, «показывая Беллантой, я отказался от правды». Тогда режиссер подал в отставку.

Колина Томаса не назовешь юнцом, возмущенным холодным цинизмом телевизионных шефов. Он проработал на Би-би-си много лет и знал, что к чему. Стиль этой работы Колин именует «серией компромиссов», в которых он, как и прочие, не раз участвовал. Начинается с того, что автор программы подлаживается под уже принятые на студии мнения и оценки, а кончается тем, что шефы выносят приговор. «В итоге же британские телезрители,— говорит Томас,— не знают всей правды о том, что им показывают с

экрана. Би-би-си и коммерческое телевидение уверены: им, зрителям, и не нужна эта правда. Тех, кто рассказывает о Северной Ирландии, и собственные шефы, и политические лидеры, и армия убеждают не трогать острых проблем, не мешать солдатам «делать свою работу».

Исчезнувшая надпись «Убит британской армией» — хрестоматийный пример той полуправды, что хуже лжи, пример обесмысливания кризиса, его причин и истоков. Единственный раз за многие годы передавалась по телевидению дискуссия о том, почему таких дискуссий не было и нет, почему тема Ольстера вообще не существовала до кризиса, а после кризиса она «лишь наводит скуку».

— Вот тут говорили, — заметил Джон Маккинтош, парламентарий, — что нет телефильмов о североирландских событиях. А потому нет, что английской публике наскучили смерти в Ольстере. Она хотела бы выбросить их из своего сознания. В Северной Ирландии я бываю регулярно. Одно время я ездил туда каждые три месяца, потом каждые полгода, и наконец, я перестал ездить в Ольстер, потому что, честно говоря, не знаю, как решать ольстерскую проблему, — не так ли, кстати, думает и публика? Я попросту отключился от этой проблемы.

— Это какой-то абсурд, — отвечал ему Джонатан Даймблби, телевизионный комментатор. — Ужасно, что такой известный политический деятель, как мистер Маккинтош, в состоянии лишь сказать, что убийства скучны, люди не хотят их видеть, и потому мы должны пожалеть их и не показывать им убийств... Политические организации, Би-би-си, коммерческое телевидение, правительство, оппозиционные партии не хотят, чтобы мы слишком хорошо и много знали о Северной Ирландии. Боюсь, получится так, что наши потомки через тридцать, сорок лет, оглянувшись на то, как освещались британскими средствами массовой информации события в Южной Африке и Северной Ирландии, испытают то же чувство смятения, какое испытывали мы, оглядываясь на то, как в 30-х годах кино изображало события в Германии.

Цензура, ограничения, наложенные на репортеров и редакторов, считает Даймблби, сделали для них практически невозможным задавать вопрос: «Почему?» Почему католики сейчас открыто смеются, когда бывает убит британский солдат, хотя поначалу они встречали армию чашками чая? Влиятельно ли движение за гражданские права? Почему католики оказывают содействие ИРА? Без ответов на эти вопросы нельзя понять североирланд-

скую проблему, они являются пробным камнем для оценки британской политики. «И все же те, кто работает на Би-би-си, не могут задать таких вопросов — менеджеры Би-би-си решили, что такие вопросы поднимать не надо», — заключает Даймблби.

Замечу, что Даймблби, пожалуй, единственный из видных лондонских телекомментаторов, кто, говоря об освещении ольстерского кризиса, называл вещи своими именами. Впрочем со времени той давней дискуссии он к этой теме ни разу не обращался...

Социолог Филипп Эллиот из Лейстерского университета, исследуя по заказу ЮНЕСКО проблему отношения средств массовой информации к кризису, пишет, что те концентрируют внимание на «фактической» стороне — на том, «кто, что, где, когда», — но уходят от оценки сути и значения происходящего. Аудитории сообщается «возраст, пол, род занятий участников инцидента, его место и время». Но такая информация умалчивает о причинах события, насилие предстает в ней как фактор «столь же стихийный и случайный, как гроза или дорожное происшествие». Такова практика. Хозяева газет, радио, телевидения дают ей теоретическое обоснование. В учебнике для журналистов говорится: «Большинство читателей большинства газет — это те, кто оставил школу в 14—15 лет. Их прежде всего интересуют люди и то, что эти люди делают. Их не так уж заботят абстрактные идеи». В инструкциях, подготовленных шефами Би-би-си для сотрудников, работающих на радио, говорится: «Аудитория с интересом воспринимает новости тогда, когда те касаются их лично. Радиослушатели обращают внимание больше на факты, чем на аргументы».

Гармония газет, радио, телевидения с политиками здесь очевидна. Гарольду Вильсону принадлежит фраза: «Когда же прекратятся эти бессмысленные убийства?» Филипп Эллиот цитирует это высказывание Г. Вильсона и отмечает: «Политики постоянно характеризуют насилие в Ольстере как бессмысленное и ужасное». И не просто характеризуют, добавляет он, а делают все, чтобы средства массовой информации подавали события в том же ключе. При этом «оказываются различные формы давления» на прессу, телевидение, радио. Результаты этого координированного процесса — общественная скука и апатия, выражаемые в словах: «О, не может быть, опять эти ирландцы», — заключает Ф. Эллиот.

Особая роль в организации такого давления, а точнее,

в самом производстве пропагандистской продукции принадлежит британской армии. «Женщина-репортер, — пишет в своей книге капитан Кларк, — спросила нашего снайпера, подстрелившего террориста, что это значит для него — убить человека. «Вы просто нажимаете на эту маленькую штучку — курок», — ответил он. Она отошла от него, так ничего и не поняв, но, не сомневаюсь, именно такой ответ она хотела услышать. Мы здесь для того, чтобы давать пищу, материал для сотен ядовитых перьев и фотокамер. Для того, чтобы снабжать нацию потребной ей порцией насилия... Северная Ирландия — индустрия, позволяющая репортерам продвигаться по служебной лестнице. Это представление без антрактов». Кларк напрасно обиделся на пишущую братию. Ядовитые перья для того и поставляют соотечественникам описания ольстерских ужасов, чтобы оправдать «высокую миссию» армии.

Армия лжет прессе и в союзе с прессой, но всякий раз это не импровизация, не частная попытка извратить какой-то отдельный факт или ситуацию, а один из главных элементов стратегии подавления гражданских выступлений. Генерал Фрэнк Китсон пишет: использование армией прессы является «важной частью психологической войны, пропаганда должна строиться аналогично разведывательной службе». Психологическая война, говорит он, «подчиняется военно-политической стратегии, милитаризация средств массовой информации должна возрасти».

На специальных курсах в Беконсфилде тысячи офицеров прошли науку «создания перед телекамерой впечатления искренности», их обучали умению отвечать на «типичные» вопросы. Один из них: «Какова ваша религия?» Утвержденный армейскими пропагандистами ответ: «Не думаю, чтобы моя религия имела бы какое-то значение в данной ситуации, но я считаю себя христианином. Я надеюсь, что христиане смогут жить в мире друг с другом». В ноябре 1971 года та часть устава британской армии, которая посвящалась отношениям военных с общественностью, была дополнена новыми положениями. От армии требовалось поставлять информацию прессе и телевидению, убеждать общественное мнение в том, что «армия делает доброе дело». Устав не случайно был усовершенствован новыми положениями именно в это время — начавшееся в Ольстере интернирование окончательно развеяло надежды католиков на «миротворческую миссию» британской армии.

К кому же адресуются авторы психологических операций? Сфера их действия — и Британия, и весь мир. Пси-

хологическая война, говорит Китсон, должна вестись не только на той территории, где действует армия, ее следует направить против всех, кто «оказывает материальную и моральную поддержку врагу». Американский журнал «Каунтерспай», проанализировав посвященные событиям в Северной Ирландии материалы «Вашингтон пост», сделал вывод — газета «солидарна с позицией английского правительства, заключающейся в том, что конфликт в Ольстере по сути своей носит религиозный характер, что, не будь католиков-террористов, война давно бы кончилась и что британская армия озабочена лишь поддержанием мира». Как ковалась такая «солидарность»? Один из примеров — во время голодовки республиканских заключенных в концлагере Лонг-Кеш в Вашингтон была направлена многочисленная «команда» армейских экспертов по психологической войне. Снабжая прессу сфабрикованными материалами, они делали все, чтобы нейтрализовать поддержку узников эйч-блоков.

Война армии против правды построена на подлогах, умолчании, а чаще всего на наглой лжи. В недрах военных пропагандистских служб была сочинена фальшивая «клятва» — католики-республиканцы якобы клялись в своей ненависти к протестантам. Текст этого «документа» был предоставлен Яну Пейсли, и тот, конечно, с готовностью тиснул его в своей газете «Протестант телеграф». «Эти протестанты, — говорилось в «клятве», — грабители и скоты, они будут, как свиньи, сброшены в море огнем, ножом или ядом. Мы очистим нашу землю от этих еретиков любой ценой, мы должны, используя любой обман, добиваться превосходства над протестантами и распространения католической веры, пока папа не станет руководить всем миром. Чтобы вредить протестантам, мы должны наносить удар при любой возможности, используя любые методы». В огонь межобщинной розни плеснули бензина...

Когда после страсбургского судебного процесса полицейский хирург Роберт Ирвин заявил о том, что пытки в Ольстере продолжаются, армия и полиция сделали все, чтобы растоптать его репутацию. Газетчикам поведали легенду о том, что действия медика продиктованы «исключительно личными мотивами». Какими? Три года назад жену Ирвина изнасиловали солдаты, но полиция не стала вести расследования этого дела, и потому, дескать, доктор Ирвин «обиделся». А как быть со свидетельствами тех, на чьих глазах расстреливали мирные демонстрации, кто терял

и продолжает терять близких, гибнущих от британских пуль? У них ведь тоже «личные мотивы».

А вот заключений профессора Роберта Дейли о последствиях «пяти методов психического давления» британская пресса «не заметила». В те дни она внушала читателям, что шум вокруг «пяти методов» дознания поднят зря, что их «влияние на организм куда менее серьезно, чем влияние старомодных методов пыток». Средства массовой информации, писал психиатр Тим Шеллис, игнорируют научные свидетельства относительно результатов психического давления, убеждают, что «по сравнению с давлением физическим «пять методов» не столь уж негуманны». Газета «Таймс» разъясняла, что подвешивание, пытки водой, электричеством, избивания и другие жестокости «направлены на то, чтобы вызвать боль, в то время как «пять методов» предназначены для «дезориентации сознания». «Нет никакого сомнения, — объявляла «Дейли телеграф», — в том, что есть очевидное, основанное на здравом смысле и полезное различие между техникой психического давления и вырыванием ногтей, избиванием стальными прутьями, пытками током...»

Каков механизм влияния политиков и армии на журналистский мир?

Министр обороны лорд Каррингтон адресовал шефам Би-би-си меморандум, в котором потребовал «сделать все возможное, чтобы впредь не появлялись репортажи, которые могли бы создать впечатление, будто британские войска ведут себя неверно». Повод? В католическом районе Белфаста солдаты застрелили священника Хью Муллена. Застрелили в момент, когда тот на улице причащал человека, раненного теми же солдатами. Радиореporter коротко рассказал об этом эпизоде, но допустил просчет — дал раненому обмолвиться, что Хью Муллена убили выстрелом в спину. Министр обороны был недоволен тем, что реporter «не поставил под сомнение» слова раненого, а также, что уж совсем непростительно, зафиксировал мнение очевидцев, «возложивших вину за убийство Муллена на британскую армию». Руководство Би-би-си охотно признало, что «реporter ошибся, неверно оценил ситуацию».

Меморандум Каррингтона стал для средств массовой информации инструкцией на многие годы вперед. И не только для них, но и для армейских пресс-служб. Колин Уэллес, пресс-офицер британской армии в Белфасте, выйдя в отставку, признавался дублинской «Айрнш таймс», что большинство информации, которую он сообщал журнали-

стам, «было черной пропагандой и дезинформацией, призванной дискредитировать или людей, или группировки». Эндрю Стефен, в то время белфастский корреспондент «Обсервер», писал, что в армейской пресс-службе действует более сотни офицеров и несколько десятков — в штате лондонского наместника и полиции. Проходит какое-то время, рассказывал он, и нового репортера приглашают в офицерский клуб, где за выпивкой и закуской с ним «делятся» новостями, говорят о том, «что надо и чего не надо» писать. В утвержденной министерством обороны инструкции сказано, что «к репортерам и фотографам следует относиться так, будто они располагают статусом офицеров». Репортер приводит пример: взорвана пивная в католическом районе. Кто взорвал? Логика и опыт подсказывают, что взрыв — дело рук протестантских ультраправых. Однако в офисе корреспондента «Таймс» раздается звонок из армейской пресс-службы, следует объяснение: «Католики-террористы готовили бомбы для взрыва в протестантском районе, но те сработали раньше времени». Армия, говорит Стефен, всегда «стремится всучить журналистам свою версию события», репортеры знают об этом, и все же новость о том, что католики подорвались на собственной бомбе, проходит в эфир, звучит в теленовостях, появляется в газетах. Минует несколько месяцев, пока наконец все не признают: да, бомба подложена протестантами...

Отношение армии к журналистам можно назвать строгой любовью, любовью с подозрительностью, сценами ревности и угрозами. Когда Эндрю Стефен перешел в «Санди телеграф», представитель армейской пресс-службы тут же пригласил на ленч нового шефа Стефена, чтобы предупредить — бывший сотрудник «Обсервер» относится «безответственно» к тем, кто «сохраняет мир в Северной Ирландии», и не худо бы переключить его на другие, не связанные с Ольстером темы.

Анни Макхарди из «Гардиан», придя на прием, устроенный для журналистов пресс-службой армии, узнала, что ее телефонные разговоры подслушиваются и записываются военными. Один из офицеров по пьянке стал хвастать знанием деталей ее разговора с мужем. «Откуда вам все это известно?» — спросила Макхарди. «Довелось слушать пленки», — ответил он. Роберт Фиск из «Таймс» заартачился, когда военные стали убеждать его в достоверности одной из своих версий ольстерских событий. Тогда из Белфаста на имя директора «Таймс» ушла бумага, в которой Фиск назывался «враждебно настроенным репортером».

Ну а с теми, кто не поддается на уговоры, не понимает ни намеков, ни угроз, можно поступить совсем просто. Фоторепортеру «Дейли миррор» Спириту Кэйну пластиковыми пулями перебили ногу. А все потому, что песколькими днями раньше Кэйн сделал серию снимков солдат «в деле». Репортер не стремился к разоблачениям, но снимки говорили за себя сами. Военным такой документализм не понравился, было решено образумить настырного фотографа. В интервью газете «Журналист» Кэйн, теперь уже инвалид, вынужденный оставить прежнюю профессию, говорил: «Армия была крайне недовольна моими снимками. Военные считали, что это совсем не та реклама, в какой они нуждаются. Несколько телевизионщиков говорили мне, что офицеры из пресс-отдела спрашивали их обо мне в тот день, когда в меня стреляли».

Знаменательно, что уже есть социологические исследования, предметом которых стала технология дезинформации общественности армией и прессой. В одном из них я прочел: «Заявления армии настолько расходятся с действительностью, что, очевидно, предназначены не для жителей Северной Ирландии, а для английской публики. Чтобы продолжать репрессии, армии важно снабдить британцев искаженной информацией о своих действиях. Пресса рассказывает о том, что случилось, со слов армии, часто «забывая» упомянуть, что это — версия армии, и преподнося события как бесспорный факт».

Сюжет в теленовостях о девочке, «которая везла в детской коляске бомбу, предназначенную для взрыва военного поста». Диктор прочел армейское заявление, где говорилось, что солдаты не стали стрелять в девочку, приняв во внимание ее юный возраст, и ужаснулся по поводу того, что «террористы используют детей в своих операциях». На следующий день эта новость попала на первые полосы многих газет. Помнят ли ее англичане? Однако вся эта история оказалась выдуманной с начала и до конца, в чем через некоторое время призналась сама армия. Телевидение и пресса об этом признании не сообщили...

Да, армия с помощью прессы дурачит англичан, пытается оправдать в их глазах свой террор и насилие. Но у этой пропаганды есть не менее важный адрес — католическое меньшинство Ольстера. Обмануть их пресса не в состоянии и потому стремится к другому — породить и поддерживать у жителей гетто ощущение безысходности, бессилия перед потоком дезинформации о их жизни. Газета «Гардиан» под заголовком «Убит курьер ИРА» пишет: «Солдаты застре-

лили человека, которого они считали курьером ИРА». И здесь же: «Керберри, как утверждают, был одним из тех двух, что угнали машину на Донегал-роуд. Этот автомобиль через полчаса появился в католическом районе Фоллс-роуд, из него дважды стреляли в солдат. Солдаты открыли ответный огонь. Автомобиль вильнул вбок, и Керберри вывалился из него мертвым, другой пассажир скрылся. Местные жители заявили, что солдаты стреляли почти в упор по машине, а Чарльз Нисон, работник «скорой помощи», утверждает, что они пытались поменшать ему оказать медицинскую помощь Керберри, у которого было три пулевых раны в спине».

Обратите внимание, предупреждает исследование, на слова «как утверждают». Кто утверждает — армия? Главная идея сообщения в том, что Керберри стал стрелять первым, а солдаты лишь ответили ему. Был ли журналист свидетелем инцидента? Если это так, то почему не выразил своего отношения к высказываниям «местных жителей»? Если же его не было, то как он может быть уверен, что из автомобиля дважды стреляли? Кто сказал ему об этом? Местные жители или военные?

Тот же эпизод описывает газета «Дейли телеграф»: «В Западном Белфасте двое вооруженных людей угнали машину. Она направилась в сторону армейского поста на Фоллс-роуд. В солдат были сделаны два выстрела. Солдаты ответили тремя выстрелами. У машины лопнула шина, и она затормозила у тротуара. Из нее выскочил человек и побежал. За ним погнались солдаты. Один из тех, кто был в машине — позднее выяснилось, что им оказался Керберри, — выпал на мостовую. В госпитале «Ройял Виктория» было установлено, что он умер от трех пулевых ран в спину. Предполагают, что Керберри был курьером и шофером ИРА».

Здесь все подано как голый факт, отмечают социологи, и мы должны предполагать, что корреспондент сам лично присутствовал при инциденте. Но нам не понять безрассудства человека, который первым выстрелил в патруль, сидящий в бронетранспортере «Сарацин». Если солдаты были такими прекрасными стрелками, что убили Керберри, сидевшего за рулем, то почему они не убили человека, который стрелял в них? Крохотная заметка вызывает вопросы, под напором которых «бесспорный» факт обретает совсем иной, обратный смысл...

Скверный анекдот

К радиатору бронетранспортера приварена решетка, предназначение которой напирать на ряды демонстрантов при разгоне маршей и шествий. Армейский бульдозер против людей. Солдаты называют его «Пэдди-пушер», что означает — машина, толкающая Пэдди. Одна из граней антиирландского юмора.

Острые, конечно, не только солдаты. Ржут газеты, гогочет телевидение, заминки в салонных беседах легко преодолеваются шутками о том, как Пэдди наспловал и крал, о том, как он глуп и необразован. Патрик, он же Пэдди, одно из самых распространенных ирландских имен, образ собирательный: глуповат, хотя и себе на уме, выпивоха, бездельник... Бесконечный кризис, да и вся долгая история отношений метрополии с мятежным островом рикошетом бьет по Англии, бьет, высекая искру злобного смеха. Антиирландский анекдот переживает эпоху расцвета — это часть идеологии, психологический феномен. Читательское письмо в «Дейли мейл»: «Я принадлежу к той нации, которую телевидение, пресса, да и всякий, кто пожелает, может оскорбить и унижить — я ирландец. То, что нашими руками построены в Англии тысячи домов, то, что мы работаем в больницах, на железных дорогах и метро, что мы водим автобусы — об этом никто не заикается. Зато стоит повернуть ручку телевизора, как слышишь — кто-то изгается по поводу ирландцев. Когда пробовал протестовать, мне отвечали, что ирландцы идиоты и много отношения им и нечего ждать...» Под заголовком «Как мне добраться домой?» газета «Дейли миррор» рассказывает историю о том, как пьяный ирландец — без фамилии и имени — позвонил из автомата на телефонную станцию и спросил, где он находится. Ему ответили. Но через минуту пьяный ирландец вновь сообщил, что не может выйти из будки — не находит дверь. Полиция наконец освободила телефонного узника. Он сидел на полу спиной к выходу. К заметке этой подверстано сообщение: «Ирландцы пьют вдвое больше, чем какая бы то ни было нация в Европе».

Журналист из «Санди телеграф» рассказывает «случай»: некий католик украл что-то в протестантской лавке и тут же был пойман хозяином. «Ну не глупо ли ты поступил?» — обращается к вору хозяин. «Если бы вы полвека подвергались эксплуатации, — последовал ответ, — вы поступили бы так же». Вор был пять лет.

На книжном рынке появляется множество сборников

антиирландских анекдотов. Издательство «Футура», например, за два года продало полмиллиона экземпляров книги под названием «Официальные ирландские шутки». Антрополог Эдмунд Лич, исследовав несколько книг такого рода, пришел к выводу — «прототипом ирландца из анекдота является фигура не столько смешная, сколько вызывающая презрение, переходящее во враждебность. Это выросший где-то на болоте пьяница, он никогда не снимает резиновых сапог, не может ни читать, ни писать и постоянно не в ладах с обычным здравым смыслом. Очевидное идиотство и шуток, и изображаемых в них характеров призвано льстить читателю, внушать ему уверенность в том, что есть кто-то не похожий на него, интеллектуально еще более ограниченный. Этническим элементом «ирландских» шуток является, таким образом, скрытый расизм».

Но в одном ли расизме дело? Учительница Джессика Кэмпбел-Кук прислала в редакцию журнала «Нью сосайети» популярные в лондонских школах пародии на экзаменационные вопросы, якобы задававшиеся ирландскому школьнику: «Ответьте на выбор: объясните эйнштейновскую теорию относительности или напишите разборчиво свое имя». И дальше: «В какое время передается телевизионная программа «Новости в 9 часов»?», «Кто изобрел ракету Стивенсона?», «Столицей какой страны является Дублин?», «В Англии было шесть королей по имени Джордж. Джордж I был первым, назовите пять остальных», «Понимаете ли вы ньютоновский закон гравитации? Ответьте: да или нет», «Кто из перечисленных ниже лиц достоин вашего выбора: папа римский, Джек-потрошитель, архиепископ Кентерберийский?» Джессика Кэмпбел-Кук считает, что издевательский текст придуман для того, чтобы «подавить у англичан тревогу по поводу событий, происходящих в Северной Ирландии».

Да, черный антиирландский юмор — попытка открититься от реальности. «За годы кризиса, — пишет С. Нельсон из университета в Стрэтклайде, — в антиирландском юморе произошел сдвиг — раньше подчеркивались «странности» и «подлости» ирландца, теперь «тупость» и «идиотизм». Отсюда прямой путь к утверждению того, что североирландский конфликт «иррационален», а поведение ирландцев не укладывается ни в какие разумные рамки. Потому якобы, что ирландцы никогда не были в состоянии воспринять такие британские политические добродетели, как умеренность, терпимость, стремление к компромиссу.

Когда все это началось? Еще Чарльз Диккенс писал, что ирландец «в течение многих лет выручал нас и оказывал великую услугу обществу, давая возможность любителям анекдотов преподносить их с помощью вводной фразы: «Как сказал ирландец...» Ирландец, понятно, всегда говорил достойные улыбки несуразности. Улыбками впрочем дело не ограничивалось. Из ирландца всегда делали пугало. Вот знаменитый «портрет ирландца», опубликованный в 1862 году в английском юмористическом журнале «Панч» и в последние годы не раз перепечатававшийся: «В самых бедных районах Лондона и Ливерпуля искатели приключений могут встретить существо, представляющее из себя нечто среднее между гориллой и негром. Оно родом из Ирландии, откуда и задумало эмигрировать. По существу, оно принадлежит к племени дикарей: ничтожная порода ирландских гадин. Разговаривая с себе подобными, оно несет нечто похожее на тарабарщину. Это животное можно увидеть поднимающимся по лестнице и нагруженным кирпичами. В состоянии возбуждения ирландская гадина способна на выходки и нападает на вызвавших ее гнев цивилизованных людей».

Известного нам капитана Антони Кларка, человека «цивилизованного», воротит от ирландцев, он их на дух не переносит, считает, что вправе относиться к ним иначе, чем к самому себе. Потому, что они — «звери». Из давней, очень давней традиции произрастает такая система поведения. Не может человек убивать равного себе и не испытывать угрызений совести. А неравного может. Каратели любой эпохи убеждали себя и других, что убивают не себе подобных, а неких недочеловеков или вовсе не людей. В средневековой Испании шли дебаты о том, «являются ли американские индейцы человеческими особями». Для большинства конкистадоров на сей счет сомнений не было: несмотря на свой вроде бы человеческий вид, индейцы — это животные, и относиться к ним надо, как к животным. Те же идеи владели и Кромвелем, и английскими отцами-пилигримами, покорявшими и истреблявшими туземцев Ирландии и Америки. Во время французской буржуазной революции XVIII века не только французы, но и радикалы и бунтари всех стран и народов изображались английскими карикатуристами как существа с свиными рылами. Участники движения «Объединенные ирландцы» выглядели на страницах лондонских изданий как нечто среднее между гориллой и свиньей. Дэниела О'Коннела, одного из ирландских политических лидеров, рисовали не иначе как в об-

разе вурдалака Франкенштейна, а ирландских крестьян-повстанцев — с рогами на голове.

Борьба Ирландии за независимость обострилась в то самое время, когда английский научный мир дискутировал о проблеме происхождения человечества — от Адама и Евы или от обезьяны? Парадокс, но для иных ученых было легче принять новую теорию, потому что негров и ирландцев они считали ниже британцев и других «цивилизованных» наций. «Обезьяны, как тогда считали, — пишет социолог Л. Куртис, — это злые, порочные создания, и потому было легко объяснить происхождение ирландского насилия как результат родства ирландцев с обезьянами».

Пресса и политики доказывали, что ирландцы не в состоянии сами править своей страной. Из речи британского премьера В. Гладстона в палате общин в 1881 году: «Обращаться к властям, принципам абстрактной экономики, к людям и обстоятельствам Ирландии все равно, что предлагать управление жителям Сатурна или Юпитера». К XIX веку ирландцы были уже давно согнаны английскими завоевателями с их земель, их лишили и гражданских и религиозных прав. Но идеологи той эпохи не усматривали никакой связи между британским правлением и ирландской нищетой. Напротив, они доказывали, что ирландцы попали в свое нынешнее состояние «по собственной вине, что оно результат моральной ущербности кельтского характера». В марте 1847 года популярный в английском среднем классе «Фрэзерс мэгэзин» писал: «Англичане по самой природе своей усердны — они предпочитают честный труд безделью... Все же кельтские племена известны своей ленью и непостоянством, а ирландцы среди них самые пустопорожние и непостоянные. Они не станут работать, если смогут просуществовать без этого».

Но ирландцы были не единственными, кого Британия викторианских времен считала низшей расой, «полудьяволами и полудетьми», по формуле Киплинга. Ричард Либбо в книге «Белая Британия и черная Ирландия» пишет: «...Почти с монотонным постоянством жители колоний изображались как ленивые и самодовольные, трусливые, по бесстыдно безрассудные, жестокие, нецивилизованные и неспособные к усердной работе. Когда о них хотели сказать что-либо хорошее, то отмечали их гостеприимство, добродушие, талант к песням и танцам, любопытство, но при этом неспособность надолго удерживать на чем-либо внимание. Короче говоря, перед нами были примитивные создания, которых надо было по-отечески опекать». Именно

такой стереотип, считает Либбу, позволяет нации-колонизатору сознательно следовать в колонии более грубым методам управления, чем дома.

И аргументы вроде гладстоновских, и антиирландский юмор тех лет находили своего потребителя. Среди бедняков Англии ирландцы были наиболее беднейшими. Они готовы были за полцены выполнять тяжелейшую работу, их руками построено в Англии большинство первых фабрик, доков, железных дорог. Ирландская рабочая сила покупалась по дешевке, для английского рабочего ирландец был соперником на рынке труда. «Все промышленные и торговые центры Англии, — писал К. Маркс, — обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем *господствующей* нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии*, укрепляя этим их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец с лихвой отплачивает ему той же монетой. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии*»¹.

Этот антагонизм искусственно поддерживается и разжигается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами — короче говоря, всеми средствами, которыми располагают господствующие классы»¹.

Урок для Британии!

Нет, для метрополии не могло пройти бесследно восьмисотлетнее соседство с народом, который надо было обуздывать, со страной, куда надо было слать и слать карателей. Немалый слой британцев в каждую эпоху был связан с войной против Ирландии, получал выгоды от этой войны и славу на ней. Иной была бы Ирландия, не пойдя

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 557—558.

на нее пристуном Британия, но и сама Британия была бы другой, не будь у нее колонизаторского прошлого и настоящего. Та жестокость, с какой английские джентльмены приобщали к британской короне одну «заморскую территорию» за другой, та цепкость, с которой они их веками удерживали, та двойная мерка для оценки нравственности джентльменов и их рабов — основы всего этого закладывались в войне Британии против Ирландии. С этой жестокостью, с этой двойной меркой мы сегодня сталкиваемся не только в связи с ольстерскими событиями. Фолклендская авантюра вызвала в Британии всплеск шовинизма. На его волне под грохот орудий британских линкоров Маргарет Тэтчер, оперируя «патриотическими» лозунгами, вела избирательную кампанию. И победила...

Завоевание Ирландии нанесло сильнейший удар по британской демократии, приостановило ее развитие. «...Английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию»¹, — писал Маркс. Пролит реки ирландской крови, чтобы утвердить переселенцев-протестантов в их статусе высшей расы, Кромвель был уверен — «окончательное решение» ирландской проблемы найдено. Впереди, однако, были новые схватки и новые реки крови. В 20-х годах нынешнего века, отделив от Ирландии шесть северных провинций, английский премьер Д. Ллойд Джордж попытался еще раз решить ту же проблему. И вновь метрополии казалось, что решение это окончательное. Почти через столетия другой премьер, Г. Вильсон, отдавая приказ об отправке войск в Северную Ирландию, говорил, что «очень скоро солдаты будут отозваны обратно». Тоже думал, что решает ирландскую проблему.

Восьмисотлетняя эпопея покорения Ирландии все никак не может завершиться британской победой, да никогда и не завершится. Не урок ли это для Британии? Известный нам историк Томас Маколей горюет над английскими костями в ирландской земле: «Английская кровь текла при Бойне и при Атлоне, при Антриме и под Лимериком. Тысячи англичан легли в тлетворном лондонском болоте...» Жертвы эти Маколей оправдывает, свободу же ирландцам, убежден он, давать не надо — «погибнут, едва выйдя из зависимости». Проинтервьюируй сейчас английского купца, снаряжавшего в прошлые времена полки завоевателей, спроси его, надо ли было затевать покорение Ирландии, и он наверняка ответил бы, что да,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 532.

надо, ведь затраченное он вернул, а прибыли удвоил. Спроси о том же нынешнего британского генерала, и он ответит тебе, что ольстерский конфликт — величайшая для Англии удача, поскольку Ольстер стал полигоном для отработки «методов подавления общественных выступлений».

И английский негодяй XVII века, и генерал в роли кромвелевского наследника убеждены в британском праве поступать с ирландцами, как с «животными». На них, как впрочем и на тех, жующих телезрителях, о которых рассказывает в своем письме Никола Бодрис, ответственность за несчастья, принесенные Ирландии. Но только ли ей? «На примере ирландской истории, — писал Ф. Энгельс К. Марксу, — можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландском Пейл... Для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию»¹.

Вот символическая, на мой взгляд, ситуация — недавно в центре Лондона полиция открыла огонь по автомобилю, в котором, как она была «убеждена», сидели преступники. И сразу же выяснилось, что жертвы никакого отношения к разыскиваемым преступникам не имели. И в прессе и в парламенте происшествие это вызвало бурную дискуссию, звучал вопрос: «Что ж, выходит, теперь полиция может, не утруждая себя расследованиями, убить кого хочет в интересах «защиты закона и порядка»?» В дискуссии этой не проводились параллели с Ольстером. Но ведь там-то «силы безопасности» без всяких предупреждений уже много лет стреляют по «подозрительным», а то и просто по толпе... О чем, кстати, никакие дискуссии в лондонских «коридорах власти» не бурлят. Но вот теперь ольстерская тактика сработала в британской столице. Произошло это вскоре после того, как шефом Скотланд-ярда стал Кеннет Ньюмен, еще недавно возглавлявший полицию Северной Ирландии. Именно при нем, под его началом расцвела практика выбивания признаний под пытками. Именно он публично лгал, оправдывая своих подручных — заплочных дел мастеров. Не случайна сама тенденция — назначить главой лондонской полиции блюстителя порядка со столь специфическим опытом. Если раньше «бобби» ограничивались дубинкой, слезоточивым

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 304.

газом, водометом, то теперь взялись за оружие, раздались выстрелы.

Ольстерский рикошет. Он от тех самых пуль, которыми убивают ирландцев.

Английская демократия испытания ольстерским кризисом не выдержала. Когда британским парламентом принимались антидемократические, антиирландские законы, их преподносили как необходимые и справедливые. На том, видимо, основании, что законы эти были писаны лишь против «этих ирландцев». Логика наступления на демократию привела, однако, к тому, что законы против «террористов» дали импульс к созданию законов против всех британцев, против всех, кого полиция и власти сочтут возмутителями спокойствия.

В 1974 году в Англии был принят «закон о борьбе с терроризмом», расширявший возможности ареста, разрешавший задержание от 48 часов до 12 дней без права подозреваемого связаться с семьей, друзьями, знакомыми, даже с адвокатом. Уильям Уайтлоу, министр внутренних дел в нескольких консервативных правительствах, а одно время наместник Лондона в Ольстере, признал, что новый закон «в значительной степени посягает на гражданские свободы». Этот закон направлен на то, чтобы заставить живущих в Британии ирландцев, да и самих англичан отказаться от поддержки политических организаций, борющихся за гражданские права в Ольстере, за объединение Ирландии. В результате многих общественных и профсоюзных деятелей ирландского происхождения выслали из Англии. Этот закон позволил арестовать тысячи человек. При этом полиция заранее знала, что ей не удастся предъявить задержанным никакого обвинения. У нее была другая цель — запугать республиканцев, сторонников демократических преобразований в Ольстере, собрать под угрозой тюрьмы и высылки «компрометирующую» информацию, заложить ее в компьютеры.

Генерал Фрэнк Китсон предупреждал, что опробованная на Ольстере стратегия будет затем применяться в Англии. Генерал, как видим, не обманул... Выработка нового репрессивного законодательства обрела особо злободневный смысл сегодня, когда ширятся выступления в цветных гетто Британии, растут стачечное и антивоенное движения. Английское правительство не считает нужным скрывать, что солдаты вправе открывать огонь по демонстрантам, если те «будут угрожать военным объектам». Заявление, вызвавшее шок у многих англичан. Но разве

британские солдаты не расстреляли демонстрацию в Дерри? А ведь та демонстрация никаким военным объектам не угрожала... Когда трудящиеся борются за то, чтобы использовать «законность буржуазии против буржуазии», власти отвечают на эту борьбу поправлением прежнего, возникшего на заре капиталистического общества законодательства, фабрикуют новые, открыто репрессивные законы. «Эпоха использования созданной буржуазией законности, — пишет В. И. Ленин, — сменяется эпохой», когда буржуазия старается «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности», старается «рвать свою собственную законность»¹.

За интересы трудящихся

Ищет ли Британия реальные выходы из ольстерского кризиса? Когда я задавал этот вопрос в Лондоне, мне нередко отвечали: «У Англии нет политики по отношению к Северной Ирландии». Действительно, какая же это политика — слать в Ольстер батальон за батальоном, опутывать улицы все новыми километрами колючей проволоки, арестовывать «по подозрению» все новые и новые сотни людей. Но отсутствие политики в столь острой ситуации уже само по себе есть политика. И консерваторами и лейбористами выпущено множество проектов по решению североирландской проблемы. В чем-то отличаясь друг от друга, они одинаковы в главном — отстаивают «неотъемлемое право» Великобритании на управление Ольстером, не затрагивают причин кризиса. Потому-то кризис и не хочет «выгорать дотла сам по себе», как того желали бы в Лондоне.

Все, чего добилось движение за гражданские права в Ольстере, бралось с боем, вопреки Лондону, юнионистским политикам, разбою экстремистов. Нет, время в Ольстере не остановилось. Впервые за более чем полувековую североирландскую историю здесь теперь действует положение «один человек — один голос», отменен имущественный ценз, представительство на муниципальных выборах стало пропорциональным. Но вынуждаемые на эти уступки власти рассматривали их именно как уступки, причем временные, делали все, чтобы на деле выхолостить содержание первых демократических преобразований. Так,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16, 17.

вместо распущенных специальных сил «Б» был создан «полк обороны Ольстера», где служат многие из тех протестантов, что составляли костяк сил «Б»; прежнее репрессивное законодательство отменено, вместо него принято другое, не менее жестокое; жилищный кризис в католических гетто не стал менее острым после введения новых правил распределения жилья — домов строится мало.

Вот почему Ассоциация борьбы за гражданские права продолжает борьбу за демократические преобразования, добивается принятия «билля о правах», который гарантировал бы:

- свободу политических взглядов и политической деятельности для всех граждан Северной Ирландии;

- запрет какой-либо дискриминации по политическому, религиозному или расовому признаку;

- рассмотрение жалоб на действия армии и полиции не зависимым от них органом, представляющим все население;

- отмену репрессивных законов.

«Билль о правах» положил бы конец военно-полицейскому произволу и тем самым устранил бы одну из важных причин эскалации террора и насилия. Ирландские коммунисты не раз заявляли, что они всецело поддерживают демократические программы, выдвинутые Ассоциацией борьбы за гражданские права, считают, что в борьбе за их осуществление могли бы быть достигнуты определенные позитивные результаты. Но вместе с тем они исходят из того, что ключевой вопрос не в методах британского управления Северной Ирландией, а в том, что у Британии нет права управлять какой бы то ни было частью Ирландии. Никакие успехи демократии при сохранении верховного владычества империализма, заявляет Компартия, не в состоянии поколебать оберегаемую им систему эксплуатации трудового большинства ирландского народа.

В совместном заявлении английских и ирландских коммунистов говорится, что до тех пор, пока продолжается «прямое управление» из Вестминстера, не может быть никакого демократического урегулирования в Северной Ирландии. «Прямое управление» необходимо заменить ассамблеей, которая руководствовалась бы положениями «билля о правах» и выбиралась бы на основе пропорционального представительства. Ассамблея должна обладать финансовыми, а также законодательными полномочиями.

Ни одному из этих справедливых требований создан-

ная ныне Лондоном Ассамблея Ольстера не удовлетворяет. Британия по-прежнему оставила за собой все полномочия в ключевых сферах политики и экономики Ольстера. Ассамблея оказалась отданной Лондоном на откуп протестантским группировкам и партиям. Главным вопросом в повестке дня первой же ее сессии стала проблема «поддержания законности и порядка». Лидеры протестантов потребовали усиления «мер безопасности» — ужесточения репрессий против католических гетто. Официальный Лондон всегда с готовностью откликался на подобные призывы, он и теперь традиции этой не нарушил. Вот почему представители католических партий с полным на то основанием заявляют, что Ассамблея придумана лишь для того, чтобы содействовать продолжению «прямого управления» из Лондона. Английское правительство, подчеркивается в совместном заявлении, должно отказаться от всех претензий на ирландскую территорию. Ирландский народ должен быть свободным, чтобы осуществить свое право на самоопределение и самому решить, какая политическая структура, по его мнению, лучше отвечает интересам всего народа Ирландии. Английское правительство должно ясно заявить, что оно признает это право.

В своей деятельности коммунисты главный упор делают на объединение трудящихся Северной Ирландии, что позволит создать такое движение, которое сможет положить конец кризисной ситуации, обеспечить вывод английских войск, заложить основу для создания единой Ирландии. Необходимо, заявляют они, чтобы рабочие и прогрессивные силы Англии и Ирландии создали движение, достаточно влиятельное, чтобы заставить английское правительство осуществить «билль о правах», распустить суды без присяжных заседателей, провести публичное расследование случаев пыток, применявшихся при допросах «подозреваемых», пересмотреть дела всех заключенных, судившихся в соответствии с «чрезвычайным» законодательством. К другим важнейшим мерам относится отвод всех войск в казармы, а впоследствии их полный вывод из Ольстера, роспуск «полка обороны Ольстера», замена английской военной полиции гражданскими полицейскими силами. Только радикальные демократические реформы могут установить действительное равенство между католической и протестантской частями населения, ликвидировать привилегии, основанные на общинной принадлежности, обеспечить политические права, которые подавлялись в течение столь долгого времени.

Содержание

Белфастский уик-энд 6	Интервью в «Богсайд инн» 87
Ждем взрыва 11	Феномен отчаяния 93
Железная клешня 14	Цели и методы 99
Резиновое лицемерие 17	«Кровавое воскресенье» 105
Госпиталь «Ройял Виктория» 22	Имперский полигон 109
Демография по-ольстерски 24	Ночной патруль 113
«Наносить вред, убивать, сдирать кожу...» 26	«Стрелять, чтобы убить...» 117
Полицейский режим 31	Почему погиб Имон
Ольстер безработных 35	Брэдли? 120
5 октября 38	Люди и звери 123
«А есть ли жизнь перед смертью?» 41	Рядовой Мэгг сошел с ума... 126
Проповедь ненависти 46	Тотальный контроль 128
Пастор Ян Пейсли 52	Признания Фреда
Два «племени» 55	Холройда 131
Барьеры 61	«Пять методов дознания» 136
Любовь и пуля 64	Страсбургский вердикт 142
Ультраправые 68	Ирландский тигель 147
«Смерть католикам!» 73	«Психологическая война» 156
Ультра и армия 78	Скверный анекдот 165
Плата за страх 81	Урок для Британии? 169
	За интересы трудящихся 173

**ЭДГАР АНАТОЛЬЕВИЧ
ЧЕПОРОВ**

ОЛЬСТЕР: ВРЕМЯ ОСТАНОВПЛОСЬ?

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Л. В. Сидашенко*
Младший редактор *Г. С. Пружинин*
Художник *Л. В. Костина*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 4726

Сдано в набор 27.11.84. Подписано в печать 04.03.85. А00043. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,87. Уч.-изд. л. 10,20. Тираж 75 тыс. экз. Заказ 166. Цена 45 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ИМПЕРИАЛИЗМ: хроника преступлений

Белфастский уик-энд
Ждем взрыва
Железная клешня
Резиновое лицемерие
Госпиталь
«Ройял Виктория»
Демография
по-ольстерски
«Наносить вред,
убивать,
сдирать кожу...»
Полицейский режим
Ольстер безработных
5 октября
«А есть ли жизнь
перед смертью?»
Проповедь ненависти
Пастор Ян Пейсли
Два «племени»
Барьеры
Любовь и пуля
Ультраправые
Армейский террор
Ультра и армия
Плата за страх
Интервью
в «Богсайд инн»
Феномен отчаяния
Цели и методы
«Кровавое
воскресенье»
Имперский полигон
Ночной патруль
«Стрелять,
чтобы убить...»
Почему погиб
Имон Брэдли?
Люди и звери
Рядовой Мэгг
сошел с ума...

Тотальный контроль
Признания
Фреда Холройда
«Пять методов
дознания»
Страсбургский
вердикт
Ирландский тигель
«Психологическая
война»
Скверный анекдот
Урок для Британии?
За интересы
трудящихся

